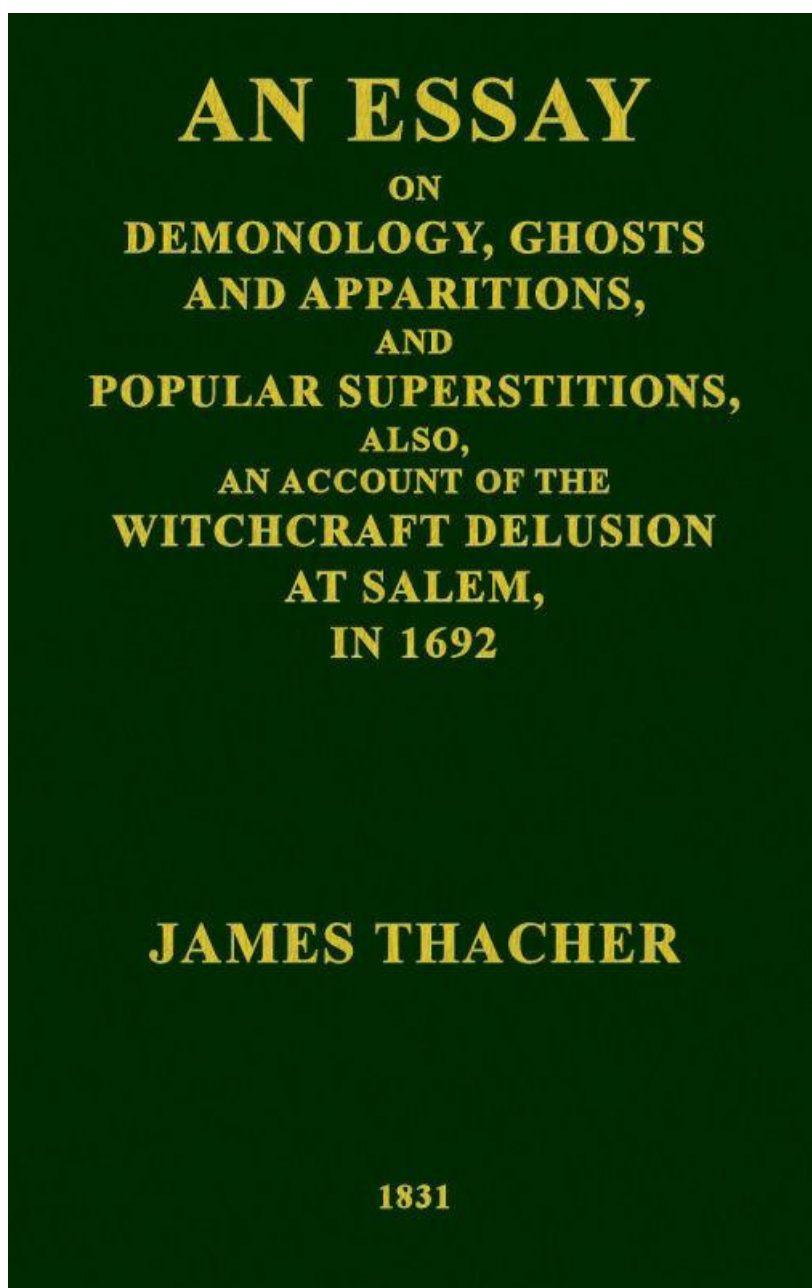

Эссе о демонологии, призраках и
явлениях, а также о народных
суевериях. А также рассказ о
колдовском заблуждении в Салеме в
1692 году

Джеймс Тачер

The Project Gutenberg eBook of An Essay on Demonology, Ghosts and Apparitions, and Popular Superstitions.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой книге или размещенной в Интернете на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: An Essay on Demonology, Ghosts and Apparitions, and Popular Superstitions

Автор: Джеймс Тачер

Дата выхода: 6 июня 2015 [eBook #49152]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Робертом Чикконетти, Сэмом У. и командой Online Команда распределенной корректуры на сайте <http://www.pgdp.net> (Эта книга была создана на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии из проекта Google Print).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK AN ESSAY ON DEMONOLOGY, GHOSTS AND APPARITIONS, AND POPULAR SUPERSTITIONS ***

Примечание транскриптора

Изображение обложки было создано транскриптором для удобства читателя и является общественным достоянием.

ЭССЕ О ДЕМОНОЛОГИИ, ПРИЗРАКАХ И ЯВЛЕНИЯХ И НАРОДНЫХ СУЕВЕРИЯХ, А ТАКЖЕ РАССКАЗ О КОЛДОВСКОМ ЗАБЛУЖДЕНИИ В САЛЕМЕ В 1682 Г.

Джеймс Тейчер, доктор медицины, профессор.

"Заклинаниями и чарами я ломаю челюсти гадюки,

Раскалываю твердые скалы, дубы из расщелин извлекаю,

Целые леса удаляю, воздушные горы сотрясаю,

Землю заставляю стонать, и призраки из могил пробуждаются".

Метамор Овидия.

Даже в природе есть тайны, которые мы не можем исследовать, парадоксы, которые мы никогда не сможем разрешить.

БОСТОН:
CARTER AND HENDEE.
M DCCC XXXI.

Введено, согласно Акту Конгресса, в году
1831 года, Картером и Хенди, в канцелярии клерка
окружного суда штата Массачусетс.

БОСТОНСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПРЕССА.
I. R. BUTTS.

РЕКЛАМА.

Следующие страницы были составлены по существу для чтения в Плимутском лицее в 1829 году. Когда стало известно, что преподобный Чарльз У. Апхэм собирается представить публике работу на ту же тему, было решено, что это небольшое выступление должно быть прервано. Преподобный автор заметил в письме, "что, хотя мы можем пересекать одно и то же поле, весьма вероятно, что мы идем разными путями. Тема настолько разнообразна, обширна и изобилует поучениями, что применение нескольких умов к ее обсуждению принесет скорее пользу, чем зло". Поскольку, таким образом, в глубоко интересной работе, о которой идет речь, ученый автор не особенно обсуждал темы привидений, явлений, психических иллюзий и т.д., не будет никакой неуместности в представлении публике следующей несовершенной работы, с надеждой, что она не будет рассматриваться как совершенно лишняя.

J. T.

Плимут, ноябрь 1831 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Страница.
Призраки и явления,	1
Сила воображения,	21
Иллюзии,	26
Воображение и страх,	47
Суеверие,	63
Колдовство и чародейство,	74
Салемское колдовство,	113
Знамения и предзнаменования,	204
Медицинское шарлатанство,	225

ЭССЕЯ.

ПРИЗРАКИ И НАВАЖДЕНИЯ.

Таково строение человеческого разума, что он никогда не достигает совершенства; он постоянно подвержен ошибочным впечатлениям и порочным склонностям. Способности души скованы суеверием, а интеллект под его влиянием едва ли способен задуматься о своем божественном происхождении, о своем благородстве и достоинстве. Ум, проникнутый суеверным темпераментом, подвержен непрерывным мучениям и готов причинить человечеству самые жестокие злодеяния; даже убийства, самоубийства и беспощадные преследования исходят из суеверного духа и санкционируются им. Именно он, в своем самом ужасающем аспекте, побуждает язычников к жизни, состоящей из увечий и вечной боли и мучений тела, что низводит понимание до уровня животного. Суеверия, практикуемые приверженцами римско-католической церкви, если и менее ужасны, то в равной степени абсурдны и пагубны. Популярная вера в сверхъестественные посещения в виде явлений и призраков поддерживается и поощряется пагубным влиянием суеверий и предрассудков. Эта вера настолько широко распространена, что знатоки истории могут вспомнить эпоху, когда в каждой деревне было свое привидение или ведьма, как в более древние времена в каждой семье были свои домашние боги. Суеверие - слово с очень широким значением, но для целей данной работы оно применимо к тем, кто верит в колдовство, магию и призраки, в то, что божественная воля определяется предзнаменованиями или авгурами, что на судьбу людей могут влиять вещи безразличные, те, которые считаются удачными или неудачными, или что болезни можно вылечить словами, чарами и заклинаниями. Короче говоря, это вера в то, что ложно и противоречит разуму. Суеверие возникает и поддерживается невежеством и легковерием в понимании. Тема сверхъестественных сил и реальности колдовства была поводом для беспредельных спекуляций и философских изысканий почти во всех странах и эпохах. В то время как одни мудрейшие люди соглашались с их реальным существованием и видимым появлением, другие, не менее выдающиеся, придерживались мнения, что предполагаемые явления должны объясняться по принципу лихорадочных снов и расстроенного воображения. То, что наш Создатель имеет власть использовать небесных духов в качестве инструментов и посланников и создавать сверхъестественные видения для человеческого разума, было бы нечестиво отрицать. Но в настоящее время мы не можем представить себе никакой необходимости в использовании бесплотных духов в нашем мире; мы не можем вступать с ними в сношения и не можем извлечь ни малейшей выгоды из их деятельности. Верить в явления - значит верить в то, что Бог приостанавливает действие законов природы ради самых ничтожных целей, и что он передал бы власть творить зло и управлять своими законами существам, только чтобы удовлетворить их собственные страсти, что несовместимо с благостью Божьей. Нам достаточно известно, что святые духи наших отцов вознеслись в регионы, подготовленные для их приема, и там они могут оставаться непотревоженными, пока могущественные тайны, скрытые сейчас, не будут раскрыты для нашего блага. Душа или дух человека нематериальны, конечно же, неосязаемы и невидимы. Если ее нельзя распознать нашими органами чувств, то как мертвые могут являться живым? То, что развоплощенные духи должны общаться с уцелевшими предметами на земле, что призраки убитых должны появляться, чтобы раскрыть

убийцу, или что дух мудрого и доброго человека должен вернуться, чтобы дать наставления мерзким и невежественным, должно считаться нефилософским.

Теперь мы попытаемся доказать, что большинство предполагаемых явлений в наше время можно объяснить чисто естественными причинами. Для этого необходимо сначала описать систему нервов и их функции, которые составляют часть нашего сложного организма. Нервы следует рассматривать как ткань струн или шнуров, которые берут свое начало в головном и спинном мозге и распространяются в виде ветвей во все части тела. Они являются непосредственными органами ощущений и мышечного действия. От целостности нервов полностью зависят все органы чувств, как внешние, так и внутренние. Нервы являются проводниками иллюзий; их влияние распространяется на все тело, а различные впечатления от них передаются в мозг. Если поражается весь мозг, то это приводит к бреду; если только зрительный нерв, то видения нарушают воображение; если акустические нервы получают впечатления, то раздаются нереальные звуки или голоса. Если зрительные нервы перерезаны или парализованы, чувство зрения безвозвратно разрушается. Нервная система подвержена заболеваниям и нарушениям по разным причинам, из которых, очевидно, вытекают расстройства как тела, так и разума. Следующее извлечено из лекции по моральной философии, прочитанной ученым и преподобным Сэмюэлем Стэнхоупом Смитом, доктором философии, покойным президентом колледжа Нью-Джерси.

Нервы легко приходят в движение от бесконечного разнообразия внешних импульсов или внутренних волнений. Каким бы импульсом ни было вызвано движение, вибрация или аффект в нервной системе, за ним естественно последует соответствующее ощущение, или ряд ощущений, или идеи в голове. Когда тело находится в нормальном состоянии здоровья, и операции ума находятся в естественном и здоровом поезде, действие нервной системы, будучи затронуто только регулярными и последовательными впечатлениями, произведенными на него объектами природы, как они последовательно происходят, будет представлять уму справедливые и истинные образы сцен, которые его окружают. Но при различных видах недугов и расстройств в организме нервы, иногда во всей своей системе, а иногда только в тех ее отделах, которые связаны с определенными органами чувств, могут подвергаться весьма нерегулярным движениям или вибрациям. Поэтому в сознании могут возникать нереальные образы. Состояние нервной системы может быть нарушено неумеренными возлияниями или недугами, вызванными малоподвижностью и меланхолией. Суеверия, фантазии или восторженные эмоции часто сильно нарушают регулярное действие нервной системы. Такие эластичные и вибрирующие струны могут быть подвержены бесконечному разнообразию нерегулярных движений, иногда в результате расстройства здоровья, а иногда из-за особенностей конституциональной структуры, которые могут представлять ложные и часто фантастические образы для ума. Ни одна причина, возможно, производит более аномальную осцилляцию, или вибрацию нервной системы, или некоторых отдельных ее частей, чем привычки неумеренного возлияния. И я нередко знакомился с людьми, пристрастившимися к подобным излишествам, которых мучили опасения сверхъестественных явлений. Однако своеобразная имбецильность конституции, вызванная учебой, отшельничеством или другими причинами, может привести к подобным последствиям, и иногда эти нервные аномалии формируются у людей, которые в остальном имеют активную и спортивную конституцию. Но если они обладают просвещенным умом и энергичным пониманием, такие провидческие тенденции могут быть нейтрализованы их интеллектуальной энергией. Однако иногда мы знаем, как самые сильные понимания побеждаются живостью нервных впечатлений, которые часто едва ли уступают самым живым представлениям чувства. Особенно это может происходить в двух противоположных случаях: либо когда тело впадает в мрачный темперамент, а разум ослаблен страхами, и

тогда его угнетают тягостные опасения; либо, с другой стороны, когда нервы, первичные органы чувств, напряжены до неестественного напряжения, и вся система возвышается энтузиазмом до уровня бредового опьянения. Когда человек возвышается до такой степени нервного возбуждения и душевных переживаний, его видения обычно приятны, часто восторженны, а иногда и фантастичны; но, как правило, они не поддаются контролю или коррекции со стороны рассудка. Лорд Литтлтон в видении, которое, по его мнению, он видел в облике своей покойной матери незадолго до собственной смерти, может служить примером первого; а барон фон Сведенборг в своих предполагаемых видениях, иногда ангелов, а иногда рептилий, может быть примером второго. Люди, чьи фантазии были сильно расстроены в раннем детстве рассказами нянек и другими глупостями неразумного воспитания, породившими робкий и суеверный ум, особенно склонны к тому, чтобы их страхи были встревожены, а воображение возбуждено любым предметом в темноте. Отсюда звуки будут усиливаться для уха, а образы становиться более яркими для глаз".

В примечании ученый автор приводит на сайте следующие примеры, призванные проиллюстрировать изложенные принципы.

Несколько лет назад я знал одну достойную даму, которая, с тревогой наблюдая за колыбелью больного младенца и ожидая его смерти, почувствовала, как она полагала, незадолго до смерти, сильный удар по тыльной стороне обеих рук. Из суеверных предрассудков, привитых ей ранним воспитанием, и не зная естественных причин такого явления, она истолковала его как сверхъестественный сигнал о смерти своего ребенка. Вероятно, это было внезапное и судорожное сокращение мышц в этой части системы, вызванное беспокойством ее ума и усталостью от наблюдения, которое, подкрепленное воображением в очень интересный момент, произвело шок, который показался ей сильным сотрясением мозга. То, что судорожные сокращения произошли именно в этих мышцах, не должно казаться странным тем, кто знает, насколько нерегулярным и неопределенным является весь ход нервных действий, особенно при некоторых расстройствах организма, а часто и под влиянием сильных привязанностей и эмоций ума. Одна молодая женщина, которая была особенно восприимчива к впечатлениям страха в темноте или при виде любого сопровождения смерти, присутствовала на похоронах одного из своих близких товарищей, умершего от оспы. На следующую ночь она остановилась в компании с подругой, отличавшейся большой твердостью духа. Проснувшись ночью, через некоторое время после того, как взошла луна и слабо осветила ее комнату, первым предметом, который бросился ей в глаза, был белый халат, висевший на высокой спинке стула, и шапочка, надетая сверху. Ее расстроенное воображение мгновенно забило тревогу, и в волнении и ужасе, разбудив свою спутницу, она яростно воскликнула, что перед ней стоит ее покойный друг. Дама с большим спокойствием принесла предметы одежды, которые вызвали тревогу, и таким образом успокоила свои страхи. После того как она успокоилась и смогла отчетливо вспомнить свои ощущения, она заявила, что перед ее взором предстал идеальный образ покойной в том виде, в каком она была одета для гроба. Она созерцала его так долго, как позволял ей страх, прежде чем воскликнуть. Она была уверена, что узнала все черты своей подруги и даже ямки от оспы, от которой та умерла, на ее лице. И она утверждала, что перед любым судом была бы готова присягнуть в этом факте". "Я привел этот анекдот, - говорит доктор Смит, - лишь для того, чтобы проиллюстрировать силу воображения в его реакции на нервную систему, чтобы завершить картины, которые начали формироваться в результате внезапных импульсов чувств, вызванных удивлением, суеверным или восторженным чувством. Это не единственный анекдот такого рода. Но я выбрал его, потому что лучше владею обстоятельствами, чем многие другие, распространенные в определенных слоях общества. А эти слои не всегда можно найти среди самых невежественных и легковверных". Лорд Литтлтон был человеком

великолепных способностей, но деградировал, продолжая распутничать и распущенность. Его карьера прервалась внезапной и удивительной смертью в возрасте тридцати пяти лет в 1779 году. Различные рассказы, которые были опубликованы относительно этого необычного события, сходятся в большинстве следующих деталей. За три дня до смерти, будучи в полном здравии, он был предупрежден во сне или видении об этом событии, которое, соответственно, произошло без всякой предшествующей болезни. По его собственному рассказу, он пробудился от сна и увидел образ своей покойной матери, которая открыла занавески его кровати и объявила ему, что через три дня он должен умереть. Когда приговор был оглашен, он впал в великий ужас, бессвязно говоря: "Что! Неужели я не проживу и трех дней?". Ответ был таков: "Нет, вы не проживете больше трех дней", и видение мгновенно исчезло. Это тревожное видение его светлость рассказал за завтраком на следующее утро нескольким женщинам, которые были его спутницами. Они расплакались, но он, хотя и был втайне взволнован, сделал вид, что не замечает этого, посмеялся над их доверчивой глупостью и признался, что не испытывает по этому поводу ни веры, ни опасений. На третий день предсказания он пригласил адмирала Вулси и еще одного друга отобедать с ним в его загородном поместье. За ужином его светлость оказался более чем обычно словоохотлив и небрежен в разговоре, перечисляя вероятные замечания, которые, конечно, будут сделаны всякий раз, когда будет объявлено о его смерти. В вечера, увидев своих спутниц в мрачном настроении, он взял одну из них и станцевал с ней менуэт, а затем, достав часы, сказал: "Смотрите-ка, уже девять часов, согласно видению, мне осталось жить всего три часа, но не обращайтесь на это внимания, мадам; не бойтесь, мы разыграем призрака, ручаюсь вам". В одиннадцать часов он лег спать раньше, чем обычно, но притворился, что планировал позавтракать пораньше и провести день, катаясь верхом по деревне. Адмирал Вулси и его друг решили посидеть в гостиной, пока не пробьет предсказанный час, а часы в частном порядке были переведены немного вперед, и как только пробило двенадцать, его светлость сказал: "Вы видите, я обманул призрак"; но вскоре с лестницы послышался голос, произнесший такие слова. "Он умер? О, мой господин мертв! Мгновенно избежав по лестнице, они обнаружили его в постели, откинувшегося назад и борющегося. Адмирал Вулси взял его за руку, которая была схвачена с такой силой, что было больно терпеть, но он больше не говорил. Его глаза были подняты и неподвижны. Вскрыли яремную вену, но кровь не пошла, и он был полностью мертв в полночь третьего дня". В дополнение адмирал Вулси приводит следующие примечательные факты. На расстоянии тридцати миль от места, где произошла эта печальная сцена, жил джентльмен, один из близких спутников лорда Литтлтона, М. П. Эндрюс, эсквайр; они договорились, что кто из них умрет первым, тот получит тысячу фунтов из имущества покойного. В эту самую ночь он проснулся около часа ночи и с силой зазвонил в свой колокол. Его слуга со всей скоростью побежал к нему и спросил: "В чем дело?". Джентльмен сел в постели и с лицом, полным ужаса, воскликнул: "О Джон! Лорд Литтлтон мертв!" "Как это может быть?" - ответил он, - "мы ничего не слышали, но он жив и здоров". Хозяин воскликнул с величайшим возмущением: "Нет, нет, я только что проснулся, услышав, как раздвинули занавески, и у изножья кровати стоял лорд Литтлтон, такой явный, каким я его никогда в жизни не видел. Он выглядел ужасно и сказал: "Со мной все кончено, Эндрюс. Ты выиграл тысячу фунтов", - и исчез". После вышеописанных подробностей, казалось бы, нужно обладать философской стойкостью, чтобы не поддаваться внушению в пользу сверхъестественных посещений; но этот последний случай, как мне кажется, требует иного объяснения. Джентльмен был проинформирован о видении и предсказанной смерти Литтлтона, что, с учетом тысячи фунтов, должно быть, вызвало в его сознании сильное беспокойство и пробудило угрызения совести. Он, несомненно, считал каждый час и, хотя заснул, не мог успокоиться и, вероятно, видел тревожный сон. Проснувшись внезапно, он, вполне естественно, почувствовал, что предсказание

исполнилось. Доктор Смит, который цитировался выше, следующим образом комментирует смерть лорда Литтлтона. Его светлость был человеком, доведенным до очень слабого состояния, с живым и упругим телосложением, с блестящим остроумием, ослабленным сладострастием и неумеренными излишествами. За несколько дней до смерти ему привиделось, что он видит перед собой совершенное подобие своей покойной матери, которая объявила ему, что в такой-то день и в такой-то час он должен умереть. Под сдерживаемой бодростью его ум в этот промежуток времени, очевидно, был сильно взволнован. И в предсказанный день и в назначенное время он действительно скончался.

Этот факт рассматривался многими людьми, причем отнюдь не низкого уровня понимания, как решающее доказательство реальности явлений из духовного мира; и другими его пытались разрешить по самым разным основаниям. Уже предложенные принципы могут, возможно, служить для объяснения в соответствии с известными законами человеческой природы, если теория нервных вибраций будет признана верной, не прибегая к решению о сверхъестественных агентах. Нерегулярные и судорожные движения в нервной системе, которые часто возникают из-за длительной привычки к неумеренным возлияниям, можно было бы особенно ожидать при такой раздражительной и ослабленной конституции, как у лорда Литтлтона. Если бы во сне или наяву, или в тот неопределенный промежуток между сном и бодрствованием их беспорядочные движения могли представить воображению или возбудить зрительные нервы, отчетливый образ живого человека, очевидно, воскресшего из мертвых, что, как было показано, вполне возможно, ослабленный организм его светлости, взволнованный, как это, должно быть, часто бывало, сознательным предчувствием приближающегося конца, естественно предположить, предрасположил бы их к такому видению. Совесть, несмотря на его предполагаемую веселость, несколько взволнованная страхами смерти и воспоминаниями о благочестивой матери, чьи тревожные наставления часто тщетно пытались отвлечь его от пороков и направить его мысли на будущее существование, могла, естественно, проследить ее черты в этом грозном видении. Не исключено, что вся эта сцена была своего рода сном наяву, а если и происходила полностью во сне, то с такой сильной и яркой вибрацией или импульсом нервов, участвующих в формировании такого образа, что придавала ему отчетливость и живость ощущений бодрствования. В буйстве его духа и возбужденных страхом колебаниях всей его системы не странно, что образ разочарованного и упрекающего родителя предстал перед ним в торжественном и предчувствующем аспекте. И это добавило бы только одну черту ужаса к сцене, уже так хорошо подготовленной к его принятию, и одну, которая полностью соответствует нашему опыту отчаянных образов сновидения, а также тому, что мы узнали о подобных визионерских впечатлениях - что определенный период должен быть объявлен ему для его смерти, симптомы и предвестия которой, по всей вероятности, он часто чувствовал в дрожи и сердцебиении разрушающейся конституции. Главная трудность для тех, кто лишь невнимательно ознакомился с этой историей, заключается в том, чтобы объяснить точное соответствие события его смерти времени, установленному предсказанием, если оно не имело иного основания, кроме нервных впечатлений. Воображаемое предсказание само по себе было достаточным для того, чтобы в ослабленном и истощенном организме лорда Литтлтона оно осуществилось. Взяв на вооружение его страхи, вопреки разуму и философии, ибо жизнь в распутстве и чувственных излишествах обычно очень ослабляет силы как ума, так и тела, оно, естественно, привело бы всю его систему в величайшее смятение. Эти возмущенные и бурные волнения будут нарастать по мере приближения сужденного момента, пока природная сила не ослабнет, и можно предположить, что он сломается в момент крайней конвульсии, то есть в ожидаемый момент смерти.

В деле, во многом аналогичном делу его светлости, в городе Филадельфия до сих пор живет множество свидетелей. Контраст в вопросе последнего служит подтверждением решения, которое только что было дано в отношении первого. Мистер Эдвардс, священнослужитель баптистского толка в этом городе, склонный к меланхолии по привычке, но в остальном крепкого телосложения, имел, как и лорд Литтлтон, зрительное впечатление, настолько ясное и отчетливое, что он принял его за сверхъестественного посланника из духовного мира, объявившего ему, что в конце определенного срока он должен умереть. Он был настолько убежден в реальности видения и истинности предсказания, что покинул своих друзей и общину до назначенного дня. Вечером этого дня я увидел, что его дом заполнен зрителями и дознавателями, с нетерпением ожидавшими развязки этого необычного дела. Суматоха во всем его организме, затрудненное дыхание, быстрый и трепетный пульс и его частые перебои заставляли многих в течение этого вечера в разное время объявлять окружающим зрителям, что он только что умер. И несомненно, если бы его каркас был таким же слабым и хрупким, как и его нервная система, он не смог бы выжить в тех волнениях и, можно сказать, почти конвульсиях, в которые он был ввергнут. И здесь было бы еще одно предсказание и еще одно сверхъестественное явление, столь же необычное, как и у лорда Литтлтона. Но его конституция восторжествовала, и он остался памятником, доказывающим силу нервной иллюзии, которая в этом случае, как, несомненно, и во многих других, породила образ столь же ясный и определенный, какой мог бы быть создан реальным присутствием такого объекта, который, как предполагалось, его создал. Я бы вряд ли решился рассказать этот анекдот, если бы не существовало достаточное количество свидетельств его истинности. Этот добрый человек так стыдился своего заблуждения, и оно настолько снизило его авторитет среди его духовной паствы, что он был вынужден покинуть город и церковь, где его раньше очень уважали, и удалиться в отдаленное место в деревне. Множество анекдотов, подтверждающих реальность *нервных ощущений*, если я могу применить это выражение для обозначения тех *чувственных восприятий*, которые иногда вызываются в сознании без присутствия или помощи внешних объектов, должно быть, происходило с теми, кто имел широкие возможности практически наблюдать человеческую природу. Я был знаком с несколькими людьми, причем отнюдь не низкого уровня понимания, которые были твердо убеждены в существовании призраков, обозначаемых такими нервными аффектами, и в подобных случаях вели с ними беседы, реальные с их стороны, воображаемые со стороны предполагаемого призрака. Таковы, пожалуй, в целом ученики барона фон Сведенборга. Но иллюзии такого рода присущи не только этому классу людей.

СИЛА ВОООБРАЖЕНИЯ.

К доктору Ван Кливу из Принстона недавно обратился в качестве врача один человек, доведенный невоздержанностью до состояния крайне неприятного нервного расстройства. Его постоянно беспокоили видения, иногда самые фантастические. Он часто слышал странные голоса, задавал вопросы и отвечал на них, как будто вел беседу с кем-то из своих провидцев. По словам доктора, его расстройство явно не относилось к тому виду, который обычно называют манией, а было следствием привычки к нервным расстройствам, *delirium tremens*, вызванным предыдущей невоздержанностью. Но барон фон Сведенборг в самые яркие моменты своих видений никогда не был окружен более необычными скоплениями странных зрелищ. Очень яркий пример силы нервных впечатлений произошел несколько лет назад с преподобным Джеймсом Уилсоном, бывшим помощником священника доктора Роджерса в первой пресвитерианской церкви Нью-Йорка. Он был уроженцем Шотландии и

слыл человеком, которого высоко ценили за здравый смысл и здравость суждений, хотя и не отличался пылким и популярным красноречием. Будучи вынужден на время отказаться от сана из-за кровоизлияния в грудь, он несколько лет занимался разными делами в Шотландии и Америке, но в основном руководил Академией в Александрии, штат Вирджиния. Когда отхаркивание крови прекратилось на значительное время, его совесть начала упрекать его в лености и самоуничтожении, в том, что он не возобновил свои министерские функции. В этом тревожном состоянии духа утром, после того как он полностью проснулся, ему явилось видение, как ему показалось, человека очень величественного вида, который встал у изножья его кровати и, пристально рассматривая его в течение нескольких мгновений, приказал ему возобновить свои обязанности на кафедре: но добавил, что, поскольку в церковь вкралось много ошибок, он должен взяться за ее реформирование в соответствии с образцом первобытного века. Мистер Уилсон, сознавая, что ему не хватает красноречивых талантов и реформаторского рвения, вступил в перепалку с предполагаемым явлением, утверждая, что он совершенно не способен справиться с возложенной на него задачей. Диалог закончился повторением приказа и заверением в способности и успехе. Добрый человек, совершенно неспособный объяснить это ясное и осязаемое видение, исходя из каких-либо принципов природы или философии, с которыми он был знаком, был глубоко огорчен, но, прекрасно понимая свою неспособность к такому делу, он не стал пытаться его выполнить. Через два-три года видение повторилось, почти при тех же обстоятельствах, за исключением того, что облик явившегося человека был более суровым и выражал неудовольствие по поводу его прошлых проступков. Мистер Уилсон повторил свои прежние рассуждения о нехватке здоровья и талантов, а также на другие темы. Но ответ был все тот же: повторение предписания, заверение в необходимых способностях и конечном успехе. Его страдания достигли наивысшей степени в результате конфликта между тем, что он считал разумной демонстрацией сверхъестественных требований, и непобедимым сознанием собственной некомпетентности, а также страхом нанести вред истинной религии своей неудачей. Посоветовавшись с несколькими друзьями по этому поводу, он в конце концов обратился с письмом к автору, изложив все обстоятельства, которые только что были подробно описаны. Ему ответили общими рассуждениями, содержащимися в этой лекции, чтобы убедить его в том, что его видение было всего лишь следствием нервного расстройства, возникшего в результате телесного расстройства. Между мистером Вильсоном и автором было написано три письма, в которых мистер Вильсон рассуждал с большим спокойствием и здравым смыслом, признавая все возражения против такого апостольского начинания, как то, к которому его призывали, как из Писания, так и из собственного недостатка сил и талантов, но ссылаясь на импульс ощущения, такого ясного и сильного, и, по его мнению, такого реального, какое он когда-либо испытывал. Но ему ответили, что есть и другие соображения в сочетании со всей системой и гармонией природы, которые должны иметь больший авторитет для рационального ума, чем любое отдельное и индивидуальное впечатление чувства, которое, очевидно, нарушает общий порядок. В конце концов переписка свелась к тому, что, поскольку он согласен с церковью в ее нынешнем виде в большинстве ее доктрин, и особенно в моральных заповедях религии, ему следует начать свой курс с привития только тех принципов, в которых все согласны, и если он найдет обещание своего видения подтвержденным в его вернувшейся силе и успешном красноречии, то у него будет достаточно стимулов для дальнейшего продвижения. Он приехал в Нью-Йорк с намерением воплотить этот эксперимент в жизнь, но умер в этом городе вскоре после приземления. Он опубликовал одно рассуждение, вводящее к этому замыслу.

ИЛЛЮЗИИ.

Следующие наблюдения д-ра Раша содержатся в его "Трактате о болезнях ума". Под этим термином (Иллюзии) я подразумеваю болезнь, при которой ложные восприятия происходят в ушах и глазах в состоянии бодрствования, из-за болезненного поражения мозга или чувства, которое является местом иллюзии. Это можно рассматривать как сон наяву. Страдающим от него людям кажется, что они слышат голоса или видят несуществующие предметы.

Суеверные люди считают, что эти ложные восприятия являются предчувствием смерти. Они иногда указывают либо на формирующееся состояние, либо на фактическое существование болезни, которая, будучи заложена чаще всего в жизненно важной части тела, то есть в мозге, время от времени заканчивается смертью и тем самым поддерживает суеверие. Они зависят, как и ложное восприятие в безумии, от движения, возбуждаемого в части уха или глаза, которая не вибрирует от впечатления, произведенного на нее, но передает его той части, на которую ранее было произведено впечатление от услышанного шума или увиденного человека, и поэтому одно становится слышимым, а другое видимым.

Обман ушей чаще всего заключается в том, что мы слышим свои собственные имена, и по этой очевидной причине: мы привыкли слышать их произнесение чаще, чем любые другие слова, и поэтому та часть уха, которая вибрирует при звуке наших имен, движется более быстро, по привычке, чем любая другая его часть. По той же причине обман глаз заключается в том, что мы видим свои собственные лица или лица наших близких друзей, живых или мертвых, чаще, чем любых других людей. Часть сетчатки, от которой отражаются эти изображения, движется быстрее, по привычке, чем любая другая часть органа зрения.

Голос, который якобы слышен, и предметы, которые якобы видны, никогда не слышны и не видны двум людям, даже когда они находятся близко друг от друга. Это доказывает, что оба они являются следствием болезни одного человека, который слышит или видит предполагаемый голос или объект".

Доктор Раш привел множество примеров частичного нарушения психики при ипохондрии, в основном из собственного опыта, например, следующие. Один морской капитан считал, что у него в печени сидит волк; другие - что они превращаются в животных другого вида, таких как гусь, собака, кошка, заяц, корова и тому подобное. Один воображал, что когда-то был теленком, и упоминал имя мясника, который его убил, и прилавок на филадельфийском рынке, на котором продавалась его плоть, до того как он оживил свое нынешнее тело. Один верил, что у него нет души. Другой - что он превратился в растение и настаивал на том, чтобы его поливали вместе со всеми окружающими его растениями в саду. Еще один считал, что его тело превратилось в стекло. Знаменитый Коупер много мучился от жалоб схожего характера, возникавших из-за ипохондрического аффекта.

Среди причин нервных расстройств и больного воображения - малоподвижный образ жизни и свободное употребление крепкого чая. Следующие случаи были сообщены моим другом, преподобным мистером К.

Покойный преподобный мистер Ф. из Ипсвича, который был очень малоподвижен; большую часть времени он проводил в кабинете без физических упражнений, и его здоровье пошатнулось. За некоторое время до смерти он воображал, что на самом деле мертв. Я видел его в таком состоянии духа, когда он ходил по палате в крайнем волнении. На вопрос, как он мог так страдать, если на самом деле был мертв, он ответил, что его собственный дух покинул его, и что другой дух завладел его телом.

Один джентльмен в Бостоне как-то рассказал первому президенту Адамсу, что он стал странно пуглив, не осмеливается держаться боковых дорожек, а ходит посреди улицы, постоянно опасаясь, что черепица на домах упадет ему на голову. Президент спросил его, не злоупотребляет ли он чаем, и, получив утвердительный ответ, посоветовал ему употреблять его более экономно, и, возможно, эта перемена пойдет ему на пользу. Последовав этому совету, он почувствовал облегчение и вскоре смог без опасений вернуться к боковым прогулкам.

Один джентльмен из Салема, плывший с юга в Массачусетс, находясь под влиянием нервного возбуждения, вообразил, что видит в воде рядом с кораблем человека, который тонет. Полагая, что может спасти ему жизнь, он уже собирался прыгнуть в море с этой целью, но был счастливо остановлен теми, кто находился на палубе. Впоследствии он восстановил свое здоровье и прекрасно помнил свои чувства в тот момент. У него не было мысли покончить с собой, но он бы погиб, если бы ему не помешали. Подобные случаи, вероятно, имели место, когда жизни людей погибали в результате такого заблуждения.

Говорят, что мистер Мердок, член законодательного собрания штата Вермонт, который недавно покончил с собой, вообразил себя доктором Кливлендом, приговоренным к смерти. Мистер Мердок попытался выступить, когда дело Кливленда рассматривалось в законодательном собрании, но был настолько взволнован, что не смог говорить, и его вывели из дома друзья. Под сильным впечатлением от того, что он Кливленд, он покончил с собой, чтобы избежать гибели от закона. Это событие могло бы стать захватывающей главой в истории демонологии и колдовства сэра Вальтера Скотта.

Нам будет полезно привести следующий случай с мистером Николаем, интеллигентным книготорговцем и членом Берлинской академии наук, который, к счастью, обладал достаточной философией, чтобы объяснить фантомы, которые в течение некоторого времени будоражили его разум, исходя из рациональных принципов. В 1791 году я был сильно уязвлен несколькими происшествиями весьма неприятного характера; и в один из дней случилось обстоятельство, которое чрезвычайно меня раздражало. В десять часов утра моя жена и еще один человек пришли утешить меня. Я находился в сильном душевном волнении, вызванном рядом происшествий, которые совершенно ранили мои нравственные чувства и от которых я не видел никакой возможности избавиться; как вдруг я заметил на расстоянии десяти шагов от себя фигуру, фигуру умершего человека. Я указал на нее и спросил жену, не видит ли она ее. Она ничего не увидела, но, сильно встревоженная, постаралась успокоить меня и послала за врачом. Фигура оставалась семь или восемь минут, и в конце концов я немного успокоился; а поскольку я был крайне истощен, то вскоре после этого погрузился в тревожную дремоту, которая продолжалась полчаса. Видение было приписано сильному душевному волнению, в котором я находился, и предполагалось, что мне больше нечего опасаться по этой причине; но бурный аффект привел мои нервы в какое-то неестественное состояние; из этого возникли дальнейшие последствия, которые требуют более подробного описания. Во второй половине дня, немного позже четырех часов, снова появилась фигура, которую я видел утром. Я был один, когда это случилось, и это обстоятельство, как легко понять, не могло быть очень приятным. Поэтому я отправился в квартиру своей жены, которой и рассказал обо всем. Но и там фигура преследовала меня. Иногда она появлялась, иногда исчезала, но всегда это была одна и та же стоящая фигура. Немного позже шести часов появилось несколько преследующих фигур, но они не имели никакой связи со стоящей фигурой. После первого страшного дня фигура умершего человека ни разу не показалась мне; но несколько других фигур проявились после этого очень отчетливо; иногда это были те, кого я знал, но в основном - незнакомые мне люди, а среди тех, кого я знал, были

подобия как живых, так и умерших людей, но в основном первых; и я заметил, что знакомство с , с которыми я ежедневно общался, никогда не представлялось мне в виде фантомов; это всегда были такие, которые находились на расстоянии. Эти фигуры являлись мне в любое время и при самых разных обстоятельствах, одинаково отчетливо и ясно. Будь я один или в компании, при свете дня и ночью, в собственном доме и у соседа; но когда я находился в доме другого человека, они появлялись реже, а когда я шел по общественной улице, они появлялись очень редко. Когда я закрывал глаза, фигуры иногда исчезали, иногда оставались даже после того, как я их закрывал. Если в первом случае они исчезали, то, когда я снова открывал глаза, появлялись почти те же фигуры, которые я видел раньше. В основном я видел человеческие фигуры обоих полов; они часто ходили туда-сюда, как будто не были связаны друг с другом, как люди на ярмарке, где все суетятся; иногда казалось, что они имеют дело друг с другом. Раз или два я видел среди них людей верхом на лошадях, собак и птиц; все эти фигуры предстали передо мной в натуральную величину, так же отчетливо, как если бы они существовали в реальной жизни, с несколькими оттенками на непокрытых частях тела и со всеми различными видами и цветами одежды. В целом, чем дольше я находился в таком состоянии, тем больше усиливались фантазмы, а явления становились все более частыми. Примерно через четыре недели после этого я начал слышать, как они говорят, иногда фантомы говорили друг с другом, но по большей части они обращались ко мне; эти речи были в целом короткими и никогда не содержали ничего неприятного. Мне часто являлись умные и уважаемые друзья, которые старались утешить меня в моем горе, которое до сих пор оставляет глубокие следы на моем сознании. Эти речи я слышал чаще всего, когда оставался один; хотя иногда я слышал их в компании, смешивая с разговорами реальных людей, часто только в отдельных фразах, но иногда и в связных рассуждениях. Хотя в это время я наслаждался довольно хорошим состоянием здоровья как тела, так и ума, и настолько освоился с этими фантазмами, что в конце концов они не вызывали ни малейших неприятных эмоций, а, наоборот, давали мне частые поводы для веселья и радости; тем не менее, поскольку расстройство ощутимо усилилось, и фигуры, казалось, меня весь день вместе, и даже ночью, если мне случалось проснуться, я прибегал к нескольким лекарствам. Если бы я не умел отличать фантомы от явлений, я, должно быть, сошел бы с ума. Если бы я был фанатиком или суеверным, то ужаснулся бы собственным фантазмам и, возможно, был бы охвачен каким-нибудь тревожным расстройством. Если бы я был привязан к чудесному, я бы стремился возвеличить собственную значимость, утверждая, что видел духов; и кто мог бы оспаривать со мной факты? В данном случае, однако, можно увидеть преимущество здоровой философии и продуманной наблюдательности. И то и другое не позволило мне стать ни лунатиком, ни энтузиастом; ведь при столь сильно возбужденных нервах и столь быстро циркулирующей крови меня легко могло постигнуть любое из этих несчастий. Но я считал витавшие вокруг меня фантазмы тем, чем они были на самом деле, а именно последствиями болезни, и подчинял их своим наблюдениям, поскольку считаю наблюдение и размышление основой всей рациональной философии". Этот джентльмен привык терять кровь дважды в год, но в этот раз это было пропущено, и, так сильно пострадав от пренебрежения, он снова прибегнул к кровопусканию и вскоре избавился от всех своих фантазмов.

Следующая статья содержится в Эдинбургском научном журнале под редакцией доктора Брюстера, который говорит о рассказчике этого случая, что "его положение в обществе и статус ученого подтверждают достоверность мельчайших деталей его повествования и удовлетворяют самого скрупулезного читателя в том, что случай был описан не только достоверно, но и философски". На самом деле рассказчик - это муж дамы, которая была объектом болезни.

Двадцать шестого декабря 1829 года, около половины четвертого пополудни, миссис Б. стояла у огня в холле и собиралась подняться по лестнице, чтобы одеться, когда услышала, как ей показалось, мой голос, зовущий ее по имени: - Иди сюда, иди ко мне! Она вообразила, что я зову к двери, чтобы ей открыли, пошла к ней и, открыв ее, удивилась, что никого нет. Она вернулась к огню и снова услышала тот же голос, который звал очень отчетливо и громко: - Иди сюда, иди сюда. Тогда она открыла две другие двери в той же комнате, но, никого не увидев, вернулась к камину. Через несколько минут она услышала тот же голос, по-прежнему зовущий: "Приди ко мне, приди, уйди"; на этот раз он был громким, пронзительным и несколько нетерпеливым. Она ответила так же громко: "Где ты? Я не знаю, где ты", - все еще воображая, что я где-то ищу ее; но, не получив ответа, она вскоре поднялась по лестнице. Когда я вернулся в дом через полчаса после этого, она поинтересовалась, почему я так часто звал ее и где я был; и, конечно, была удивлена, узнав, что меня не было рядом с домом в это время.

30-го числа того же месяца, около четырех часов пополудни, миссис Б. спустилась по лестнице в гостиную, которую покинула за несколько минут до этого, и, войдя в комнату, увидела меня, стоящего, как она предполагала, спиной к огню. Она обратилась ко мне, спрашивая, как случилось, что я так быстро вернулась. (Она сказала, что я смотрел на нее с серьезным и задумчивым выражением лица, но не говорил. Она предположила, что я занят своими мыслями, и села в кресло у камина, а в паре футов от меня большая часть фигуры, которую она все еще видела стоящей перед ней. Однако глаза продолжали смотреть на нее, и через несколько мгновений она сказала: "Почему вы не говорите...? Фигура отошла к окну в дальнем конце комнаты, глаза по-прежнему смотрели на нее, и при этом прошла так близко от нее, что она была поражена тем обстоятельством, что не услышала ни шагов, ни звуков, не почувствовала, что ее одежду задевают, и даже не ощутила никакого колебания воздуха. Тогда в ее голове впервые возникла мысль, что это не реальность, а призрачная иллюзия (будучи человеком здравомыслящим и привыкшим рационально оценивать большинство вещей, она не допускала мысли о чем-то сверхъестественном). Однако она вспомнила, что вы упоминали о том, что существует своего рода *experimentum crucis*, применимый к подобным случаям, с помощью которого можно отличить подлинный призрак от призрака, вызванного лишь естественными причинами; а именно: надавливание на глаз, чтобы вызвать эффект двойного зрения, когда, согласно вашему утверждению, настоящий тартарейский призрак может быть продублирован, как и все остальное; в то время как болезненная идея, являющаяся, как я полагаю, отпечатком на сетчатке глаза, должна была бы оставаться одной. Мне, однако, жаль говорить, что возможность проверить вашу теорию оказалась неблагоприятной. Прежде чем миссис Б. смогла отчетливо удвоить зрение, моя фигура отступила к окну и исчезла там. Леди последовала за ней, встряхнула занавески и попробовала окна, все еще не желая верить, что это не реальность, настолько отчетливым и сильным было впечатление. Однако, обнаружив, что естественного выхода нет, она убедилась, что видела призрачное явление, подобное тому, что описано в работе доктора Хибберта, и поэтому не почувствовала тревоги или волнения. Явление длилось четыре или пять минут. Был яркий дневной свет, и миссис Б. уверена, что явление было таким же ярким, как и реальность, а когда оно стояло близко к ней, то, конечно же, скрывало за собой реальные предметы. Когда мне рассказали об этом моем видимом появлении в духе, которое за несколько дней до этого было только *слышно*, я, как вы можете себе представить, больше встревожился за здоровье леди, чем за свою приближающуюся смерть или любую другую фатальность, которую, как можно предположить, предвещало видение. Тем не менее обе истории были настолько *похожи* на рассказы о привидениях, три призыва жалобного голоса, каждый из которых был громче предыдущего, неподвижный взгляд и скорбное выражение лица призрака, его бесшумный шаг и исчезновение, подобное духу, - все это было настолько

характерно для призрака, что я не смог бы отделаться от некоторых неприятных фантазий, которые разум, однажды глубоко пропитанный ядом детских сказок, не может полностью изгнать, если бы не третье явление, которому я сам помогал, через несколько дней после этого, и которое, я думаю, является ключевым камнем в деле, делая его настолько полным, насколько можно было бы пожелать.

4 числа этого месяца, января 1830 года, через пять дней после последнего явления, около десяти часов вечера, я сидел в гостиной с миссис Б. и разжигал огонь, когда она воскликнула: "О, в комнате кошка!". Я спросил "Где?". Она ответила: "Там, рядом с вами". "Где?" - повторил я. "На ковре, между вами и угольным ящиком". У меня в руке была кочерга, и я ткнул в указанном направлении. "Осторожно, - закричала она, - осторожно, вы бьете ее кочергой". Я снова попросил ее указать, где именно она видела кошку. Она ответила: "Да вон там, на ковре, близко к вашим ногам: она смотрит на меня. Это Китти, иди сюда, Китти". В доме живут две кошки, одна из которых носит это имя. В гостиной они бывают редко, если вообще бывают. В это время миссис Б., конечно, не подозревала, что вид кошки - иллюзия. Я попросил ее потрогать ее. Для этого она встала, и мне показалось, что она преследует что-то, что удаляется. Она прошла несколько шагов, а потом сказала: "Она ушла под кресло". Я сказал ей, что это иллюзия. Она не поверила. Я поднял стул, но там ничего не было, и миссис Б. больше ничего не видела. Я обыскал всю комнату, но ничего не нашел. На очаге лежала собака, которая, если бы в комнате была кошка, выдала бы сильное беспокойство. Он был совершенно спокоен. Чтобы окончательно убедиться в этом, я позвонил в колокольчик и послал за кошками. Обе они были найдены в комнате экономки. Самый суеверный человек теперь не мог бы сомневаться в реальном характере всех этих иллюзорных появлений, и дело настолько завершено, что я надеюсь, что больше не будет возобновления их, симптоматичных, как, конечно, симптоматичны они для расстроенного состояния организма. К моему сожалению, миссис Б., как и я сам, забыла вовремя испробовать *experimentum crucis* на кошке. У миссис Б. от природы болезненно чувствительное воображение, настолько сильно влияющее на ее телесные впечатления, что рассказ о каком-нибудь человеке, испытывающем сильную боль в результате несчастного случая или по другой причине, время от времени вызывает острые приступы боли в соответствующей части ее собственной персоны. Например, рассказ об ампутации руки вызовет мгновенное и сильное ощущение боли в ее собственной руке; то же самое касается и других отношений. Она может говорить во сне, с большой беглостью; повторять стихи очень долго, особенно когда нездорова, и даже *целых* полчаса, не переставая цитировать строки, начинающиеся с последней буквы предыдущей, пока ее память не истощится.

В течение последних шести недель она была значительно ослаблена изнурительным кашлем, который также усугублял ее слабость, не позволяя принимать ежедневное тонизирующее средство, к которому она привыкла в течение некоторого времени. Кроме того, по этой причине она ограничивалась домом в течение нескольких недель, что не свойственно ей, привыкшей много бывать на воздухе и заниматься спортом. Ее общее здоровье в течение некоторого времени не было крепким, и долгий опыт доказал, что ее плохое самочувствие объясняется нарушением работы органов пищеварения. Эти подробности необходимы для полного понимания этого случая, который представляется мне необычайно интересным, поскольку сочетает в себе характер обычной истории о призраке и несомненной иллюзии, а также благодаря тому, что произошел с человеком сильного ума, лишенным каких-либо суеверных причуд, и на него можно было безоговорочно положиться в отношении истинности мельчайших деталей явлений. Действительно, я не помню ни одного достоверного и недавнего случая ушного галлюциноза, подобного первому из описанных мною, хотя, конечно, предупреждающие голоса и звуки, которые напугали в могилу слишком

много слабых людей, должны были быть такого рода. Миссис Б. рассказала мне, что около десяти лет назад с ней случилось подобное обстоятельство, когда она жила во Флоренции и была совершенно здорова. Раздеваясь после бала, она услышала голос, неоднократно обращавшийся к ней по имени, и в тот момент не смогла объяснить этот факт.

Прошел почти месяц после последнего случая, и миссис Б. готовилась ко сну около одиннадцати часов вечера, после несколько утомительного дня, и сидела перед туалетным столиком, укладывая волосы. Она описывает свое душевное состояние в тот момент как вялое и сонное, но вполне бодрое; действительно, ее пальцы были в активном движении среди папилюток, когда она внезапно была поражена, увидев в зеркале фигуру близкого родственника (в то время в Шотландии) через ее левое плечо; ее глаза встретились с его глазами в стекле. Фигура была облачена в погребальную одежду, плотно прижатую, как это обычно бывает с трупами, к голове и подбородку. Хотя глаза были открыты, черты лица были торжественными и жесткими. Платье явно было *саваном*, как заметила миссис Б., даже пробитый узор, сделанный особым образом по краям этого одеяния. Миссис Б. описывает, что испытывает чувство, похожее на очарование, заставляющее ее некоторое время смотреть на это меланхоличное явление, которое было настолько отчетливым и ярким, насколько может быть отраженная реальность; свет свечей на туалетном столике, казалось, полностью освещал его. Через несколько минут она обернулась, чтобы поискать реальность формы над своим плечом. Однако ее не было видно, и она исчезла со стекла, когда она снова посмотрела в ту сторону. В сочетании с предыдущими иллюзиями, о которых я вам рассказывал, это последнее явление становится более интересным, чем если бы оно было одно. Во-первых, его меланхолический и действительно ужасный характер отличает его от других, но приближает к обычным историям о сверхъестественных посещениях. В то же время возможное продолжение подобных призрачных явлений крайне неприятно, какими бы крепкими ни были нервы дамы и какой бы здоровой ни была ее философия. 2d. Разум в данном случае, похоже, не имел ни малейшего влияния на возникновение или рассеивание иллюзии. Миссис Б. убеждена, что в ее голове не было ни одной мысли, которая могла бы хоть в малейшей степени ассоциироваться с представлением о родственнике, чей облик она вдруг увидела со всей отчетливостью реальности. 3d. Прежние иллюзии можно было бы считать идеями ощущений, звуков или картин, воспроизведенных с необычайной яркостью в той же форме и характере, в которых они были восприняты и сохранены в сознании. Но в этом последнем случае происходит новое сочетание идей, которые никогда не входили в сознание в связке.

Соединение хорошо известных черт с плащаницей должно было быть чистым усилием или творением разума. Поэтому, кажется, нет причин, по которым при том же состоянии нервной системы любое чудовищное творение того, что мы называем воображением, не могло бы быть создано для глаз и других органов чувств; действительно, со всеми качествами, составляющими реальность, за исключением их выносливости, хотя это вряд ли следует исключать, поскольку не может быть причин, по которым видимость не может сохраняться, если условия сохраняются в течение дней или месяцев. Нет нужды говорить, что родственник, чей призрак был замечен в столь мрачной обстановке, в то время был совершенно здоров. Если бы было иначе, и явление совпало с болезнью или смертью, как, несомненно, часто случалось в других случаях, нашей философии пришлось бы выдержать суровое испытание".

ВООБРАЖЕНИЕ И СТРАХ.

Влияние воображения на нервную систему в некоторых случаях приводит к последствиям, граничащим с безумием. Оно лишает разум всех правильных рассуждений, извращает понимание, которым нас наделил Создатель, чтобы регулировать наши убеждения, направлять нас в наших поисках и позволять нам проследить следствия до их истинных причин. Не мало случаев, когда воображение было настолько сильно возбуждено, что приводило к фатальным последствиям. Известна, в частности, история одного немецкого студента, которому приснилось, что он должен умереть в определенный час на следующий день. Он немедленно составил завещание и приготовился к ужасному событию. Все доводы были использованы, чтобы убедить его в том, что сном не стоит доверять, но, не поколебав его веры, по мере приближения часа он проявлял тревожные признаки смерти. Он с величайшей тревогой следил за часами, пока его лечащий врач не догадался перевести стрелки часов дальше указанного часа, тогда его разум освободился от этого впечатления, и он с радостью обнаружил, что может продолжать жить, несмотря на свой сон. В другом случае человек, чья нервная система была ослаблена, а воображение возбуждено, задумал экстравагантную идею, что его ноги сделаны из стекла, и не стал бы делать никаких упражнений, чтобы не сломать их. Однако его уговорили прокатиться верхом, и карета была намеренно перевернута, после чего он вскоре убедился, что его ноги сделаны из прочного материала, предусмотренного природой. Несколько лет назад Элайджа Барнс из Пенсильвании убил гремучую змею на своем поле, не причинив себе никакого вреда, и сразу после этого надел жилет своего сына, приняв его за свой собственный, так как оба были одного цвета. Он вернулся в дом и, попытавшись застегнуть жилет, к своему изумлению обнаружил, что он ему слишком мал. Его воображение разыгралось до предела, и он тут же придумал, что его незаметно укусила змея, и он распух от ее яда. Ему внезапно стало очень плохо, и он лег в свою постель. Семья в большой тревоге и смятении вызвала трех врачей, и были назначены и приняты обычные средства. Однако пациенту с каждой минутой становилось все хуже и хуже, пока в конце концов его сын не вернулся домой с болтающимся на нем отцовским жилетом. Тайна была мгновенно раскрыта, и пациент, избавившись от своих мнимых опасений, отпустил врачей и восстановил здоровье.

Философия разума - это исследование, представляющее особый интерес, и после того как все наши исследовательские возможности будут исчерпаны, многие явления останутся необъяснимыми. Действительно, наши умственные способности постоянно перегружены необъяснимыми вещами. Мы слишком часто принимаем за существенные истины просто фантомы, которые растворяются в воздухе, и оставляем разум сожалеть о собственной неразумности. В то время как суеверие ослабляет наши моральные достоинства, а влияние воображения обманывает наши интеллектуальные силы, страсть страха имеет пагубную и даже опасную тенденцию. Это страсть, которая больше всех других оказывает свое воздействие непосредственно на сердце; в некоторых случаях она приводит к мгновенной смерти, а во многих случаях закладывает основу для хронического заболевания этого жизненно важного органа, которое после длительного периода мучительных жалоб имеет фатальный конец. Не так давно на сайте был опубликован случай, когда ребенок умер от болезни сердца в результате испуга, полученного при падении и подброшенного вверх для развлечения.

Мало кто знает о крайней опасности внезапного испуга для робких умов. Самые печальные последствия в некоторых случаях имели интриги с чучелами, представляющими собой привидения для невинной и сиюминутной забавы. Не мало случаев полной потери рассудка в течение жизни из-за такой непростительной глупости. Родителям и няням следует

тщательно избегать того, чтобы вдалбливать в головы детей пустые истории о призраках и привидениях. Следующие факты, выбранные из множества других, проиллюстрируют влияние ужаса на разум. В богадельне в Харлеме у одной девочки начались судороги, которые возвращались с регулярными пароксизмами; вскоре после этого появилась еще одна, а за ней и другие, пока все мальчики и девочки в доме не были поражены подобным образом. Медицинские рецепты не привели к излечению. В конце концов знаменитый доктор Бурхааве, приписав происшедшее привычке подражать, приказал поставить в палате несколько печей. На раскаленные угли положили несколько кривых утюгов, и доктор приказал своим помощникам прижигать руку первого ребенка, с которым случится припадок, до кости. Это тревожное средство произвело желаемый эффект; воображение было подавлено силой страха, и больше подобных случаев не повторялось. В семье из шести детей один из них был поражен судорожными припадками; все остальные проявляли симптомы того же расстройства, подражая ему. Никакие средства не могли устранить необычайную привязанность, пока отец не положил на виду у них блок и топор и не объявил, что обезглавит первого, кто покажет еще хоть один жест, кроме первого. Благодаря этому средству все подражательные и мнимые чувства были преодолены, и пятеро последних были счастливо избавлены от нервного возбуждения. Что касается появления призраков и явлений, то нельзя сомневаться, но многие из сообщений, зафиксированных в записях или повторяемых традицией, были просто иллюзиями воображения или выдумками, придуманными исключительно для развлечения или для достижения какой-то цели; и слишком многие были обмануты безоглядной верой, не изучив дело с тем ревностным вниманием, которого оно требовало. Не исключено, что во многих случаях истории о хобгоблинах объясняются обманчивой силой чрево вещания. У нас есть ушная демонстрация необыкновенных способностей чрево вещателей; они могут подделывать голоса животных и все мыслимые звуки, по желанию, и вызвать призрака или ведьму по любому поводу. Хотя в древности чрево вещание не практиковалось как искусство, оно не было неизвестным, и люди, обладающие этим талантом, могли применять его в конкретных случаях, не вызывая подозрений. В большинстве случаев предполагаемых явлений и призраков сообщения исходят от робких и доверчивых людей или людей с сомнительным характером. Сцена всегда разыгрывается ночью, когда глаз готов увидеть страшные призраки, а воображение пробуждается, чтобы превознести любой объект, будь то реальный или нереальный.

Все вещи полны ужаса и страха,

И страшна даже тишина ночи".

Темнота ночи, мрак и ужас, порожденные сообщениями о домах с привидениями или о каких-то катастрофических происшествиях, таких как убийство или ограбление в определенной ситуации, а также душевное состояние, естественно, подавленное и меланхоличное, несомненно, способствовали тому, что многие из этих легендарных историй были приняты и распространены вульгарной публикой с доверием. Особенно те, кого мучает нечистая совесть, подвержены обману; даже самые неустрашимые были встревожены, когда ночью столбы, деревья и другие предметы представлялись в искаженном виде. Нам знакома история испуганного человека, который, проходя ночью мимо церковного двора, вообразил, что видит призрак, одетый в белое; но при осмотре оказалось, что это не что иное, как белая лошадь. Несколько лет назад доктор Стернс ехал вечером из Бостона в Салем, имея при себе значительную сумму денег. Его охватило сильное опасение, что его могут ограбить. В то время как его мысли были взвинчены до предела, он представил, что к нему приближается грабитель с дубинкой, занесенной над головой, и требует у него деньги. Он мгновенно выхватил карманную книжку, бросил ее на землю и в ужасе бросился бежать со всей

скоростью. Заручившись помощью и фонарями, они отправились на место в поисках грабителя, но, к своему удивлению, обнаружили стоящий у дороги насос, ручка которого была повернута вверх, а карманная книжка доктора, вместо того чтобы быть в руках грабителя, лежала рядом с насосом.

Если бы все предполагаемые привидения и призраки встречались с такой бесстрашностью, как в следующем случае, истории о привидениях редко бы повторялись. Во второй половине прошлого века некий мистер Блейк из Хингема, штат Массачусетс, проходил ночью мимо церковного двора, когда увидел некий предмет в человеческом обличье, одетый в белое, сидящий возле открытой гробницы. Решив убедиться в этом, он подошел к нему. При его приближении объект зашевелился и попытался ускользнуть от его преследования; когда он побежал, объект побежал за ним и, повернувшись в разные стороны, спустился в гробницу. Мистер Блейк последовал за ним и обнаружил там женщину в невменяемом состоянии, которая, накрывшись простыней, бродила среди безмолвных гробниц.

Страсть страха заложена в нашу природу для мудрых целей. Он побуждает нас к самозащите и избеганию зла. Она возбуждается различными причинами, в зависимости от состояния нервов в разных конституциях или в одной и той же в разное время. Но когда страх распространяется на воображаемые объекты ужаса, он становится суеверием, как своего рода инстинктом, и имеет прямую тенденцию лелеять невежество и легковерие. Д-р Франклин не верил в явления и призраки, но предложил своему другу, чтобы тот, кто умрет первым, вернулся в духе и навестил оставшегося в живых; его друг умер первым, но дух его так и не вернулся. Сильный ум доктора Сэмюэля Джонсона не был полностью свободен от волнения и смущения, когда он размышлял над вопросом о появлении бесплотных духов в нашем мире. Этот великий человек сказал мистеру Босуэллу, своему биографу:

"Удивительно, что прошло уже 5000 лет со дня сотворения мира, а до сих пор не решено, был ли когда-нибудь в наше время случай, когда дух какого-либо человека появлялся после смерти. Все аргументы против этого, но вся вера - за это". В качестве возражения Босуэлл предположил, что если духи находятся в состоянии счастья, то возвращение в этот мир будет для них наказанием; если же они находятся в состоянии несчастья, то это будет для них передышкой. Джонсон ответил, что "поскольку счастье или несчастье духов не зависит от места, а является интеллектуальным, мы не можем сказать, что они становятся менее счастливыми или менее несчастными, появляясь на земле". Джонсон заметил, что он проводит различие между тем, что человек может испытать лишь силой своего воображения, и тем, что воображение не может создать. Так, сказал он, "предположим, мне покажется, что я вижу некую форму и слышу голос, говорящий: "Джонсон, ты очень злой человек, и если ты не покаешься, то непременно будешь наказан; мое собственное недостойнство настолько глубоко впечатано в мой разум, что я могу *вообразить*, что видел и слышал это, и поэтому не поверю, что мне было сделано внешнее сообщение. Но если бы явилась форма и голос сказал мне, что определенный человек умер в определенном месте и в определенный час, о чем я не имел ни малейшего представления, ни возможности узнать, и этот факт, со всеми его обстоятельствами, был бы впоследствии неопровержимо доказан, я бы в таком случае убедился, что мне был передан сверхъестественный разум". Джонсон рассказал историю о призраке, который, как говорят, несколько раз являлся молодой женщине, советуя ей обратиться к адвокату за возвратом старого дома, что и было сделано, и в то же время говорил, что адвокат ничего не сделает, что и оказалось на самом деле.

Примерно в середине прошлого века появились сообщения о призраке, посетившем дом в Коклэйне, в лондонском городе. В течение многих недель весь город находился в состоянии волнения и тревоги, а журналы и газеты пестрели странными рассказами о призраке из

Коклейна. В конце концов эта история стала настолько популярной и вызвала такой ажиотаж, что потребовала тщательного расследования. Суть истории заключалась в том, что дух часто появлялся и сообщал девушке, что неподалеку от этого места неким человеком было совершено убийство, которое необходимо раскрыть. В течение долгого времени каждую ночь слышались непонятные звуки, такие как стук, царапанье по стенам дома и т. д. Предполагаемый дух публично пообещал, утвердительно постучав, что проведет любого человека в склеп под церковью, где хранилось тело, и постучит по гробу; поэтому было решено провести это испытание визита и правдивости предполагаемого духа. По этому случаю доктор Джонсон с несколькими священнослужителями и другими джентльменами и дамами собрались около десяти часов вечера в доме, где девушка с должной осторожностью была уложена в постель несколькими дамами. Прошло более часа, не было слышно никакого шума, когда, наконец, джентльмены были вызваны в комнату девушки несколькими дамами, которые находились возле ее кровати и слышали стук и царапанье. Когда джентльмены вошли, девушка заявила, что чувствует на спине дух, похожий на мышь. От нее потребовали, чтобы она держала руки вне кровати, и с тех пор, хотя от духа очень торжественно требовали проявить свое существование внешним видом, отпечатком на руке или теле любого из присутствующих, стуком, царапинами или любым другим способом, никаких доказательств сверхъестественной силы продемонстрировано не было. Тогда дух очень серьезно объявил, что человек, которому было дано обещание ударить по гробу, собирается посетить хранилище, и что исполнение обещания было потребовано. Компания в час дня отправилась в церковь, а джентльмен, которому было дано обещание, вместе с другим отправился в склеп. Дух был торжественно потребован исполнить свое обещание, но наступило лишь молчание. Тогда человек, которого обвинял дух, спустился вниз вместе с несколькими другими, но никакого эффекта это не возымело. По возвращении они осмотрели девушку, но не смогли добиться от нее признания, а отец девушки, будучи допрошенным, самым решительным образом отрицал, что знает или верит в обман. Поэтому все собравшиеся заявили, что девочка обладает искусством издавать или подделывать тот или иной звук и что в этом нет никакой высшей причины. Так закончилось это необычное дело, которое так долго нарушало покой города и общества. Больше всего удивляет то, что хитрая, озорная девчонка была вынуждена бросить вызов самой тщательной проверке, чтобы обнаружить свое наваждение и обман.

Следующий анекдот можно найти в каком-нибудь историческом издании, но я привожу его по памяти, не вспоминая авторитетов. После казни Карла Первого парламент постановил, что все остатки королевской власти должны быть уничтожены. Для этого во дворце покойного короля были назначены комиссары, которые должны были привести указ в исполнение. Выполняя свои обязанности, комиссары изо дня в день были раздражены и потревожены странными и страшными звуками, раздававшимися в разных частях дома. На кухне по полу катались поленья, в комнатах, двери которых были закрыты, слышался стук различной утвари, танцы и топот, и обман дошел до таких ужасающих высот, что члены комиссии собирались покинуть дом, полагая, что в нем обитают злые духи. В конце концов, при тщательном расследовании выяснилось, что весь этот обман был выдумкой человека с необыкновенным искусством по имени *Весельчак Джо*, который был исполняющим обязанности секретаря комиссаров.

В книге Саути "Жизнь Уэсли" приводится еще один случай предполагаемых сверхъестественных шумов в доме отца Уэсли в пасторате в 1716 году. Таинственные звуки, как говорят, были столь же разнообразны, сколь и необъяснимы; например, стук в дверь, поднятие засова и стон, как у человека в беде; грохот среди множества бутылок, как будто их разом разбили на куски; шаги человека, поднимающегося и спускающегося по лестнице, в

любое время ночи; звуки, похожие на танцы в комнате, дверь которой была заперта; но чаще всего стук в кровати по ночам и в разных частях дома. Однажды мистер Уэсли был разбужен чуть позже полуночи девятью громкими и отчетливыми стуками, которые, казалось, раздавались в соседней комнате, с паузой на каждый третий удар. Он и его жена поднялись и спустились вниз; теперь слышался шум, похожий на то, как если бы мешок с деньгами высыпали на пол у их ног. Однажды слуга услышал, как его ручная мельница пришла в быстрое движение, причем не было видно ни одной руки, которая бы ее двигала. Мистер Уэсли прилагал все усилия, чтобы выяснить истинную причину этих звуков, но безуспешно. В конце концов он настолько устал от необычных раздражителей, что приготовил пистолет, из которого собирался выстрелить в то место, откуда доносился шум, но его отговорил от этого соседний священнослужитель, призванный на помощь. Однако он упрекнул гоблина за то, что тот беспокоит семью, и потребовал, чтобы тот явился к нему, когда он будет один в своем кабинете, после чего, когда он вошел в кабинет, дверь была прижата к нему, но никакого объекта не было видно. Вскоре семья настолько познакомилась с этим невидимым духом, что одна из дочерей дала ему имя Старый Джеффри, и они стали относиться к нему как к предмету любопытства и забавы. Это необъяснимое происшествие вызвало множество спекуляций по всей стране. Знаменитый доктор Пристли и многие другие взялись исследовать обстоятельства, но не смогли сделать никакого удовлетворительного открытия, и оно остается необъяснимым.

Рецензент жизни Уэсли замечает, что мало кто сочтет эти обстоятельства чем-то большим, чем плодом воображения, отпрыском легковерия и суеверия; но я сильно подозреваю, что кто-то из семьи был главным действующим лицом в этом деле, как забавный Джо в королевском дворце короля Карла Первого.

СУЕВЕРИЕ.

В исторических записях можно найти бесчисленные примеры суеверий, чреватых обстоятельствами невыразимого ужаса. Это недуг, присущий нашей природе, и его чрезвычайно трудно искоренить; ни один урок о моральном зле, ни одна лекция о физической судьбе не способны разрушить чары или снять темные чары. Любовь к чудесному столь необычна, что, когда невежество и фанатизм сотрудничают, чистый источник истины загрязняется, и самые нелепые предания древности становятся предметом почитания каждого пламенного фанатика. По этой причине в жертву были принесены миллионы невинных жизней. Интеллект тысяч людей был скован, а их энергия извращена иррациональными страхами и унижительными представлениями о природе Божества, целях и способах религиозного поклонения и послушания. Именно в самые мрачные времена суеверий кандалы сковывали разум, низводили его до самого жалкого и гнусного состояния, наказывая мнимые преступления, подавляя истину и философские исследования.

Медицинская наука уже в ранний период столкнулась с бичом суеверий; к лекарю, который, как казалось, был наделен высшим гением и знаниями, применялся эпитет "маг". Инквизиция была постоянно готова свято чтить тех, кто отличился необычными исцелениями, и сотни несчастных были отправлены на костер только за это. Галилей в XVII веке был приговорен инквизицией к суровому наказанию за свои благородные и полезные открытия в астрономии и геометрии; примерно в тот же период доктор Бартоло подвергся аналогичной участи в Риме, потому что неожиданно вылечил одного дворянина от подагры.

Университет Саламанки постановил, что ни один врач не должен осмеливаться пускать кровь своему пациенту при плеврите в руку с пораженной стороны, заявив, что такая практика имеет не менее пагубные последствия для медицины, чем ересь Лютера для религии. Инквизиция приняла иррациональную и глупую доктрину, согласно которой болезни следует приписывать очарованию, и врач, выступавший против этой доктрины, был вынужден согласиться с ней и заявить, что видел, как прекрасная женщина разбивала стальное зеркало на куски и взрывала деревья одним лишь взглядом своих чарующих глаз. Суеверные мнения преобладали и в отношении лечения болезней. Считалось, что некоторые из них можно вылечить песней. Иосиф утверждает, что в присутствии императора Веспасиана он видел, как некий еврей по имени *Елеазер* извлек дьявола из ноздрей старухи, приложив к ее носу печать Соломона. Для изгнания дьявола использовались многочисленные средства, среди которых были флагелляция, пурга и спазмолитики. Несколько околдованных людей были излечены пластырем из ассафетиды, и возник вопрос, каким образом этот предмет вызвал такую эффективность. Одни предполагали, что дьявол посчитал столь мерзкое применение оскорблением и в порыве страсти убежал; другие же очень мудро заметили, что, поскольку предполагается, что у дьяволов есть глаза и уши, вполне возможно, что у них есть и носы, и что это оказалось оскорбительным для их обонятельных нервов. Можно заметить, что суеверие не ограничивается теми, кто не знает законов физического мира; но в силу немощи человеческой природы оно возобладало, извратив глубочайшее понимание и чистейший интеллект. Она задержала прогресс литературы и науки, сковала разум вульгарными вымыслами, заблуждениями и предрассудками. Даже возвышенный гений лорда Бэкона подвергся ее влиянию; он верил в колдовство и утверждал, что излечился от бородавок, натерев их куском сала с кожей, а затем выставив его на солнце. Доктор Мор и просвещенный Кадворт применяли эпитет "*атеист*" к тем, кто выступал против веры в колдовство. Прославленный доктор Хоффман, отец современной теории и практики медицины, в большом издании своей работы в 1742 году говорит, что дьявол может поднимать бури, производить насекомых, воздействовать на духи и воображение животных; и, кроме того, он прекрасный оптик и натурфилософ, благодаря своему долгому опыту.

Но, да будет благословен Всемогущий Правитель, настоящее время - это эпоха, выдающаяся в плане улучшения физической и моральной философии; и, забыв о том, что позади, мы стремительно продвигаемся вперед в гонке к улучшению состояния физического и морального мира. Если бы в XVII веке нашим отцам предсказали те грандиозные свершения, которые были совершены и которые планируются в настоящее время, они бы затрепетали от тревоги, опасаясь, что их потомкам суждено заключить союз с inferнальными силами. Парализующая мысль о том, что нынешнее состояние знаний настолько совершенно, насколько это допускает наша природа, должна быть полностью опровергнута; ведь знания вечно прогрессируют, и мы не можем претендовать на то, чтобы считаться благодетелями потомков, если своими собственными усилиями и трудами не приумножим достижения наших предков. Мы можем с ликованием вспоминать о заслугах наших отцов, а когда нам захочется поворчать на слабости и глупости, свойственные их времени, давайте вспомним, что нам выпал счастливый жребий жить в эпоху, во многих отношениях самую славную из всех, какие когда-либо знал мир. Мы морально заинтересованы во всем, что касается человеческой расы, и, как филантропы, должны сочувствовать каждому бедствию, от которого может пострадать наш род. Зная, с какой легкостью человечество обманывает себя и с каким упорством разум цепляется за свои любимые заблуждения, трезвое мышление пробуждает живое чувство зла, проистекающего из нашего несовершенства. Как зародыши растений могут веками лежать в земле и возрождаться, так и беды, порожденные

нечестивым суеверием, могут возродиться и повториться с помощью некоторых развращенных духов в наши дни.

Чревоуещание - это искусство, которое может быть подчинено плутовству и обману. Гениальная работа на эту тему была опубликована в 1772 году М. де ла Шапелем, который считал, что ответы многих оракулов произносили люди, обладающие такой квалификацией, чтобы служить целям жречества и заблуждения. О том, что чревоуещание может быть подчинено целям мошенничества, можно судить по следующим анекдотам.

Луи Брабант, камердинер Франциска Первого, был великолепным чревоуещателем и большим обманщиком. Он влюбился в молодую, красивую и богатую наследницу, но был отвергнут родителями как неподходящая пара для их дочери. Отец молодой леди умер, Брабант навел вдову, которая была в полном неведении относительно его необыкновенного таланта. Внезапно, при первом же его появлении, в открытый день, в присутствии нескольких человек, находившихся рядом с ней, она услышала, как к ней обратился голос, совершенно похожий на голос ее покойного мужа и, казалось, исходивший свыше, воскликнув: "Отдайте мою дочь замуж за Луи Брабанта. Он человек с большим состоянием и прекрасным характером. Теперь я терплю невыразимые муки чистилища за то, что отказала ему в ней". Если вы послушаетесь этого наставления, я вскоре буду избавлен от этого места мучений. В то же время вы найдете достойного мужа для своей дочери и обеспечите вечное упокоение душе вашего несчастного мужа". Вдова ни на минуту не могла противиться этому страшному вызову, который, судя по всему, исходил от Людовика Брабантского, чье лицо не претерпело никаких видимых изменений, а губы были сомкнуты и неподвижны во время его произнесения. Поэтому она сразу же согласилась принять его в качестве зятя. Финансы Людовика, однако, находились в весьма плачевном состоянии, а формальности, связанные с брачным контрактом, привели к тому, что ему необходимо было продемонстрировать богатство, а не давать призраку прямую ложь. Поэтому он взялся за новую тему - некоего Корню, старого и богатого банкира из Лиона, который накопил огромное состояние путем ростовщичества и вымогательства и, как известно, испытывал угрызения совести из-за того, как он его приобрел. Завязав с этим человеком близкое знакомство, он однажды, когда они сидели вместе в маленькой задней гостиной ростовщика, искусно перевел разговор на религиозные темы, на демонов и призраков, на муки чистилища и адские муки. Во время молчания между ними раздался голос, который изумленному банкиру показался голосом его покойного отца, жаловавшегося, как и в первом случае, на свое ужасное положение в чистилище и призывавшего немедленно освободить его оттуда, передав в руки Луи Брабанта большую сумму для выкупа христиан, находившихся тогда в рабстве у турок; одновременно ему угрожали вечным проклятием, если он не воспользуется этим способом для искупления своих собственных грехов. Читатель, естественно, предположит, что Брабант проявил должную степень изумления по этому поводу и еще больше способствовал обману, признав, что посвятил себя осуществлению благотворительного замысла, вмененного ему призраком. Старый ростовщик по природе своей подозрителен. Поэтому настороженный банкир назначил вторую встречу с делегатом призрака на следующий день и, чтобы сделать любую попытку навязаться ему совершенно неудачной, вывел его в открытое поле, где не было видно ни дома, ни дерева, ни даже куста, способного укрыть предполагаемого единомышленника. Эта необычайная осторожность заставила чревоуещателя пустить в ход все силы своего искусства. Куда бы ни вел его банкир, на каждом шагу до его слуха доносились жалобы и стенания не только его отца, но и всех его покойных родственников, умолявших его, ради Бога и во имя всех святых календаря, смириться над его душой и их душой, подкрепив своим кошельком намерения своего достойного компаньона. Корню не мог больше противиться голосу небес, и, взяв гостя с

собой домой, выплатил ему 10 000 крон, с которыми честный чревовещатель вернулся в Париж и женился на своей хозяйке. Катастрофа оказалась фатальной. После этого секрет был разглашен и достиг ушей ростовщика, который так сильно переживал потерю своих денег и унижительные восторги соседей, что лег в постель и умер.

Другой французский чревовещатель, по имени М. Сен-Жиль, был не менее искусен в своем тайном искусстве. Войдя в монастырь и обнаружив, что вся община в трауре, он поинтересовался причиной, и ему сказали, что недавно умерла одна из их насельниц, которая была восхищением и украшением всего общества, и они с чувством говорили о тех скудных почестях, которые воздавали его памяти. Внезапно раздался голос, исходивший, по-видимому, из той части церкви, где поет хор, оплакивающий положение почившего в чистилище и упрекающий братство в вялости и недостатке усердия по его поводу. Монахи, как только их изумление дало им возможность говорить, посовещались и решили ознакомить остальных членов общины с этим необычным событием, столь интересным для всего общества. Месье Сен-Жиль, пожелавший продолжить шутку, отговорил их от этого шага, сказав, что отсутствующие братья будут считать их глупцами и провидцами. Однако он порекомендовал им немедленно созвать всю общину в церковь, где призрак их ушедшего брата, возможно, повторит свои жалобы. Соответственно, все монахи, послушники, братья-миряне и даже прислуга монастыря были немедленно созваны и собраны вместе. Через некоторое время голос с крыши вновь зазвучал с причитаниями и упреками, и весь монастырь пал ниц и дал торжественный обет покаяния. В качестве первого шага они полным хором пропели *De profundis*; в перерывах между песнопениями призрак время от времени выражал утешение, которое он получал от их благочестивых упражнений, и произносил слова от своего имени. Когда все закончилось, монах вступил в серьезный разговор с месье Сен-Жилем и, опираясь на только что происшедшее, язвительно выступил против абсурдной недоверчивости современных скептиков и притворных философов в вопросе о привидениях и явлениях. Месье Сен-Жиль решил, что настало время разубедить добрых отцов. Однако осуществить эту цель ему было крайне сложно, пока он не уговорил их вернуться с ним в церковь и там быть свидетелями того, как он провел этот смехотворный обман.

КОЛДОВСТВО И ЧАРОДЕЙСТВО.

Вера в существование колдовства и чародейства может похвастаться высокой степенью древности. Как в Ветхом, так и в Новом Завете мы наблюдаем множество трагических событий, в которых прослеживается дьявольское влияние. Одним из ярких примеров является ведьма из Эндора, которая, как говорят, была глубоко сведуща в искусстве обмана и известна в свое время мастерством в практической астрологии. По мнению некоторых богов, чтобы обмануть Саула, она вызвала демона, подделываясь под Самуила; однако трудно определить, каким именно образом она осуществила свою цель, навязав ее доверчивому работодателю. Колдовство и чародейство, запрещенные в иудейской диспенсации, , по мнению высокопоставленных лиц, представляют собой совершенно иной вид преступлений, чем те, которые были столь отвратительны во времена наших предков; первые могли бы подпадать под описание идолопоклонства или языческой мифологии. Древние верили, что существуют добрые и злые демоны, которые имеют влияние на умы людей, и что эти существа поддерживают связь между людьми и богами, передавая обращения людей к богам и божественные блага людям. Таким образом, демоны становились объектами поклонения. Предполагалось также, что человеческие духи после выхода из тела становятся демонами, а души добродетельных людей, если они высоко очищены, возвышаются из демонов в богов".

Различные случаи бесноватых, лунатиков и одержимых, описанные в Священном Писании Нового Завета, получили различные толкования в зависимости от взглядов ученых толкователей. Некоторые просвещенные немецкие богословы считают этих субъектов прообразами маньяков и эпилептиков наших дней; но большинство английских богословов придерживаются других мнений. "Демониаки, - говорит Кенрик, - были людьми с расстроенным рассудком, и предполагалось, что они были одержимы злым демоном". То, что Спаситель и его апостолы творили настоящие чудеса и что как добрые, так и злые духи подчинялись его воле, не может отрицать ни один верующий христианин. Но все беспристрастные искатели истины, вероятно, согласятся, что одержимость бесами - это тема, наименее поддающаяся удовлетворительному решению, чем любая другая в Священном Писании. На протяжении веков она подвергалась самому критическому исследованию комментаторов и богословов, но до сих пор остается загадкой. Этот вопрос по своей природе слишком сложен и загадочен, чтобы оправдать даже его обсуждение в данном случае, да и для моей цели это не требуется. Поэтому мы должны обратиться к философским комментаторам и ученым библейским критикам.

В работе под названием "Исторический очерк о колдовстве" Ф. Хатчинсона, доктора философии, опубликованной в Лондоне в 1720 году, автор говорит: "Божественные писания, а также самая здравая философия и трезвый разум подтверждают, что существуют как добрые, так и злые духи. Существуют высшие существа, промежуточные между божественной природой и нашей. Но как философы, так и христиане, рискнувшие определить их природу или действия, были весьма разнообразны в своих представлениях о них, и Священное Писание, хотя и дает нам множество примеров использования как злых, так и добрых духов, не учит нас ни одному из них, подобному тому, с которым мы обычно встречаемся в современных отношениях колдовства и соединенных сил сатаны. Священное Писание не говорит нам ни о каких подобных историях, которые ставят в тупик законы природы и полностью уничтожают свидетельства наших чувств". *** "Человеческий разум иногда настолько затуманен и угнетен, что люди считают себя мертвыми. В другое время они возвышаются намного выше своего естественного уровня, полны восторга и высокого самомнения и считают себя королями и королевами; теперь, если в их головах живут ведьмовские истории или колдовство в их воображении, почему бы им не считать себя околдованными, не воображать себя ведьмами или чародеями, а также королями и королевами?

По своему характеру ведьма обычно представляла собой неряшливую старуху или ведьму. Ее лицо было отталкивающим, походка - отвратительной, а общий вид и движения - противоречащими должному поведению. Предполагается, что она заключила договор с дьяволом, отдавшись ему душой и телом. Считается, что этот договор нельзя заключить мысленно, дьявол должен явиться к ведьме в телесном облике. Во время этой беседы он передает ей импа, или знакомого духа, с помощью которого она может переноситься по воздуху, на метле или вертеле, в отдаленные места по ночам, чтобы посещать собрания ведьм, на которых всегда председательствует дьявол. Считалось, что ей помогает старая серая кошка, ее единомышленница, или бес; считалось, что кошка и ее хозяйка часто подслушивают, как они вместе замышляют свои феерические проделки. Предполагалось, что она обладает способностью превращаться в кошку, белку или другое животное, которое она посылает за границу для выполнения своих приказов. Убить этих животных можно было только серебряной пулей, а если животное получало рану, то и ведьма получала рану в том же месте. Считалось, что ведьма с помощью Сатаны способна насылать смерть, различные болезни и беды на семьи и отдельных людей, а также на скот, мстя за любую обиду, и даже могла поднимать бури и штормы, топить корабли в море.

В старину ходило множество легендарных историй о домах с привидениями, где собирались ведьмы и устраивали свои ночные оргии и дьявольские пирушки. Эти места всегда вызывали большой ужас у доверчивых вульгарных людей, считаясь пандемониумом всевозможных зол, бед и несчастий. Кроме того, была распространена идея, что ведьмы могут по ночам оковывать мужчин и ездить на них по своему усмотрению. Женщину, которая проявляла описанные выше качества, сразу же клеймили как находящуюся в союзе с дьяволом, и относились к ней не только с насмешкой и презрением, но и подвергали жестоким гонениям. Причисленные к демонам, орудиям дьявола, они не вызывали жалости, а воспринимались с презрением и ужасом. Не мало случаев, когда эти несчастные смертные, хотя и совершенно невинные, становились настолько ненавистными и ужасными для всех и никем не приветствуемыми, что в конце концов отвращались от самих себя и соглашались на сожжение или повешение, чтобы избежать ярости жестокого преследования.

Методы, применяемые для обнаружения ведьм, были разнообразны и необычны. Один из них заключался в том, что подозреваемую женщину взвешивали на церковной библии, которая в случае ее вины должна была перевесить. Другой способ заключался в том, чтобы потребовать от нее повторить молитву Господню; при попытке повторить ее ведьма всегда колеблется и ошибается. Если ведьма плакала, она не могла пролить больше трех слез, и то из левого глаза. Такой недостаток слез считался очень весомым доказательством вины. Наросты на теле, из которых черти получают пищу, считались безошибочными признаками ведьмы. Ее связывали крест-накрест, большой палец правой руки привязывали к пальцу левой ноги, а большой палец левой руки - к пальцу правой ноги; в таком состоянии ее бросали в воду, если она была виновна, то не могла утонуть, так как, отрекшись в своем договоре с дьяволом от воды крещения, вода в ответ отказывалась ее принять. Если же оказывалось, что в таком состоянии она способна плавать, ее вытаскивали и сжигали или вешали; но, скорее всего, прохожим позволяли спасти их от утопления, иначе мало кому удавалось спастись. Еще одним способом было испытание табуретом: подозреваемую женщину ставили середину комнаты на табурет со скрещенными ногами; если она отказывалась, ее связывали веревками, и в такой неудобной позе ее держали без мяса и сна двадцать четыре часа, в течение которых предполагалось, что ее импы вернутся к ней за пищей. В двери оставляли небольшое отверстие, через которое могли проникнуть ведьмы, и предписывали постоянно подметать пол и строго следить за пауками, мухами и другими насекомыми, и если они не могли их убить, то это, несомненно, были ведьмины импы. Подозреваемых ведьм иногда подвергали жестоким пыткам, чтобы заставить признаться, а затем казнили. На основании таких доказательств, а также самых абсурдных и глупых показаний старух и детей, тысячи невинных людей были осуждены за колдовство и сожжены на костре.

Епископ Джуэл в проповеди, прочитанной перед королевой Елизаветой в 1558 году, говорит ей: "Возможно, вашей милости будет угодно понять, что в течение последних четырех лет в королевстве вашей милости удивительным образом увеличилось количество ведьм и колдунов. Ваши подданные чахнут до самой смерти; цвет их глаз тускнеет, речь осипшая, чувства отняты; молю Бога, чтобы они никогда не практиковали дальше, чем на эту тему". Джон Белл, служитель Евангелия в Глэйдсмуире, рассказывает: "Провиденциально появились два теста, чтобы обнаружить преступление. Если ведьма при задержании воскликнет: "Господи, помилуй меня!", и неспособность проливать слезы; поскольку ведьма может пролить только три слезы, и те левым глазом, ее запас быстро истощается; и это тем более поразительно, как пронизательно замечает король Яков Первый, "что другие женщины в целом подобны крокодилу, готовому плакать по любому незначительному поводу"".

Король Яков Первый питал яростную антипатию к колдовству и ведовству, и в первый год его правления был принят новый статут, охватывающий все возможные способы и формы, в которых воображение могло изобразить это мистическое преступление. Джеймс в полной мере осознал, что его личная безопасность находится под большой угрозой, так как некоторые, кто практиковал магическое искусство, пытались отравить его. Он написал книгу по демонологии, в которой советовал испытание водой, плаванием, а когда была опубликована работа, противоречащая его мнению и желанию, он приказал сжечь ее у обычного палача.

Прославленный английский юрист сэр Уильям Блэкстоун, изложив в своих комментариях к законам Англии доказательства с обеих сторон относительно реальности колдовства, говорит: "Кажется, наиболее приемлемым является вывод о том, что в целом колдовство существовало, хотя нельзя признать ни одного конкретного современного случая его применения". Согласно нашим представлениям о человеческих поступках, они в целом побуждаются и управляются разумом, и, возможно, чаще всего доминирующими мотивами являются те, которые относятся к нашим личным интересам. Теперь можно спросить, при каких мыслимых обстоятельствах интересы людей могут быть связаны с делами Сатаны или их благосостояние может быть обеспечено его влиянием? Никто не станет утверждать, что место в его тайном совете может быть почетным, ведь хорошо известно, что ведьма считается одной из самых отвратительных и презренных жалких существ на свете. Не станем спорить и с тем, что материальные выгоды можно извлечь из этого источника; волшебники и ведьмы - всегда бедные, несчастные, покинутые существа. Предполагается, что они отдают себя на службу под знамена жестокого, тиранического повелителя, непримиримого врага и искусителя человечества, само имя которого возбуждает ужас и отвращение в каждом добродетельном уме. Следует, однако, признать, что сильная склонность к скептицизму в отношении вещей, которые мы не можем понять, является не меньшим признаком слабости интеллекта, чем повальное легкоеверие. Но я знаю, что в реальное существование братства поверили некоторые из самых мудрых и лучших людей. Божественное провидение позволило заблуждению относительно этого великого бедствия возобладать в умах некоторых, как оно позволило греху идолопоклонства среди своего избранного народа во время его паломничества в землю обетованную.

Во времена тревоги, вызванной предполагаемым колдовством, было обнаружено множество случаев подделки и подделок. Во всех странах есть те, кто не может существовать иначе, как во времена смятения и гражданской смуты. Они любят, чтобы их замечали как объекты большого удивления и любопытства, а когда их нельзя отличить за добродетельные поступки, прибегают к деяниям самого inferнального характера, в соответствии собственным интересом, страстью или капризным юмором. Они учатся симулировать различные припадки, лают и рычат, как собаки, вытаращивают глаза, пускают пену изо рта, искажают свое тело и расчленяют конечности. У таких самозванцев есть свои единомышленники или партнеры, которые присоединяются к ним и разделяют с ними прибыль или юмор.

Доктор Фрэнсис Хатчинсон опубликовал хронологические подробности судебных процессов и казней за предполагаемое колдовство, чародеев и фокусников в различных странах Европы. Из этого видно, отмечает он, что во все века суеверное легкоеверие приводило к большим жестокостям, чем те, что практикуются среди хоттентотов или других народов, чья вера в божество ставится под сомнение. Число ведьм и их предполагаемые связи с Сатаной, замечает он, будут увеличиваться или уменьшаться в зависимости от того, насколько вероятны или невозможны такие действия. При первом предположении количество

обвинений и приговоров будет увеличиваться в ужасающей степени. Когда обвинениям не верят и отбрасывают их как не заслуживающие внимания, преступление становится нечастым, перестает занимать общественное мнение и не доставляет хлопот судьям. Там, где времена не были столь жестокими и суеверными, а здравомыслящие люди могли свободно высказываться, а обвиняемые могли получить справедливый суд, обычно обнаруживали обман и самозванство. Было проведено пятнадцать знаменитых разоблачений мошенничества, многие из них - после того, как судьи и присяжные, а также множество свидетелей были обмануты. Если бы остальные подверглись столь же строгому расследованию, большинство из них, вероятно, оказались бы невиновными.

В 1427 году знаменитая героиня Жанна д'Арк после славного военного подвига при осаде Орлеана, попав в плен к графу Бедфорду, была жестоко сожжена как ведьма. В 1488 году в Испании во время сильной бури с громом и молнией, уничтожившей кукурузу на несколько лиг вокруг, жители обвинили в этом двух пожилых женщин. Они признались и были сожжены. Другие, не менее абсурдные, случаи зафиксированы примерно в тот же период. В 1515 году в Женеве за три месяца казнили пятьсот человек как ведьм и колдунов, а в другом месте за пять лет сожгли сорок восемь человек. Восемнадцать человек были осуждены в Англии в 1596 году; был опубликован отчет об их испытаниях, с именами и цветами духов. Ознакомление с этим фантастическим произведением должно было вызвать удивление и изумление в любую эпоху.

Во Франции в 1594 году преступление колдовства стало настолько распространенным, что тюрьмы не вмещали заключенных, а судей не хватало, чтобы их судить. В 1595 году в Англии повесили женщину за то, что она вселила злого духа в Томаса Дарлинга, а Э. Хартли был казнен за околдование семи человек. В ходе судебного процесса против него использовались призрачные свидетельства, а также эксперимент с произнесением молитвы Господней, которую, как считалось, ведьма не может повторить. Но то, что коснулось его жизни, - это показания о том, что он сделал магический круг для колдовства. В 1612 году в Ланкастере были казнены двенадцать женщин. Мэри Смит считала себя ведьмой, а умерла очень набожной. Один ученый и выдающийся священнослужитель во Франции по имени Грандьё в 1634 году был подвергнут жестоким пыткам по подозрению в наличии злого духа, и ему было дано обещание очистить себя пролитием слез, если он невиновен. Его пытали до тех пор, пока он не потерял сознание на дыбе, а затем бесчеловечно сожгли. С 1634 по 1661 год в Англии было казнено несколько сотен человек обоих полов, муж и жена, мать и дочь вместе, одни признавались, другие объявляли себя невиновными. В Германии целые графства были обезлюдены, чтобы ни одна ведьма не смогла скрыться. Но именно в Шотландии сатана был отпущен на свободу, чтобы свершить свое возмездие. Там шлюзы злобы, мести и кровопролития были распахнуты настежь, и многие люди были сметены страшным потоком. Не менее 4000 жертв, как утверждает история, были жестоко принесены в жертву за короткий период времени за сомнительное преступление, которое никогда не было и не может быть доказано. В 1664 году две женщины предстали перед прославленным лордом Верховным судьей сэром Мэтью Хейлом и были осуждены. Доказательства против обвиняемых были столь ничтожны, что его светлость был сильно смущен этим событием, а его угрызения совести были таковы, что он отказался от обязанности подводить итоги. Однако, желая, чтобы закон действовал по своему усмотрению, он огласил приговор, и они были казнены. Улики против них были отчасти заклинательными, отчасти призрачными, и одно из свидетельств заключалось в том, что телега проехала по коттеджу одной из женщин, чем она была оскорблена, а вскоре после этого та же телега застряла в воротах, где ее колеса не касались ни одного из столбов, и все же была легко сдвинута вперед на одном из столбов, который был спилен. Одна девушка, которую считали заколдованной, впадала в

припадок, когда к ней прикоснулся один из обвиняемых. Однако большое значение имело свидетельство сэра Томаса Брауна, "что припадки были естественными, но усиливались силой дьявола, сотрудничавшего со злобой ведьм". Примерно в этот период в Швеции были осуждены семьдесят человек, и большинство из них были казнены (сэр Вальтер Скотт, стр. 225). Пятнадцать детей также были казнены, тридцать шесть прошли через перчатку, а двадцать были выпороты за то же самое преступление. В 1678 году в Шотландии были казнены шесть человек за околдовывание сэра Джорджа Максвелла. Главной уликой в этих делах была глухонемая девочка, которая делала знаки, что в одном из их домов находится восковая картина как орудие околдования, но впоследствии было доказано, что она была поставлена туда сама, и ее прогнали кнутом по улицам города и изгнали. В 1682 году в Эксетере были повешены три женщины, признавшие себя ведьмами, но умершие с благочестивыми молитвами во рту. Это были последние казненные в Англии за преступление колдовства. В обвинительных заключениях некоторым из обвиняемых инкриминировалось содержание импов, а один из них, как утверждалось, был похож на кота-хохотуна. На одном из процессов несколько свидетелей утверждали, что бабушка и тетя заключенной были повешены как ведьмы, и что бабушка говорила, что у нее было восемь или девять импов, и что она дала по два или три каждому из своих детей. В 1697 году в Шотландии было предъявлено около двадцати восьми обвинений девочке одиннадцати лет. Два мальчика и девочка, а также еще два человека спасли себя, признавшись в содеянном, и по их показаниям семеро были казнены, причем все они отрицали свою вину.

Один небезызвестный охотник за ведьмами, рассказывает доктор Инклиз Мазер, с помощью булавки обязывался безошибочно определять подозрительных людей. Если при втыкании булавки на дюйм или два в плоть не появлялось ни крови, ни ощущения боли, то он объявлял их ведьмами. Не менее трехсот человек, пишет этот уважаемый автор, были осуждены таким образом в этом королевстве. Этим злоумышленником был Мэтью Хопкинс, который называл себя "охотником за ведьмами" и путешествовал из города в город с целым штатом помощников, чтобы обнаружить ведьм, взимая по двадцать шиллингов за каждый город. Он демонстрировал необычайное мастерство в своем деле, но обращался со своими подопечными очень жестоко, не давая им спать, изнуряя их до беды постоянными хождениями, чтобы заставить признаться. Кроме того, он использовал способ купания во время переправы. Но жестокий негодяй в конце концов добился своего: с ним поступили так же, как и с сотнями других, бросив в воду связанным; но, хотя он умел плавать, как ведьма, ему удалось бежать из страны. Приходится сожалеть, что значительное число кальвинистских богословов проявляет ревностное участие в преследовании предполагаемых ведьм. Среди этих благочестивых богословов мы находим почтенные имена Бакстера и Калами в Англии и двух Матеров в Америке. То, что они были добросовестны и руководствовались самыми чистыми побуждениями, ни у кого не вызывает сомнений; но то, что они были проникнуты большой долей легковерия того времени, представляется наиболее очевидным. Ниже приводятся слова самого мистера Бакстера, процитированные сэром Вальтером Скоттом. "Известно повешение большого количества ведьм в 1645 и 1646 годах. Мистер Калами отправился вместе с судьями на этот процесс, чтобы выслушать их признания и убедиться, что в них нет обмана или неправды. Я беседовал со многими понимающими, благочестивыми, учеными и заслуживающими доверия людьми, жившими в графствах, и с теми, кто приходил к ним в тюрьмы и выслушивал их печальные признания. Среди прочих был повешен старый *начитанный пастор* по имени Льюис, который признался, что у него было два импа, и один из них постоянно подбивал его на злодеяния; и когда он был недалеко от моря, то, увидев корабль под парусами, побудил его послать его потопить корабль; он согласился и увидел, как корабль тонет перед ними". Преподобный мистер Льюис был осужден на основании его собственного простого признания, что он

послал своего человека потопить корабль, но не было известно, что какой-либо корабль был потерян, и предполагалось, что этот человек был ненормальным в своем рассудке. Мистер Бакстер рассказывает еще одну историю о матери, которая подарила своему ребенку импа, похожего на крота, и велела держать его в банке у огня, и тогда он никогда не будет нуждаться.

Католические священники были примечательны тем, что рьяно претендовали на особые способности изгонять демонов постом и молитвой, и их уличили в многочисленных мошенничествах. Вероятно, именно из их сообщений возникла история, которую доктор Мазер приводит в своих "Случаях совести", о том, что в то время, когда умер Мартин Лютер, все одержимые люди в Нидерландах стали тихими и спокойными. Дьяволы в них говорили, что причина в том, что Лютер был их большим другом, и они обязаны ему таким уважением, что поехали в Германию, чтобы присутствовать на его похоронах, а при упоминании некоторых служителей реформатской религии дьяволы в одержимых рассмеялись и сказали, что они и кальвинисты - очень хорошие друзья. Среди протестантов нашлись священнослужители, которые были достаточно подлы, чтобы соперничать с папистами в их притворном экзорцизме. Ниже приводится пример беспрецедентной мерзости. В 1689 году Ричард Дагдейл из Ланкастера, по словам одного священнослужителя, был избавлен от дьяволов постом и молитвой. В течение нескольких месяцев он периодически демонстрировал очевидные страдания, удивительные и необъяснимые. Он подделывался под бесноватого, эпилептика, и целый ряд нервных припадков, а также неестественных болезней, которые приписывались демонам. Его необычное состояние вызывало любопытство и удивление, которых желал он и его мерзкий служитель, а его мнимые страдания вызывали сочувствие, а его бедственное положение - благотворительность многочисленных заблуждающихся посетителей. Таким образом, его поощряли продолжать свой обман, и он спокойно жил в иллюзии, которую искусно создал вместе со своим служителем около года. В конце концов он обратился с жалобой к епископу Лондонскому, который заставил Дагдейла признаться, что тот играл роль самозванца и что время от времени он получал частные уроки от священника, чтобы продолжать навязывание, дабы иметь заслугу в том, что он избавился от дьявола своими постами и молитвами.

В судах над ведьмами, говорит доктор Хатчинсон, проявлялась непростительная предвзятость, вызванная вульгарными предрассудками народа. Английский закон против колдовства и чародейства запрещает любые колдовские действия и все чары для привлечения духов; однако для обнаружения предполагаемой ведьмы обвинителям было разрешено использовать чары, которые должны были иметь силу, если таковая вообще имела, от той же дьявольской силы. Это беспрецедентная предвзятость, прямо противоречащая уставу. Независимо от того, являются ли такие договоры реальными или мнимыми, они должны наказываться одинаково для обеих сторон. Было установлено, что число ведьм и предполагаемых сделок с духами то увеличивается, то уменьшается в соответствии с законами и принципами, существующими в то время и в том месте. С тех пор как философия и образование возобладали, у нас почти не было проблем с ведьмами и колдунами, за исключением тех, что порождены суеверным воображением людей. Возможно, в наше время дьяволов так же много, как и в другие века, потому что у нас столько же убийств, грабежей, ложных обвинений, лжи и других преступлений, которые являются делом рук дьявола. Некоторые считают, что дьявол не может управлять законами природы, другие же утверждают, что законы природы для него - просто шутка. Отрицается, что он способен превратить мужчину или женщину в кошку, но доктор Генри Мор считает, что может, и описывает, как он их превращает. Трудно представить, как доктор Мор получил такие знания; но мы никогда не поверим, что Сатана - правитель нашего мира. У нас нет

оснований полагать, что Бог наделил его чудесными способностями; следовательно, он не может передать эти способности другим; следовательно, не может быть такого существа, как ведьма. Все иллюзорные капризы колдовства могут быть четко объяснены на основе принципов ментальной философии и здравого и просвещенного разума. Признания ведьм так часто вымогались, так часто были следствием рассеянности и так часто противоречили истине и трезвому рассудку, что на них не следует полагаться. Доктор Хатчинсон утверждает, что на основании Священного Писания и здравого смысла можно однозначно доказать, что никогда не существовало ведьмы, такой, как мы имеем в виду, которая могла бы насыщать на людей дьяволов, болезни и разрушения. Призрачные свидетельства, используемые в судах, далеко не всегда являются юридическим доказательством, они не имеют никакого веса и не должны рассматриваться как нечто большее, чем сны. Признания невежественных старух должны были быть полностью отвергнуты; некоторые из них были вымышлены, многие - невозможны, и все они нелепы и невероятны.

Преподобный доктор Холмс в своих "Американских анналах" отмечает, что наши отцы, до того как мир был просвещен образованием и философией, любили поражать себя представлениями о ведьмах и чудесах, чарах и волшебстве. В Англии не было ни одной деревни, замечает он, в которой не водилось бы призрака; все церковные дворы были усыпаны привидениями, в каждом большом поселении был круг фей, и едва ли можно было встретить пастуха, который не видел бы духа.

В конце концов страшная зараза поразила пуритан Новой Англии, и наши почитаемые предки были вовлечены в череду трагических событий и охвачены самыми ужасными опасениями. Ретроспекция на тот печальный период производит тягостное впечатление; но как бы ни были отвратительны сделки в те дни меланхолического заблуждения, мы не лишены утешительной надежды, что наши благочестивые отцы руководствовались совестливым духом в своих решениях и осуждениях. Жители Новой Англии по природе своей были людьми серьезными и серьезными, и удивительно склонными к самому строгому и святому толкованию всех событий Провидения, и слишком часто их чувства были подвержены энтузиазму и суеверию. Книги, содержащие повествования о судебных процессах над ведьмами и колдунами в Англии, были получены здесь и не могли не произвести глубокого впечатления на общественное мнение. Поэтому нет ничего странного в том, что между английскими ведьмами и теми, кого считали таковыми в Новой Англии, было близкое совпадение и что их постигла схожая участь. Так сильны были народные предрассудки против любого проявления колдовства, что считалось достойным осуждения все, что давало хоть малейший повод для подозрений. Каждый ребенок и сплетник был готов распознать ведьму, и никто не мог быть уверен в личной безопасности. По мере того как увлечение росло, многие из наиболее авторитетных женщин, а также несколько мужчин были задержаны и отправлены в тюрьму. Есть все основания полагать, что в некоторых случаях порочные и заброшенные люди пользовались возможностью удовлетворить свои порочные страсти - зависть, злобу и месть. Английский судья, сэр Мэтью Хейл, столь выдающийся своими познаниями в законе и примерным благочестием, был очень высоко оценен здесь, и, зная, что он осудил некоторых людей в Англии, его мнение имело большое влияние как на судей, так и на присяжных.

В публикации 1767 года преподобного Джона Хейла из Беверли говорится, что первым человеком, пострадавшим в Новой Англии за колдовство, была женщина из Чарльзтауна; а в коллекции Массачусетского исторического общества (том V. вторая серия) записано, что "в июне 1648 года некая Маргарет Джонс из Чарльзтауна была казнена за колдовство. Было доказано, что она обладала таким зловредным прикосновением, что все, к кому она

прикасалась с каким-либо недовольством, вскоре заболевали глухотой, рвотой или другими жестокими болезнями. Вскоре после ее казни корабль, шедший против Чарльзтауна, весом в триста тонн, со ста двадцатью тоннами балласта и восьмьюдесятью лошадьми на борту, направлявшийся на Барбадос, вдруг заметил, что качается, словно хочет перевернуться. Муж той ведьмы, которую недавно казнили, пожелал отправиться на этом корабле на Барбадос, но, не получив его, случилось несчастье. Уведомление об этом было направлено магистратам, заседавшим тогда в суде в Бостоне, и был послан ордер на его задержание, и когда офицер переправлялся с ним через паром, один из них спросил, не может ли он укротить судно, поскольку он иногда может укрощать людей; Он ответил: "У меня есть вот это, которое, может быть, укротит ее и заставит замолчать", и показал свой ордер, и в тот же миг судно остановилось и поплыло вертикально, продолжая катиться странным образом около двенадцати часов, и после того, как Джонс оказался в тюрьме, оно больше никогда не двигалось подобным образом.'

Другая, казненная вскоре после этого, была женщиной из Дорчестера; она также положительно отрицала свою вину. Следующей была женщина из Кембриджа, против которой главным свидетельством была медсестра, показавшая, что обвиняемая заколдовала ребенка до смерти; женщина много говорила о ребенке, который был совершенно здоров, но быстро изменил свой цвет и умер через несколько часов после этого. Женщина до последнего момента отрицала свою вину. В 1655 году в Бостоне была казнена миссис Хиббенс, вдова помощника, или советника. Это вызвало большое недовольство нескольких главных лиц, и считалось, что ее смерть спасла жизни многих других низших особ. Примерно в то же время были казнены двое или трое в Спрингфилде и один в Хартфорде, двое из которых признали себя виновными. Следующей пострадала в 1662 году женщина по фамилии Гринсмит, а вместе с ней и ее муж; она призналась, но он отрицал свою вину. Двое других были подвергнуты испытанию водой, но, обнаружив, что они плавают на воде, как пробки, им разрешили улететь из Новой Англии. Этот нелепый эксперимент, по-видимому, вскоре был прекращен. В 1663 году Мэри Джонсон была предана суду и повешена. Она сказала, что к ней явился дьявол, очистил ее очаг от золы и выгнал свиней из кукурузы. В 1688 году женщина по имени Гловер, ирландская папистка, была повешена за околдовывание четырех детей некоего Джона Гудвина из Бостона. Это дело сопровождалось столь необычными обстоятельствами, что вызвало всеобщий интерес и сочувствие. Гудвин был человеком безупречного морального облика, а его дети получили религиозное воспитание и отличались мягким и приветливым нравом. Эти дети, - говорит знаменитый доктор Коттон Мазер, - были арестованы в результате чудовищного колдовства". Старшая, дочь тринадцати лет, сначала была охвачена странными припадками, на вид дьявольскими; вскоре одна из ее сестер и два брата были поражены подобным образом". Временами они становились глухими, немыми и слепыми. Их языки втягивались в горло, а затем вытягивались на подбородок. Их рты открывались с огромной силой, а затем челюсти снова смыкались с силой, подобной пружинному замку, и все их конечности и суставы были странно деформированы. Они издавали жалобные крики, что их резали ножами и наносили удары. Священники Бостона и Чарльзтауна прибегли к посту и молитве, и во время молитвы дети, как говорят, лишились слуха, но младший ребенок получил полное облегчение. Бедную невежественную женщину, о которой шла речь выше, заподозрили в том, что она нанимает демонов, чтобы те страдали от этих детей; ее арестовали и отправили в тюрьму в цепях. На суде она скорее хвасталась, чем отрицала свою вину, но разговаривала только на ирландском, хотя прекрасно понимала английский язык. При обыске в ее доме было найдено несколько образов и кукол, или младенцев, сделанных из тряпок и набитых козьей шерстью, и она призналась, что мучила объекты своей злобы, смачивая палец слюной и поглаживая эти маленькие образы. Пострадавшие дети присутствовали в суде, и женщина выглядела

очень взволнованной. Когда ей поднесли одну из картинок, она странно и быстро схватила ее в руку, и тут же один из детей упал в припадке. Судьи распорядились повторить эксперимент, и результат был тот же. Когда ее спросили, есть ли у нее кто-нибудь, кто мог бы быть ей другом, она ответила, что есть, и, оглядевшись вокруг, добавила: нет, он ушел. Ночью после этого она слышала, как она ругалась с дьяволом за то, что он покинул ее, говоря ему, что, поскольку он служил ей так подло и лживо, она во всем призналась. Суд назначил несколько врачей, чтобы проверить, не сошла ли она с ума; но они признали ее вменяемой, суд вынес ей смертный приговор, и она была казнена. После осуждения женщины доктор Мазер неоднократно навещал ее; она отказывалась отвечать на его вопросы или внимать его молитвам, притворяясь, что ее дух не согласиться на это. Во время казни она сказала, что страдающие дети не должны получить облегчения от ее смерти, поскольку в ней участвовали другие люди; поэтому трое детей продолжали мучиться. Они часто видели вокруг себя призраков, и когда удар наносился в то место, где они видели призрак, мальчик всегда чувствовал удар в той части тела, которая была поражена, и очень достоверно утверждалось, что одна или две опасные женщины в городе получили удары, нанесенные таким образом их призракам. В конце концов дети стали лаять друг на друга, как собаки, и мурлыкать, как множество кошек. Они жаловались, что находятся в горячей печи или жарятся на невидимом вертеле, что их режут ножами. Они жаловались на удары большой дубины, и хотя дубины не было видно, на их коже виднелись следы ударов в виде красных полос. Они жаловались, что их головы прибиты к полу, и чтобы оторвать их от пола, требовалась недюжинная сила. Иногда они были такими гибкими, что, казалось, можно было согнуть любую кость, а иногда такими жесткими, что невозможно было пошевелить ни одним суставом. Иногда они летали, как гуси, с невероятной быстротой по воздуху, их руки взмахивали, как крылья птиц, а ноги едва касались земли на протяжении двадцати футов. Вид Библии и любые религиозные рассуждения повергали их в ужасающие припадки. Доктор Мазер взял старшего из этих детей в свою семью, чтобы иметь возможность более внимательно наблюдать за действиями сатаны; но, к несчастью, его собственное воображение так постоянно преследовали мысли о злых демонах и ведьмах, что он не осознавал, как страдает от навязанного ему влияния. Когда он молился, ее руки с силой хлопали по ушам, а если их отдергивали, она вскрикивала. Она жаловалась, что у нее на ноге цепь Гловера, и подражала ей в походке. На нее надевали невидимую цепь, и она, испытывая боль и страх, кричала, когда ее надевали. Иногда нам удавалось снять ее руками, когда ее начинали застегивать. Но когда он был надет, ее выдергивали из кресла с такой силой, что трудно было удержать ее в огне". Я могу добавить, говорит ученый, но легковверный доктор, что демоны накиннули на ее шею невидимую веревку с жестокой петлей, которой ее душили до тех пор, пока она не почернела лицом, и хотя она была снята до того, как убила ее, но красные следы от нее, а также от пальца и большого пальца, оставались еще некоторое время. Однажды она сказала, что если бы ей удалось украсть или напиться, то она была бы здорова. Однажды к ней привели невидимую лошадь, и она стала принимать позу наездницы. Она садилась в кресло и принимала позу наездницы, иногда шагая, иногда рысью, а иногда неистово скача и пытаясь взлететь по лестнице. Доктор Мазер отмечает, что девушка, узнав, что он собирается готовить проповедь по случаю колдовства, стала очень буйной и дерзкой, постоянно пытаясь прервать его занятия проповедью. Во время молитвы демоны бросали ее на пол, где она свистела и пела, заглушая голос, и пыталась пинать и бить говорящего. Но в завершение этой утомительной истории. На Рождество, говорит доктор, эту девочку и ее сестру в другом доме демоны заставили сильно напиться, хотя люди в доме были уверены, что это было без крепких напитков. Они с удивительной точностью подражали действиям пьяного человека, когда говорили, шатались, рвали, а потом спали, пока не пришли в себя. Все эти дети были возвращены к своему естественному здоровью и

дожили до зрелого возраста. Губернатор Хатчинсон в своей "Истории Массачусетса" пишет, что был знаком со старшей дочерью; она отличалась незапятнанным характером; но он считает, что она никогда не признавалась в обмане или навязывании этой сделки.

Хатчинсон был поистине превосходным историческим писателем, какими бы ни были его политические принципы и поведение в качестве главного судьи. Из этой истории и из коллекций Исторического общества я скопировал следующее повествование, чтобы показать, до какой степени хитрые дети могут навязываться доверчивым людям.

В 1720 году в Литтлтоне, в графстве Мидлсекс, жила семья, которую, как считалось, околдовали. У некоего Дж. Б. было три дочери, одиннадцати, девяти и пяти лет. Старшая была бойкой и способной девочкой и, прочитав и услышав множество странных историй, удивляла компанию своей манерой их рассказывать. Довольная аплодисментами, она переходила от услышанного к собственным измышлениям, а затем к снам и видениям, достигла искусства падать в обморок и быть, по всей видимости, бездыханной. Очнувшись, она стала рассказывать о странных вещах, с которыми встречалась в этом и других мирах. Когда она встречала слово "Бог" и другие торжественные слова из Библии, она падала как мертвая. В доме часто раздавались странные и необъяснимые звуки, в дымоход попадали камни и причиняли много вреда. Она жаловалась на призрак миссис Д-и, жительницы города, и однажды попросила мать ударить по месту, где, по ее словам, была желтая птица, и сказала матери: "Ты ударила ее по голове", и оказалось, что голова миссис Д-и пострадала примерно в то же время. В другой раз мать ударила по тому месту, где находился призрак, а девочка сказала: ты ударила ее по кишкам, и при расследовании выяснилось, что миссис Ди-и жаловалась на боль в кишках примерно в то же время. Часто ее находили в водоемах с криками, что она должна утонуть; иногда на крыше дома, а потом на верхушках деревьев, притворяясь, что она туда залетела, а некоторым казалось, что они видели ее в воздухе. На ней часто оставались следы ударов и щипков, которые, как предполагалось, исходили от невидимой руки. Вторая дочь, после того как ее сестра несколько месяцев упражнялась в этом искусстве и преуспела в нем, стала подражать ей в жалобах на миссис Ди-и и превзошла ее в подвигах по лазанию по сараю и деревьям, поднимаясь туда, куда она не могла спуститься без помощи лестницы. Что самое удивительное, младшая, которой было всего пять лет, пыталась совершать те же подвиги, а в некоторых случаях и превосходила своих сестер. Соседи сошлись во мнении, что они находятся под злой рукой, и это было объявлено колдовством, как никогда ранее в Салеме. Сначала прибегли к помощи врачей, но безрезультатно, а затем позвали священников и старейшин, чтобы те помолились над ними, но безуспешно. К детям приходили многочисленные посетители, и чем больше их жалели, тем громче и постояннее были их стоны и крики; мало кто из зрителей подозревал, что они играют роль порочных и злобных самозванцев. Пострадавшие родители относились к ним со всей возможной заботой и нежностью, считая их объектами жалости и сострадания. В конце концов миссис Ди-и, вскоре после предполагаемых ударов матери, заболела и умерла, а две старшие девочки перестали жаловаться; младшая держалась дольше, но все упорно твердили, что никакого обмана не было. Но совесть, этот внутренний монитор, в конце концов жестоко била и мучила их. Старшая в течение нескольких лет пребывала в унынии, а когда родители и другие задавали ей вопросы на эту тему, она искусно уводила разговор в сторону. Не будучи крещеной, она обратилась за крещением к священнику, который внимательно изучил ее на предмет этого дела и сказал, что ее подозревают в лживости и мошенничестве; но она отрицала это и утверждала свою невиновность. В 1728 году, переехав в Медфорд, она обратилась к преподобному мистеру Тареллу, чтобы быть принятой в его церковь. Она дала ему очень хороший отчет о состоянии своей души и рассуждала разумно и религиозно о своем прошлом нраве и общении в жизни. Мистер

Тарелл ничего не знал о том, что она участвовала в мошенничестве, о котором говорилось выше, и предложил ей полное причастие. В следующую субботу, не касаясь ее, он случайно проповедовал по этому тексту: "Кто говорит ложь, тот не спасется". За день до того, как ее должны были принять в церковь, она пришла к мистеру Тареллу в великой беде и душевном смятении, расспрашивая его, какие ужасные вещи он слышал о ней, что заставило его проповедовать так ужасно против практики лжи и лжецов. Мистер Тарелл, сильно удивившись, ответил, что никто на нее не жаловался и что у него нет на нее особых указаний. С великой скорбью она чистосердечно призналась, что была большой грешницей, но теперь пробудилась и убедилась в этом благодаря проповеданному слову и решила больше не скрывать истину, а исповедовать ее перед Богом и людьми. Затем она признала себя виновной в нечестивом обмане, который она совершила, и горько плакала о своей вопиющей глупости и нечестивом поведении. Затем она попросила мистера Тарелла составить подходящее исповедание, которое будет прочитано перед общиной, и она публично признает себя виновной; что и было сделано, и она была допущена к полному причастию, и впредь вела себя так, как подобает христианской профессии. Она призналась мистеру Тареллу в следующем: мотивы, побудившие ее и ее сестер играть роль самозванки, были вызваны глупостью и гордостью. Находя, что она нравится другим или вызывает восхищение, она была слишком довольна и восхищалась собой, становилась тщеславной и высокомерной. Она считала, что уметь обманывать родителей и соседей - это прекрасное достижение. О колдовстве в данном случае она и не мечтала. Раны, щипки и синяки на теле были нанесены ее собственными руками, а шум и камни, падающие в дымоход, были следствием ее выдумки. Она часто жалела, что начала этот обман, но не могла смириться и отказаться от него, и вынуждена была говорить одну ложь, чтобы скрыть другую. Две ее сестры, по ее словам, видя, что ее жалеют, тоже стали актерами вместе с ней, не будучи побуждены к этому ею; но когда она увидела, что они следуют за ней, они все присоединились к тайне и действовали согласованно, и таким образом в течение восьми месяцев их родители находились в постоянной болезненной тревоге, а они считались объектами жалости и сострадания. У них не было особой злобы против миссис Д-й, но стоило обвинить кого-то, и старшая набросилась на нее, остальные последовали за ней. Жалобы женщины примерно в то же время, когда девочка притворилась, что ее ударили, были вызваны другими причинами, которые тогда не были должным образом исследованы. Однажды, по крайней мере, они подверглись большой опасности быть уличенными в своих проделках; но основания для подозрений были упущены из-за снисходительности и доверчивости их родителей.

САЛЕМСКОЕ КОЛДОВСТВО.

Теперь я подробно изложу беспристрастную историю памятных судебных процессов и казней за предполагаемое колдовство в Салеме в 1692 году. За некоторое время до этой печальной катастрофы в Салеме велись споры о назначении священника. Кроме того, недавно умерли несколько самых выдающихся и влиятельных людей, которые на протяжении полувека считались отцами и правителями города. К сожалению, два или три священника в городе и несколько в его окрестностях, как и большая часть жителей, были фанатичными и суеверными приверженцами доктрины колдовства, и они усугубляли общие предрассудки и фанатизм. Из-за предвзятых мнений и сильных предубеждений вряд ли можно было рассчитывать на беспристрастное проведение судебных процессов. Казалось, никто не помнит, что в судах над ведьмами не должно быть других доказательств, чем в судах над убийцами и другими преступниками; и что никакие приговоры не должны выноситься,

кроме как на основании самых основательных человеческих свидетельств, отвергая все дьявольские или колдовские доказательства, которые ни по какому принципу не могут считаться законными в любом случае. Говоря языком покойного доктора Бентли в его "Истории Салема", "искра упала на горючую материю, и вот, какое огромное дело разжигает маленький огонь". Но было бы несправедливо не учесть время, в которое они жили, и меланхоличные заблуждения, которые преобладали из-за войны предрассудков и рабского влияния самых неразумных опасений. Эти заблуждения, как и заблуждения тысячелетней давности, в равной степени противостоят прогрессу знаний и благочестивой уверенности в мудрости и благодати Всемогущего Провидения. Источниками, из которых взята нижеследующая история, являются "История Массачусетса" Хатчинсона, "Магналии" доктора Коттона Мазера, "Чудеса невидимого мира" того же автора, "Исторические сборники" и "Еще чудеса невидимого мира" Р. Калефа из Бостона, опубликованные в 1700 году.

В письме Томаса Брэттла, Ф. Р. С., датированном 8 октября 1692 года и опубликованном в Коллекциях Массачусетского исторического общества, мы имеем следующий рассказ.

Что касается метода, который применяют салемские судьи при своих допросах, то он действительно таков: выдается ордер на задержание лиц, в которых обвиняются и на которых жалуются больные дети, как их называют, и эти лица предстают перед судьями, причем больные присутствуют. Судьи спрашивают задержанных, почему они мучают этих бедных детей, на что задержанные отвечают, что они их не мучают. Судьи приказывают арестованным взглянуть на этих детей, что они и делают; и в момент этого взгляда (не смею сказать, взгляда, как это делают салемские джентльмены) страдальцы впадают в припадок. Затем арестованных ослепляют и приказывают им прикоснуться к страждущим; и при этом прикосновении, хотя и не при помощи этого прикосновения (как сказано выше), страждущие обычно выходят из припадка. Тогда пораженные заявляют и утверждают, что пораженные поразили их; после чего пораженные, хотя они никогда не пользовались такой хорошей репутацией, немедленно отправляются в тюрьму по подозрению в колдовстве.'-"Таков был предел их глупости, что к самому сомнительному преступлению в мире они присоединили самые неопределенные доказательства.'-"Человек должен был быть магом, чтобы быть в состоянии очистить себя от обвинения в магии.

Первый случай предполагаемого колдовства в городе Салем произошел в семье мистера Пэрриса, священника Салема, и вскоре после этого один или два человека в окрестностях пострадали подобным образом, и по этому случаю был объявлен день молитвы. Жаловались на болезнь дочь и племянница мистера Парриса, девочки десяти или одиннадцати лет; вскоре за ними последовали еще две девочки. Они предъявляли аналогичные жалобы и демонстрировали жесты и трюки, похожие на те, что были у детей Гудвина за два-три года до этого. Врач, не сумев объяснить жалобы, объявил, что они околдованы. Они назвали несколько женщин, чьи призраки они видели в своих припадках, мучая их, и в особенности Титубу, индианку из семьи мистера Парриса. Она проводила опыты, которые, по ее словам, применялись в ее собственной стране, чтобы вычислить ведьму; после этого дети закричали на бедную индианку, которая являлась им, щипала, колола и мучила их, и они впали в припадок. Титуба признала, что научилась узнавать ведьм, но отрицала, что сама была таковой. Несколько частных постов было проведено в доме священника, еще несколько публичных - всей деревней, а затем был объявлен общий пост по всей колонии. Вероятно, это имело тенденцию привлекать внимание к страдальцам, что, вместе с жалостью и состраданием тех, кто их навещал, поощряло и подтверждало их замыслы и увеличивало их число. По ее словам, Титуба, которую хозяин бил и угрожал, чтобы заставить ее признаться и

обвинить ее сестер-ведьм, как он их называл, призналась, что дьявол заставил ее подписать книгу, которую он представил, а также навести порчу на детей, и ее отправили в тюрьму. Дети также жаловались на Сару Гуд, которая долгое время считалась меланхоличной или рассеянной женщиной, а также на Сару Осборн, старую прикованную к постели женщину; обе они были осмотрены двумя салемскими судьями и отправлены в тюрьму для суда. Примерно через три недели после этого на двух других женщин с хорошим характером и членов церкви, Кори и Нерс, пожаловались и привели их на допрос, когда у этих детей начались припадки, а мать одного из них присоединилась к детям и пожаловалась на Нерс, что та мучает ее, и издавала самые ужасные крики, к изумлению всех соседей. Старухи отрицали все, в чем их обвиняли, но их отправили в тюрьму; и таково было увлечение, что ребенок Сары Гуд, примерно четырех или пяти лет, тоже был арестован, обвиненный в том, что он ведьма и кусал некоторых страдальцев, у которых на руках были отпечатки мелких зубов; и все, на кого смотрел ребенок, как говорят, падали в припадке, жалуясь, что их мучают. Элизабет Проктор, которую обвинили и привели на допрос, ее муж, как поступил бы всякий добрый муж, сопровождал ее на допрос; но это стоило бедняге жизни. Некоторые из страдальцев тоже кричали против него, и их обоих отправили в тюрьму. Вместо того чтобы, говорит губернатор Хатчинсон, подозревать и просеивать свидетелей и подвергать их перекрестному допросу, власти, если не сказать больше, поступили неосмотрительно, используя наводящие вопросы и тем самым вкладывая слова в их уста, или предоставляя это делать другим. Мистер Пэррис был слишком щепетилен; большинство допросов, хотя и в присутствии одного или нескольких магистратов, проводил он сам. Они позволяли себе такие банальные ответы на экзаменационные вопросы, как, например, следующие. Индеец Джон. Она причиняла мне боль, душила меня и много раз подносила книгу. Она схватила меня за горло, чтобы остановить мое дыхание. Она щипала и кусала меня, пока не пошла кровь. Я видел, как ведьмы ели и пили в таком месте, и они говорили, что это их таинство; они говорили, что это наша кровь, и они пили ее дважды в тот день". По таким свидетельствам в тюрьму попадали люди с безупречным характером, и, настолько страшным было увлечение, что жизнь ни одного человека не была в безопасности. Самый эффективный способ предотвратить обвинение - стать обвинителем; и, соответственно, число страдальцев росло с каждым днем, а число обвиняемых - пропорционально; в целом они погибали в своей невиновности. Более сотни женщин, многие из которых отличались прекрасным характером и принадлежали к самым уважаемым семьям, в городах Салем, Беверли, Андовер, Биллерика и т. д. были задержаны, осмотрены и в целом отправлены в тюрьму. Добрая жена [А] Кори, как ее называли, предстала перед магистратом в доме собраний в деревне; новизна дела вызвала толпу зрителей. Мистер Нойес, один из служителей Салема, начал с молитвы. Присутствовало несколько детей и женщин, которые притворялись, что околдованы ею, и большинство из них обвиняли ее в том, что она кусала, щипала и душила их, и говорили, что в своих припадках они видели ее подобие, приходящее к ним и приносящее книгу, в которой они должны расписаться. Они обвинили ее в том, что черный человек, то есть дьявол, нашептывал ей, когда она была на экзамене. Несчастная женщина могла только отрицать все, в чем ее обвиняли, и ее отправили в тюрьму. Некоторые девушки обвинили несчастную негрятенку-рабыню, но на допросе она выкрутилась благодаря своей природной хитрости. Вопрос Кэнди. "Ты ведьма? Ответ. Кэнди не ведьма в своей стране. Мать Кэнди не ведьма. Кэнди не ведьма, Барбадос. В этой стране хозяйка сделала Кэнди ведьмой". "Твоя хозяйка сделала тебя ведьмой в этой стране?" "Да, в этой стране хозяйка дала Кэнди ведьму". "Что сделала ваша хозяйка, чтобы сделать вас ведьмой?" "Госпожа принесла книгу, и перо, и чернила, и заставила Кэнди писать в ней". Судя по этим показаниям, у миссис Хаскинс, хозяйки, не было другого способа спасти свою жизнь, кроме как сделать признание.

[A] "Гудвайф", "Гуди" и "Гудман" - вульгарные термины, применяемые низшим классом к главам семейств. [Назад](#)

В апреле 1692 года состоялось публичное слушание и экзамен перед шестью магистратами и несколькими священниками. Страдающие жаловались на многих с отвратительными криками и воплями. На экзаменах, помимо эксперимента, когда больные падали при виде обвиняемых, от них требовали повторить молитву "Отче наш", чего, как считалось, настоящая ведьма сделать не может. Когда сэр Уильям Фиппс вступил в должность губернатора в мае 1692 года, он приказал заковать ведьм в цепи; после этого, как утверждает, страдальцы освободились от мучений. В мае миссис Кери из Чарльзтауна была допрошена и предана суду. Ее муж опубликовал следующие факты.

Несколько дней назад мы услышали, что мою жену обвиняют в колдовстве, и, сильно встревоженные этим, по совету отправились в Салем, чтобы узнать, знают ли ее страдальцы. Заключенных вызывали к судьям по одному, и, когда они входили, страдающие девушки кричали на них. Заключенных поставили примерно в семи-восьми футах от судей, а обвинителей - между судьями и заключенными. Заключенным было приказано стоять прямо перед судьями, а офицеру, назначенному держать каждую за руку, чтобы они не разжалобили девушек; глаза заключенных должны быть постоянно устремлены на судей, ибо если они будут смотреть на страдающих, они либо впадут в эти припадки, либо будут кричать от того, что им больно; после допроса заключенных, кто именно разжалобил этих девушек и т. д., их заставили произнести молитву Господню в качестве испытания их вины. Когда страдальцы, казалось, выходили из припадков, они пристально смотрели на какого-нибудь человека и молчали, и тогда судьи говорили, что они онемели, а через некоторое время снова заговорили; тогда судьи говорили обвинителям: кто из вас пойдет и дотронется до заключенного у стойки? Тогда самые смелые отважились, но, не сделав и трех шагов, упали на пол, как в припадке. Тогда судьи приказали поднять их и отнести к заключенной, чтобы она могла дотронуться до них, и как только это было сделано, судьи сказали, что все в порядке, прежде чем я смог заметить какие-либо изменения, но судьи, казалось, поняли, как происходит это странное жонглирование. Двое из обвинителей, притворившихся околдованными, были Абигейл Уильямс, племянница мистера Парриса, одиннадцати или двенадцати лет, и индеец Джон, муж Титубы, который сейчас находился в тюрьме. Этот человек сам был обвинен в колдовстве, но теперь стал обвинителем ради собственной безопасности. Он показал несколько старых шрамов, которые, по его словам, были последствиями колдовства, но, скорее всего, от ударов плетью. На вопрос, кого они хотят обвинить в своих страданиях, они закричали "*Кери*", и тут же судьи прислали ордер, чтобы моя жена предстала перед ними. Главными обвинителями оказались две девушки; моя жена заявила судьям, что никогда не знала о них до того дня. Она была вынуждена стоять с вытянутыми руками. Я попросил, чтобы мне дали поддержать одну из ее рук, но в этом мне было отказано. Тогда она попросила, чтобы я вытерла слезы и пот с ее лица и чтобы она могла опереться на меня, так как она слаба; но судья Хаторн сказал, что у нее достаточно сил, чтобы мучить этих людей, и у нее должно быть достаточно сил, чтобы стоять. Я протестовал против такого жестокого обращения, но мне приказали молчать, иначе меня выдворят из комнаты. Индейца Джона вызвали в качестве одного из обвинителей; он упал и засуетился, как скотина, но ничего не сказал. Судьи спросили девушек, кто поразил индейца; те ответили, что она (то есть моя жена); судьи приказали ей прикоснуться к нему, чтобы его вылечить; но ее голова должна быть повернута в другую сторону, чтобы она не сделала хуже, глядя на него; ее рука была направлена, чтобы взять его руку, но индеец схватил ее руку и с силой повалил ее на пол; затем его руку убрали, а ее руку положили на его, и лекарство быстро подействовало. После такого жестокого обращения с моей женой ее

посадили в тюрьму, и тюремщик приказал надеть ей на ноги кандалы весом около восьми фунтов. Эти цепи, а также другие ее страдания вскоре вызвали судорожные припадки, так что я опасался, что она умрет в ту же ночь. Я просил снять кандалы, но тщетно. Теперь я присутствовал на судебных процессах в Салеме и, обнаружив, что призрачные свидетельства, наряду с пустыми или злонамеренными рассказами, были получены против жизни невинных людей, я с трепетом думал о судьбе моей жены; ведь те же самые свидетельства, которые могли бы послужить для одного, могли бы послужить для всех. В этой ужасной ситуации я считал себя вправе придумать способ бегства; и это, по милости Божьей, удалось. Нас преследовали до самого Род-Айленда, но мы благополучно добрались до Нью-Йорка, где нас любезно принял губернатор Флетчер. Говорить об обращении с заключенными и бесчеловечности, проявленной к ним во время казней, - это больше, чем может вынести любой трезвомыслящий христианин. Те, кто пострадал, многие из них были членами церкви, и большинство из них были безупречного поведения" - Джонатан Кери.

Капитан Джон Олден, бостонский моряк, был послан магистратом Салема по обвинению нескольких несчастных, одержимых или одержимых существ, или ведьм. Во время его допроса эти несчастные начали жонглировать, падать, кричать и смотреть в лицо людям; магистраты несколько раз спрашивали их, кто из всех людей в комнате причинил им боль; одна из обвинительниц несколько раз указывала на капитана Хилла, но ничего не говорила, пока человек, стоявший позади нее, чтобы удержать ее, не наклонился к ее уху, когда она тут же закричала: "Алден, Алден причинил ей зло". Когда ее спросили, видела ли она когда-нибудь Олдена, она ответила, что нет, но сказала, что мужчина сказал ей об этом. После этого Олдена отдали под стражу и отобрали у него меч, так как, по их словам, он причинил им зло своим мечом. Затем магистрат отправил его в дом собраний и приказал встать на стул на виду у всех собравшихся. Обвинители закричали, что Олден ущипнул их, когда стоял на стуле; и один из магистратов попросил маршала разжать руки, чтобы он не мог ущипнуть этих существ. Мистер Гидни, один из судей, предложил капитану Олдену признаться и воздать славу Богу. Тот ответил, что надеется, что всегда будет славить Бога, но никогда не станет угождать дьяволу. Он спросил, почему они думают, что он приехал в эту деревню, чтобы причинять страдания людям, которых он никогда не видел; он обратился ко всем присутствующим и призвал любого предъявить обвинение против его характера. Мистер Гидни сказал, что знает его много лет, ходил с ним в море и всегда считал его честным человеком, но теперь видит причину изменить свое мнение. Олден спросил Гидни, по какой причине его взгляд на него не поразил его так же, как и жалких обвинителей; но никаких причин назвать не смог. Он заверил Гидни, что в его обвинителях сидит лживый дух и что во всем, что они говорят о нем, нет ни слова правды. Олдена, однако, отправили в тюрьму, где он пробыл пятнадцать недель, после чего совершил побег. На допросах и в другое время обвинители обычно рассказывали о черном человеке или о призраке, который находился на столе; присутствующие наносили удары мечами или палками по этим местам. Один судья сломал свою трость во время этого упражнения; иногда обвинители говорили, что ударили призрак; и даже сообщалось, что несколько обвиняемых женщин были ранены таким образом, хотя в то же время находились дома.

В июне и июле в суде Ойера и Терминера проходили процессы и приговоры, и шесть несчастных были казнены, заявив о своей невинности.

Во время суда над Сарой Гуд одна из страдающих девушек впала в припадок, а выйдя из него, стала кричать на заключенного за то, что он ударил ее в грудь, когда она находилась в суде, и фактически предъявила кусок лезвия ножа, который, по ее словам, был использован и сломан при этом. После этого был вызван молодой человек, чтобы доказать факт

нанесения удара. Он предъявил рукоять и часть лезвия, которые суд, осмотрев и сравнив, признал одинаковыми; молодой человек подтвердил, что вчера он случайно сломал этот нож и что он выбросил верхнюю часть в присутствии человека, который сейчас его предъявил. Суд предупредил девушку, чтобы она больше не лгала, но ее все равно заставили дать показания против заключенных, чья жизнь была в ее руках.

Мистер Нойес, священник, убеждал Сару Гуд признаться, говоря, что он знает, что она ведьма, и она знает, что она ведьма; на что она ответила: "Вы лжец. Я не больше ведьма, чем вы волшебник". На суде над Ребеккой Сестрой примечательно, что присяжные признали ее невиновной; тут же все обвинители в суде, а вскоре после этого и все страдальцы вне суда, подняли жуткий крик, к изумлению суда и зрителей. Суд выразил некоторое неудовольствие, и присяжные были побуждены выйти снова, чтобы лучше рассмотреть одно ее выражение, когда она была перед судом. Теперь они признали ее виновной, и она была осуждена. После осуждения она была отлучена мистером Нойесом из Салема от церкви и отдана дьяволу. Губернатор, однако, счел нужным дать отсрочку, о чем, узнав, обвинители возобновили свои ужасные крики против нее, так что некоторые салемские джентльмены убедили губернатора отозвать отсрочку, и она была казнена вместе с остальными. Свидетельства о ее христианском поведении, как во время жизни, так и после смерти, многочисленны и весьма удовлетворительны. Мэри Исти, ее сестра, также была осуждена. Она отличалась серьезным и религиозным характером и перед казнью подала прошение в суд и преподобным служителям Салема, в котором заявила о своей невиновности перед Богом. Она просила не за свою жизнь, так как знала, что должна умереть; но очень искренне молилась, чтобы, если возможно, больше не проливалась невинная кровь. По своей собственной невинности она сказала, что знает, что суд идет по ложному пути, и смиренно просила, чтобы их честь допросила признавшихся ведьм, будучи уверена, что многие из них лгали себе и другим. По ее словам, они обвиняли ее и других в том, что они заключили союз с дьяволом, что она и они решительно отрицали. Один лишь Господь, который есть искатель всех сердец, знает, что, как я отвечу на суде, я ничего не знаю о колдовстве, поэтому я не могу, не смею обманывать свою собственную душу, признаваясь в этом". Она умоляет их честь не отвергать смиренное прошение бедного, умирающего, невинного человека и молится, чтобы Господь благословил их усилия, чтобы больше не проливалась невинная кровь. Эти две женщины были в числе восьми, казненных вместе, когда преподобный мистер Нойес, повернувшись к телам, сказал: "Как печально видеть восемь адских огненных клейм, висящих там!!!".

Джон Проктор, находясь в тюрьме, жаловался, что двух молодых людей принудили к признанию, связав им шею и пятки, пока кровь не готова была хлынуть у них из носа. Затем они признались, что один из них был волшебником месяц, а другой - пять недель, и что их мать заставила их быть такими, когда была заключена в тюрьму, не видя их в течение девяти недель. Он добавляет: "Моего сына Уильяма Проктора, когда его допрашивали, за то, что он не признал себя виновным, связали по шее и пяткам, пока кровь не хлынула у него из носа".

На суде, состоявшемся в Салеме в апреле 1692 года под руководством достопочтенного Томаса Данфорта, заместителя губернатора, Элизабет Проктор была судима за колдовство. Свидетелями были индеец Джон, муж Титубы, и три или четыре девушки, которые притворялись, что страдают от упомянутого Проктора. Вопросы суда и ответы свидетелей были крайне бесполезны и причудливы, но они демонстрировали свои нелепые жесты и припадки, которые, как они утверждали, были вызваны присутствием заключенного за решеткой. Затем суд поставил вопрос так: "Элизабет Проктор, вы понимаете, в чем вас обвиняют, а именно в том, что вы виновны в различных актах колдовства: что вы на это скажете?" "Говорите правду, как вы ответите на нее перед Богом в другой день. Что скажешь

ты, добрый Проктор, на это?" - "Беру Бога небесного в свидетели, что я ничего не знаю об этом, не более чем ребенок". Муж Проктор присутствовал в суде, и пострадавшие девушки стали кричать на него, говоря, что он волшебник, и снова демонстрировали свои фокусы и припадки. Суд задал вопрос: "Кто причиняет вам боль?". Ответ. Гудмен Проктор, и его жена тоже. Суд сказал. "Что вы скажете, Гудмен Проктор, на это?" - "Не знаю, я совершенно невиновен". Не менее больно, чем удивительно добавить, что на основании таких жалких показаний Проктор и его жена были осуждены и казнены. Проктор убедительно просил дать ему несколько дней, чтобы подготовиться к смерти, и во время казни самым трогательным образом просил мистера Нойеса помолиться с ним и за него; но его просьба была жестоко отклонена, поскольку он не признал себя магом.

19 августа 1692 года были казнены пять человек, все они самым решительным образом заявили о своей невиновности. Одним из них был мистер Джордж Берроуз, который несколько лет назад был проповедником в деревне Салем, где между ним и жителями возникло некоторое недопонимание; после этого он стал проповедником в Уэллсе. Против мистера Берроуза выдвигались обвинения в том, что его видели совершающим подвиги, превосходящие естественные силы человека. Он поднимал из каноэ бочку с патокой или сидром и нес ее к берегу. Одной рукой он мог вытянуть тяжелый мушкет со стволом в шесть или семь футов на расстояние вытянутой руки. В дополнение к этим обвинениям писатели того времени утверждали в качестве основной части доказательств, что семь или восемь признавшихся ведьм свидетельствовали против него. Но из допросов, проведенных судом, станет ясно, что их показания были взяты из них самих. Например. Вопрос Мэри Лэйси. "Не было ли среди вас мужчины на ваших собраниях?" "Никого, кроме дьявола". Ваша мать и бабушка говорят, что там был священник; вы не видели там мужчин?" "Там был священник, и я думаю, что он сейчас в тюрьме". "Там был некий мистер Барроуз?" "Да." - Вопрос другому свидетелю. "Не было ли там двух священников?" - "Я слышала, как Сара Гуд говорила о священнике или двух, один из них - тот, что был на востоке; его зовут Барроуз". Маргарет Джейкобс привели к тому, что она обвинила себя в ведьмовстве, а затем - священника Берроуза и собственного деда, но после этого, пораженная ужасом, она предпочла лишиться жизни, нежели упорствовать в своем признании. Перед казнью она попросила прощения у Берроуза, который, как говорят, безропотно простил ее, а также молился с ней и за нее. Она также отказалась от всего, что говорила против своего деда, но все было напрасно, поскольку речь шла о его жизни. Некоторые из обвинителей утверждали, что Берроуз часто посещал колдовские или дьявольские таинства. Некоторые свидетельствовали, что во время мучений Берроуз соблазнял их пойти на таинство; при этом он звуком трубы созывал других ведьм, которые быстро сходились со всех сторон к месту встречи. Многочисленные другие обвинения, столь же легкомысленные, были выдвинуты против этого несчастного священника, как утверждает доктор Коттон Мазер; среди прочего, его ядовитые укусы, оставляющие на плоти отпечатки зубов, которые точно соответствовали его набору зубов. Редко кто в 80 лет может похвастаться хорошим набором зубов, и некоторые говорили, что у него не было ни одного в голове, и это могли быть только воображаемые зубы, но и они могли соответствовать своей цели. Берроуз был дважды женат, и о нем говорили, возможно, искренне, что он недоброжелательно относился к своим женам.

Несколько околдованных, - добавляет доктор Коттон Мазер, - дали показания, что их беспокоили явления двух женщин, которые говорили, что они - две жены Берроуза, и что он их умертвил, и что об этом нужно рассказать магистратам, перед которыми, если Берроуз на суде будет отрицать это, они не знают, как им выступить против него в суде. Когда Берроуз предстал перед судом, один из околдованных был повергнут в ужас призраками двух

умерших жен, явившимися перед ним и взывавшими о мести за него. Но он, хотя и был сильно потрясен, категорически отрицал, что видел что-либо из этого; и это, - добавляет д-р Мазер, - не было частью его убеждения". [B] Некоторые свидетели утверждали, что заключенный бывал с ними на собраниях ведьм, и что именно он совратил их в силки колдовства; что он обещал им за это прекрасную одежду; что он принес им кукол и шипы, которые они должны были воткнуть в этих кукол, чтобы те причиняли страдания другим людям; и что он увещевал их вместе с остальными членами команды околдовать всю деревню Салем, но обязательно делать это постепенно, если они будут преуспевать в том, что делают. По свидетельству некоего Рука, шурина заключенного, он сам и его сестра вместе с Берроузом отправились за две или три мили собирать клубнику, Рук с сестрой ехал домой очень умеренно, а Берроуз шел пешком в компании. Берроуз отошел в кусты, после чего они остановились и окликнули его. Не ответив, они ускорили шаг, а когда приблизились к дому, то, к своему изумлению, обнаружили, что он идет с ними пешком и несет корзину земляники. Тогда Берроуз принялся укорять жену за то, что она говорила о нем с братом по дороге; на что, когда они удивились, он сказал, что знает их мысли. Рак, пораженный этим, намекнул, что сам дьявол не знает так далеко. Берроуз ответил: "Мой Бог открывает мне ваши мысли". На то, что было засвидетельствовано против него, заключенному в суде нечего было ответить, что стоило бы принять во внимание. Но суд начал думать, - говорит доктор Мазер, - что он отошел в сторону только для того, чтобы с помощью чернокожего надеть на себя невидимость и в этом чарующем тумане удовлетворить свой собственный ревнивый юмор, чтобы услышать, что о нем говорят". Это не слишком большой комплимент философскому характеру суда. Однако Берроуз был осужден, и его в лохмотьях везли в повозке по улицам Салема на казнь; тело тащили за веревку по земле и закопали среди камней, оставив непокрытыми одну руку и часть лица. Стоя на лестнице, он повторял молитву "Отче наш", вероятно, потому, что, по всеобщему мнению, волшебник лишен возможности совершать ее, а также протестовал против несправедливости своих страданий с такой ужасной торжественностью, что зрители плакали, и некоторые полагали, что население помешало бы казни. Он перенес эту позорную смерть в возрасте около 80 лет, горячо молясь, чтобы страшный бред прекратился. Как только его отпустили, доктор Коттон Мазер, сидя на лошади, обратился к народу, заявив, что Берроуз не был рукоположенным священником и что существуют самые полные доказательства его вины. Доктор Инглиз Мазер, одинаково доверчивый в этих вопросах со своим сыном, в своих "Случаях совести" утверждает, что он присутствовал на суде над Берроузом, и если бы он был одним из судей, то не смог бы его оправдать. Ибо несколько человек под присягой засвидетельствовали, что видели, как он делал такие вещи, которые не мог бы совершить ни один человек, не имеющий дьявола в качестве своего знакомого".

[B] В одном из английских судов свидетель собирался рассказать об убийстве так, как он получил его от призрака убитого. Постойте, сэр, - сказал судья, - призрак - прекрасный свидетель, и его показания - лучшие из возможных, но в этом суде его нельзя слушать по доверенности; позовите его сюда, и я выслушаю его лично; но ваше сообщение - просто слухи, и моя должность заставляет меня отклонить его". Если суд или магистрат выслушивает призрачные свидетельства, чтобы осудить преступника, то почему бы не принять те же свидетельства, наоборот, в доказательство невиновности. А если судья или магистрат поддерживает или потворствует такому жонглированию дьявольским влиянием, разве они не подпадают под наказание статута короля Якова, запрещающего любое колдовство и любые чары для привлечения духов? [Назад](#)

Джон Уиллард пострадал примерно в то же время. Он занимался поиском ведьм, но в конце концов, отказавшись приводить новых, поскольку считал это несправедливым, был обвинен.

Сначала ему удалось скрыться на расстоянии сорока миль, но его догнали и осудили. Джайлс Кори, в возрасте около 80 лет, был привлечен к суду, но отказался признать свою вину, не желая быть судимым присяжными, которые никого не оправдали; поэтому его приговорили к смерти. В предсмертных муках жертва высунула язык, и офицер засунул его в рот своей тростью. Это был первый и, как я полагаю, единственный человек, которого зажали до смерти в Новой Англии, хотя были примеры и в Старой Англии. Жена Кори страдала на виселице, где совершила выдающуюся молитву.

22 сентября восемь человек были казнены: лошадь, везшая их вместе в телеге к виселице, на короткое время вышла из строя, и обвинители сказали, что этому помешал дьявол; но можно спросить, если у него была власть задержать телегу на мгновение, почему бы не остановить ее совсем и не предотвратить казнь? Но они не выказывают никаких признаков уверенности или надежды на то, что он спасет их. Некий Уордвелл, ранее признавший себя виновным, а затем отрицавший это, предстал перед судом. Его прежнее признание и свидетельства призраков были представлены против него; но его собственная жена и дочь обвинили его и спаслись сами. "Есть много случаев, - говорит Хатчинсон, - когда дети обвиняют своих родителей, а некоторые - когда родители обвиняют своих детей. Это единственный случай, когда жена или муж обвиняют друг друга, и, конечно, этот случай не должен был иметь места. Я содрогаюсь, когда рассказываю об этом". Помимо этих нарушений, в ходе судебных процессов были и другие. Во время казни Уордвелла, когда он обращался к народу с речью, протестуя против своей невиновности, палач в это время курил свою трубку, дым, шедший ему в лицо, прервал его речь, и обвинители сказали, что дьявол помешал ему дымом.

Миссис Инглиш была женщиной превосходного ума и отличного образования, но считалась не слишком снисходительной и милосердной к беднякам, и некоторые из них обвиняли ее в колдовстве. Вечером офицер зачитал ей ордер, и вокруг ее дома была выставлена охрана. Утром, после посещения семейных богослужений, она с большим спокойствием поцеловала своих детей, предложила им свой план воспитания, ушла от них и сказала офицеру, что готова умереть, будучи уверенной в том, что такова будет ее судьба. После допроса она по снисхождению была помещена под стражу в публичный дом, где ее часто навещал муж, что послужило поводом для обвинения в его адрес. Будучи человеком с большим состоянием, купцом в Салеме и обладая значительным влиянием, он, к счастью, добился разрешения заключить жену в тюрьму в Бостоне до суда. Здесь их друзья нашли средства для побега, и они бежали в Нью-Йорк, где их с дружеским вниманием принял губернатор Флетчер. В последующую зиму мистер Инглиш отправил щедрые припасы страдающим беднякам в Салеме; но, вернувшись после того, как буря утихла, он обнаружил, что его дом разграблен, а имущество так уменьшилось, что из имущества, оцененного в 1500 фунтов, он получил только 300 фунтов.

В июле перед четырьмя судьями предстала некая Гуди Фостер. Она призналась во многих своих поступках, но теперь ее дочь призналась в других, к которым она была причастна. Ей сказали, что ее дочь была с ней, когда она каталась на палке, и была с ней на собраниях ведьм, и спросили, как долго дочь была с ней связана. Она ответила, что ничего об этом не знает. Затем ей рассказали, что одна из страдающих сказала, что фигура Гуди Кэрриер рассказала ей, что Гуди Фостер сделала ее дочь ведьмой около тринадцати лет назад. Она ответила, что знает о том, что ее дочь была ведьмой, не больше, чем о том, в какой день она должна умереть. Если бы я знала что-то большее, то сказала бы об этом во всеуслышание. Дочь, которую позвали и спросили, разговаривала ли она с матерью, пока каталась на палке, ответила: "Думаю, ни слова". Далее последовал важный вопрос магистрата: "Кто ехал впереди на этой палке в деревню?" "Наверное, моя мать". Мать ответила: "Нет, Гуди Карриер

был первым". Можно было бы предположить, что судьям пора остановиться, но они продолжают допрашивать дочь. "Сколько лет прошло с тех пор, как их крестили, кто и как их крестил?" "Три или четыре года, я полагаю; старый змей окунул их головы в воду, сказав, что они его, и что он имеет над ними власть во веки веков". Сколько человек крестилось в тот день и кто они были?" "Думаю, шестеро, некоторые из вождей, они были из высших сил". Теперь позвали внучку старухи, М. Лейси, и тут же М. Уоррен впала в припадок, но вскоре пришла в себя, когда Лейси положила руку на ее руку. Вопрос судьи. "Как вы смеее приходить сюда и приводить с собой дьявола, чтобы страшать этих бедных существ; каким способом вы это делаете?" "Я не могу сказать. Если моя мать и сделала меня ведьмой, то я этого не знала". Теперь ей было приказано смотреть на м-ль Уоррен дружелюбно, не причиняя ей вреда; но при этом она ударила ее взглядом. Когда ее спросили, признает ли она себя ведьмой, она ответила "да". На вопрос, как долго, она ответила, что не была ведьмой больше в неделю. Дьявол явился к ней в виде лошади, велел поклоняться ему и ничего не бояться, и он не выведет ее, но он оказался лжецом с самого начала. На вопросы, которые ей задавали, она снова сказала, что была ведьмой чуть больше недели, а в другой раз ответила, что дьявол впервые явился ей чуть больше года назад.

Среди других лиц, обвиненных в колдовстве, была миссис Хейл, чей муж, священник Беверли, принимал самое активное участие в этих преследованиях; это был удар, который добрый человек не был готов принять. Будучи полностью уверенным в невинности своей жены, он задался вопросом, может ли дьявол поразить хорошего человека, принимая как данность, что жена священника была хорошим человеком. Обвинения миссис Хейл и некоторых других уважаемых людей заставили их поверить, что дьявол может так управлять делами, что страдающий человек должен думать, что он это делает. Этот случай произвел значительные перемены в настроениях и поведении мистера Хейла. Он стал гораздо более умеренным и рациональным в своих взглядах на колдовство. В разгар бедствий и смятения священнослужители города и окрестностей по просьбе губернатора и совета провели консультацию о положении дел, в котором они находились; в частности, для рассмотрения вопроса, не может ли сатана являться в облике невинного и благочестивого, а также невинного и злого человека, чтобы причинять страдания тем, кто страдает от дьявольских домогательств? Среди прочего, они сообщили о своем мнении: "Что предположения, на основании которых люди могут быть преданы, а тем более осуждены, как виновные в колдовстве, должны быть, конечно, более значительными, чем едва обвиняемый представляется призраком страдающим; так как это несомненная и известная вещь, что демон может с позволения Бога появляться даже в дурных целях в облике невинного, да, впрочем, и добродетельного человека. Мы также не можем считать изменения, происходящие в страдальцах от взгляда или прикосновения обвиняемого, безошибочным доказательством вины, но часто можем злоупотребить дьявольским коварством".

Среди признавшихся ведьм были Д. Фолкнер, ребенок десяти лет, А. Фолкнер, восьми лет, и С. Карриер, от семи до восьми. Признание Сары Кэрриер. Судьи спросили ее. "Как давно вы стали ведьмой?" - "С тех пор, как мне исполнилось шесть лет". "Сколько тебе сейчас лет?" - "Почти восемь; брат Ричард говорит, что в ноябре следующего года мне исполнится восемь лет". Кто сделал тебя ведьмой? Моя мать. Она заставила меня поднести руку к книге. Я прикоснулась к ней пальцами, и книга стала красной, а бумага - белой". На допросе она сказала, что никогда не видела черного человека, а место, где она это сделала, было на пастбище, и там были ее тетя Т. и двоюродные братья. Они обещали подарить ей черную собаку, но собака так и не появилась. "Но ты сказала, что однажды видела кошку, что она тебе сказала?" "Она сказала, что разорвет меня на куски, если я не поднесу руку к книге". Она сказала, что мать крестила ее, и дьявола или черного человека там не было, как она

видела. Она сказала, что причиняет людям страдания, щипая их, у нее не было кукол, мать носила ее на руках, чтобы причинять страдания. "Как твоя мать несла тебя, когда была в тюрьме?" - "Она пришла, как черная кошка". "Как ты узнала, что это твоя мать?" - "Кошка сказала мне, что она моя мать". Мать этого бедного ребенка была тогда приговорена к смерти, а мать двух других детей также находилась в тюрьме, и вскоре ее судили и осудили.

К числу впечатляющих случаев отказа исповедников от своих признаний относится следующий.

Смирненное заявление Маргарет Джейкобс почтенному суду, заседающему ныне в Салеме, свидетельствует: "В то время как ваша бедная и смиренная декларантка, будучи тесно заточена в Салемской тюрьме за преступление колдовства, о котором, слава Господу, я совершенно ничего не знаю, что выяснится в великий день суда. Да будет угодно уважаемому суду, некоторые одержимые кричали на меня, что я причиняю им страдания, после чего меня привели на допрос, и при виде меня эти люди упали, что меня очень поразило и испугало. Господь свидетель, я ни в малейшей степени не знал, кто их порастил; они сказали мне, без сомнения, что это я, иначе они не упали бы при виде меня; они сказали мне, что если я не признаюсь, то меня посадят в темницу и повесят, но если я признаюсь, то жизнь моя будет сохранена; это так напугало меня, что, чтобы спасти свою жизнь, я сделал признание, которое, да будет угодно почтенному суду, совершенно ложно и неправдиво. В первую же ночь после этого меня охватил такой ужас совести, что я не мог заснуть, боясь, что дьявол унесет меня за то, что я говорил такую ужасную ложь. Я был, да будет угодно уважаемому суду, приведен к присяге в своем признании, как я понял впоследствии, но в то время я не знал об этом, не понимая, что означает присяга. Господь, надеюсь, на которого я уповаю, по избытку своего милосердия простит мне мою ложную клятву себя. То, что я сказал, было совершенно ложным против моего деда и мистера Берроуза, что я сделал, чтобы спасти свою жизнь и получить свободу; но Господь, вменяя это в вину моей совести, привел меня в такой ужас, что я не мог сдержаться себя, прежде чем отрекся от своего признания; я предпочел бы лучше умереть со спокойной совестью, чем жить в таком ужасе. И теперь, да будет угодно вашей чести, я оставляю на ваше благочестивое и рассудительное усмотрение, чтобы вы сжалились и сострадали моим юным и нежным годам, поступили и сделали со мной так, как Господь и ваша честь сочтут нужным; не имея друга, кроме Господа, чтобы заступиться за меня, не будучи виновной ни в малейшей степени в преступлении колдовства, ни в каком-либо другом грехе, заслуживающем смерти от рук человека".

Ужасный бич колдовства, благодаря неосторожности или, скорее, глупости одного человека, распространился на город Андовер. Некий Джозеф Баллард из этого города послал в Салем за некоторыми обвинителями, которые притворялись, что обладают призрачным зрением, чтобы те рассказали ему, кто порастил его жену, которая в то время болела лихорадкой. Вскоре после этого в Андовере обвинили в колдовстве пятьдесят человек, многие из которых принадлежали к самым уважаемым семьям. Здесь распространялись нелепые истории о катании на шестах по воздуху. Многие родители считали своих детей ведьмами, а многие мужья - своих жен и т. д.

Ниже приводится обвинительный акт большого жюри против Мэри Осгуд.

Присяжные нашего суверенного лорда и леди, короля и королевы, утверждают, что Мэри Осгуд, жена капитана Джозефа Осгуда из Андовера, графство Эссекс, около одиннадцати лет назад нечестиво, злонамеренно и преступно заключила завет с дьяволом, и подписала дьявольскую книгу, и приняла дьявола за своего Бога, и согласилась служить и поклоняться ему, и крестилась от дьявола, и отказалась от своего прежнего христианского крещения, и

обещала быть дьяволу, и телом, и душой, навсегда, и служить ему; По этому дьявольскому договору, заключенному ею с дьяволом, она, упомянутая Мэри Осгуд, стала отвратительной ведьмой, против мира наших суверенных Господа и Госпожи Короля и Королевы, их короны и достоинства, и законов, в этом случае принятых и предусмотренных.'

Вышеупомянутый законопроект был основан главным образом на ее собственном признании, суть которого заключается в следующем: около одиннадцати лет назад, когда она была в меланхоличном состоянии, в определенное время, гуляя в своем фруктовом саду, она увидела в конце своего дома кошку, которую она приняла за настоящую кошку, примерно в это время она заключила договор с дьяволом и т.д. Далее она сказала, что около двух лет назад ее вместе с тремя другими людьми, которых она назвала, перенесли по воздуху к пруду Пяти миль, где она была крещена дьяволом, и снова перенесли по воздуху тем же способом, каким она ушла, и считает, что их несли на шесте. Она признается, что поразила трех человек, и что сделала это, ущипнув себя за постельное белье, и дала согласие дьяволу сделать это в ее облике, и что дьявол не мог сделать это без ее согласия. В суде она поразила несколько человек, как они притворялись, и они, как обычно, были восстановлены ее прикосновением к их рукам. Вскоре после этого упомянутая Мэри Осгуд вместе с пятью другими женщинами, которые, оказавшись в опасности, признали себя виновными, отказались от своих признаний, заявив, что "они были ослеплены, и возлагали руки на страдальцев, впадавших в припадки; другие, почувствовав наши руки, говорили, что они здоровы и что мы виновны в том, что поразили их, после чего нас отправили в тюрьму". Из-за этого неожиданного сюрприза, зная, что мы совершенно невиновны, мы были крайне поражены и изумлены, ошеломлены и поражены до потери рассудка. Наши самые близкие друзья и родственники, видя наше ужасное положение, умоляли нас сделать признание, как единственный способ спасти наши жизни. Из нежной любви и жалости они уговаривали нас сделать такое признание, говоря нам, что мы ведьмы, они это знают, и мы это знаем, и они знают, что мы это знаем, что заставляло нас думать, что это действительно так. Наше понимание и способность рассуждать почти исчезли, и мы были не в состоянии судить о своем состоянии. Через некоторое время, когда нам стало лучше, они рассказали нам, в чем мы признались, и мы признались, что невиновны в таких вещах". Свидетельства главных жителей Андовера о личности этих людей, говорит губернатор Хатчинсон, перевесят легкоеверие судей, совершивших преступление, или большого жюри, которое нашло обвинения против них. Пятьдесят три авторитетных жителя Андовера обратились к суду, состоявшемуся в Салеме, заявив, что "это женщины, о которых мы можем с полным правом сказать, что они не только жили среди нас так безобидно, что не давали ни малейшего повода подозревать их в колдовстве, но своей трезвой, благочестивой и образцовой жизнью и общением снискали добрую славу в местечке, где их хорошо почитают и одобряют в церкви, членами которой они являются".

Некий Дадли Брэдстрит, мировой судья в Андовере, приговорив к тюремному заключению тридцать или сорок человек за предполагаемое колдовство, сам и его жена были обвинены, и им пришлось спасаться бегством. Обвинители утверждали, что мистер Брэдстрит убил девять человек, так как видели призраки убитых, витавшие над теми, кто их убил. В Салеме заболела собака, и те, кто видел призрака, сказали, что Дж. Брэдстрит, брат судьи, поразил собаку, а затем ускакал на ней. Он также был рад сбежать, а собака была убита. Другая собака, как говорят, натравливала на других, и они впадали в припадки, когда собака смотрела на них, и ее убивали. В конце концов один достойный джентльмен из Бостона, обвиненный некоторыми из жителей Андовера, послал приказ об аресте обвинителей по иску в тысячу фунтов за клевету. С этого времени обвинения в Андовере прекратились, к неопишуемой радости жителей.

В Салеме эта грандиозная буря продолжалась шестнадцать месяцев, в течение которых проявилась большая нехватка трезвой мудрости у одних и моральной честности у других, а дух суеверного преследования, почти не имеющий аналогов, вообще возобладал. Девятнадцать невинных людей были повешены, один приговорен к смерти, а еще восемь осуждены; около пятидесяти признали себя ведьмами, из которых ни одна не была казнена. Более ста пятидесяти человек находились в тюрьме, и еще более двухсот, будучи обвиненными, сочли нужным прекратить дальнейшее преследование. Лица, находившиеся в тюрьмах, были отпущены на свободу, а те, кто бежал, вернулись домой с миром. Опыт показал, что чем больше задержанных, тем больше пострадавших от сатаны, и число исповедников увеличивалось, число обвиняемых; казнь одних освобождала место для задержания других, пока их число не стало действительно тревожным для общества, и возникло опасение, что Салем привлек *несколько невинных людей*, поскольку все девятнадцать отрицали преступление до самой смерти.

Покойный доктор Бентли из Салема в своей "Истории этого города", опубликованной в сборнике Исторического общества, отмечает, что "сцена была подобна потоку, внезапному, непреодолимому, и мгновенному. Те, кто думал, что видит заблуждение, не разоблачали его, а те, кто был в заблуждении, были напуганы до растерянности. Некоторое время ни одна жизнь не была в безопасности. На судебных процессах дети до двенадцати лет добивались слушания в магистрате. Приходили индейцы и рассказывали о своих знаниях о невидимых существах. Нежные женщины рассказывали обо всех страхах, но ни один человек с хорошей репутацией не осмелился предложить хоть один отчет или открыто выступить против нахлынувшего потока. Ничто не могло быть более нелепым, чем простое изложение доказательств. Это было бы оскорблением для трезвого мира. Ужас был настолько велик, что под угрозой жизни те, кого обвиняли в вине, признавали ее, а признания ослепляли судей. Общественный шум подстегивал их, а новизна бедствия лишала их всякой способности расследовать его истинные причины, пока девятнадцать невинных людей не стали жертвами общественного легковерия". С марта по август 1692 года, - говорит доктор Бентли, - было самое бедственное время, которое когда-либо знал Салем; дела были прерваны, город опустел, ужас был на каждом лице, а беда - в каждом сердце. О каждом месте рассказывали страшные истории, страх преследовал каждую улицу, меланхолия поселялась в тишине в каждом месте после захода солнца. Население уменьшилось, бизнес некоторое время не мог восстановить свои прежние каналы, и невинные страдали вместе с виновными. Но как только судьи перестали выносить приговоры, народ перестал обвинять. Ужас перед жестокостью и виновностью происходящего мгновенно сменился осуждением слепого рвения, и то, что каждый человек поощрял, все теперь признавали отвратительным. В Салеме было найдено любое выражение скорби. Церковь уничтожила весь позор, который она наложила на мертвых, записав самое смиренное признание своей ошибки. Но уменьшение населения, ущерб, нанесенный религии, и бедственное положение пострадавших воспринимались и ощущались с величайшей скорбью".

Я привожу следующую цитату из "Столетней речи судьи Стори".

Все эти разбирательства являются меланхоличным доказательством того, как суеверие омрачает разум и закаляет сердце против велений человечности. Действительно, никогда не было ничего более мстительного и жестокого, чем фанатизм, действующий под влиянием сверхъестественного ужаса и принимающий на себя наказание за преступления, порожденные его собственными мрачными грезами. В таких обстоятельствах он сам становится тем самым демоном, которого стремится уничтожить. Он теряет из виду все

общепринятые принципы разума и доказательств. Он не видит вокруг себя ничего, кроме жертв для принесения в жертву. Он не слышит ничего, кроме голоса собственной мести. Оно не верит ничему, кроме чудовищного и невероятного. Оно придумывает все призраки суеверий и облакает их в живую форму собственных страстей и безумств. Короче говоря, безумие вряд ли смогло бы придумать более утонченные формы варварства, а распутство - исполнить их с более злобным хладнокровием. В жалких бойнях этих времен (а именно такими они и были на самом деле), где закон и разум в равной степени были поставлены на игнор, мы видим шокирующие примеры противоестественного поведения. Мы видим, как родители обвиняют своих детей, дети - своих родителей, а жены - своих мужей в преступлении, которое должно привести их на эшафот. Мы видим, как невинные люди, введенные в заблуждение надеждой на помилование или доведенные до иступления притворными страданиями других, свободно обвиняют себя в том же преступлении. Мы видим, как грубое лжесвидетельство практикуется для того, чтобы добиться осуждения, иногда для самозащиты, а иногда из полного безрассудства перед последствиями. Мы видим, что даже сама религия становится орудием мести. Мы видим, как служители Евангелия и судьи страны стимулировали гонения, пока, наконец, их опустошения не достигли их собственных костров".

Хатчинсон отмечает, что не мало тех, кто готов предположить, что обвинители находились в состоянии телесного расстройств, которое повлияло на их воображение. Это доброе и милосердное предположение, но, похоже, оно скрывает истину от глаз. Немного внимания убедить, что все это было обманом и самозванством, начатым молодыми девушками, которые сначала, возможно, думали только о том, чтобы вызвать интерес к своим страданиям, и продолженным взрослыми людьми, которые боялись быть обвиненными сами. Вместо того чтобы признаться в своем обмане, они позволили принести в жертву жизни стольких невинных людей. Никто из мнимых страдальцев так и не предстал перед судом за свой обман; некоторые из них оказались распутными людьми, предавшимися пороку, другие провели свои дни в безвестности и презрении.

В декабре 1696 года был объявлен пост, в котором был такой пункт: "Чтобы Бог показал нам то, чего мы не знаем, и помог нам там, где мы ошиблись, ссылаясь на недавнюю трагедию, поднятую среди них сатаной и его орудиями, через ужасный суд Божий". В день поста в Южном доме собраний в Бостоне судья Сьюолл, заседавший на суде, принес бумагу для публичного чтения, и во время чтения он встал. В нем в очень смиренной манере говорилось, что он опасается, что мог впасть в какую-то ошибку во время судебных разбирательств в Салеме, и молился, чтобы вина за такие ошибки не была вменена ни стране в целом, ни ему, ни его семье в частности, и просил прощения у Бога и людей. Главный судья, мистер Стоутон, будучи проинформирован об этом поступке одного из своих братьев, заметил от себя, что, когда он заседал в суде, перед его глазами был страх Божий, и он высказывал свое мнение в соответствии с лучшим своим пониманием; и хотя впоследствии могло выясниться, что он ошибся, он не видел необходимости в публичном признании этого.

Двенадцать человек, служивших присяжными в суде в Салеме в 1692 году, опубликовали отказ от своих взглядов и извинение за свои действия на суде; заявив, что они были неспособны понять и противостоять таинственным заблуждениям сил тьмы и князя воздуха, но за неимением знаний и информации от других, приняли такие доказательства против обвиняемых, что при дальнейшем рассмотрении и лучшей информации, они справедливо опасаются, что вместе с другими, хотя и по незнанию и невольно, способствовали тому, чтобы навлечь на себя вину невинной крови и т.д. Они выражают глубокое чувство сожаления о своих ошибках, когда действовали на основании таких доказательств для

осуждения людей, заявляя с глубоким смирением, что они заблуждались и ошибались, из-за чего они очень огорчены и расстроены в душе. Они смиренно просят прощения у Бога и молятся о том, чтобы оставшиеся в живых страдальцы рассмотрели их честно и справедливо, признавая себя находящимися под властью сильного и всеобщего заблуждения. Они снова просят прощения у всех, кого могли обидеть, и заявляют, что больше не совершат подобного во всем мире.

Поскольку это великое бедствие началось в доме мистера Пэрриса, а он был свидетелем и очень ревностным обвинителем предполагаемых преступников, многие из его церкви отошли от его причастия, а в апреле 1693 года составили статьи против него. Они обвиняют упомянутого Пэрриса в том, что он учит таким опасным заблуждениям и проповедует такие скандальные безнравственные поступки, которые должны отстранить от служения любого человека, хотя бы он и был одарен иным образом. В частности, в его клятве против жизни нескольких человек, где он клянется, что заключенные своим взглядом сбивают с ног этих притворных страдальцев. Мы смиренно полагаем, что тот, кто клянется в большем, чем уверен, одинаково виновен в лжесвидетельстве с тем, кто клянется в том, что ложно".

Они настолько утвердились в своем неприятии, что продолжали свои гонения в течение трех или четырех лет; а в июле 1697 года они подали в арбитраж протест, в котором обвиняли его в том, что он "верит обвинениям дьявола и с готовностью отступает от всякого милосердия к людям, хотя и ведущим безупречную и благочестивую жизнь, по таким предположениям против них; он поощряет такие обвинения, а также его пристрастность в подавлении обвинений одних и бдительном поощрении других. Он обращается к тем, кто имеет знакомый дух, чтобы узнать, кто поразил людей; что мы рассматриваем как явное отрицание Божьего провидения, которое, как мы верим, одно может посылать болезни или вызывать дьяволов, чтобы поразить людей. Благодаря таким действиям и принципам мистер Пэррис стал зачинщиком и поставщиком самых тяжелых бедствий, которые когда-либо постигали не только эту деревню, но и всю страну". В конце концов мистер Пэррис признал свои ошибки, но люди не успокоились, пока он не был полностью уволен.

В то время, когда в Салеме проводились судебные процессы по обвинению в колдовстве, губернатором колонии был сэр Уильям Фиппс. Он был уроженцем Новой Англии, неясного происхождения и очень неграмотным. Его титул и богатство были получены по воле обстоятельств, а не благодаря каким-либо заслугам или почетным достижениям. Мистер Фиппс каким-то образом получил информацию о том, что испанский корабль, груженный золотом и серебром, потерпел крушение у берегов Ла-Платы много лет назад, и он решил предпринять смелую попытку завладеть добычей. Чтобы заручиться помощью в этом предприятии, он совершил путешествие в Англию, где обзавелся партнерами и компаньонами, а оттуда в 1687 году отправился в Ла-Плату. Ему посчастливилось обнаружить корабль, из которого он извлек золото и серебро на сумму 300 000 фунтов стерлингов, а его собственная доля составила 16 000 фунтов стерлингов. Вернувшись в Англию и познакомившись с влиятельными людьми, он получил от короля Якова Второго рыцарское звание и был назначен губернатором своей родной колонии. Но, будучи человеком благочестивым и честным, он не был способен поддержать достоинство должности, на которую имел честь быть выдвинутым.

Сэр Уильям твердо верил в колдовство, и одним из первых актов его власти стал приказ о заковывании ведьм; глупо полагая, что если тело заковать в цепи, то злой дух внутри не сможет проявить свою силу. Но перед самым окончанием трагедий, в которых его превосходительство был столь ревностным актером, его собственную жену некоторые из

жалобщиков обвинили в том, что она ведьма; однако благодаря благосклонности губернаторской дамы ей удалось спастись без цепей и недоуздок.

Судя по всему, доктор Коттон Мазер был одним из главных сторонников преследования ведьм. В октябре 1692 года, по желанию губернатора, он опубликовал отчет о судебных процессах над семью осужденными и казненными, в котором утверждает, что суд опирался в своих решениях главным образом на законы Англии и прецеденты, найденные в книгах оттуда. В предисловии к книге есть такой отрывок. "Если посреди многих недовольств среди нас публикация этих процессов может способствовать благочестивой благодарности Богу за то, что правосудие так далеко исполняется среди нас, я буду радоваться, что Бог прославлен; и молиться, чтобы ни один наш неверный шаг никогда не запятнал ни одного из его славных дел". Но следует помнить, что никакое осуждение не может получить санкцию правосудия и одобрение христиан, если сторона не будет справедливо осуждена на основании полных и весомых человеческих доказательств. Весьма удивительно, что правители и судьи, а также выдающиеся богословы того времени не обратили внимания на разумную максиму иудейской конституции, согласно которой *каждое слово* или предмет, принимаемый в качестве доказательства при вынесении решения, *должен быть подтвержден* совпадением того, что исходит из уст двух или трех заслуживающих доверия свидетелей. И если восстанет на человека ложный свидетель и обвинит его в каком-либо преступлении, то двое, между которыми возникнет спор, должны предстать пред Господом, и пред священниками, и пред судьями, которые могут быть в те дни. И когда судьи произведут строгое исследование, то, если лжесвидетель показал ложь и восстал на брата своего, то вы должны поступить с ним так, как он нечестиво думал поступить с братом своим" [C] С грустью думаем о том, что не найдено ни одного случая, чтобы лжесвидетель против невинных жертв в Салеме был привлечен к заслуженному наказанию.

[C] Числа, xxxv. 30. Втор. xvii. 6 и xix. 15. [Назад](#)

Доктор Мазер в своей работе под названием "Чудеса невидимого мира" представил сокращенное изложение процесса над двумя женщинами, осужденными лордом Хейлом в 1664 году, а также сокращенное изложение правил и знаков, по которым можно обнаружить ведьм, которых, по его словам, насчитывается более тридцати. Его работа получила одобрение двух судей суда, один из которых был главным судьей и вице-губернатором. Отец автора, доктор Инклиз Мазер, также выразил свое совпадение в тех же чувствах. Тем не менее, эта работа представляет собой необычное и любопытное произведение; она ясно показывает, что преподобный автор в пылу своего рвения позволил своему уму глубоко проникнуться фанатизмом и гнетущим суеверием. Доктор Мазер отличался обширными знаниями и христианским благочестием; но недостатки и немощи были его уделом, и хотя его ум был обогащен знаниями, его сердце, должно быть, болело от недостатка мудрости. Он опубликовал 382 книги и трактата на различные темы. В них он проявляет остроумие и фантазию, с рвением отстаивает дело религии; и хотя его стиль необычен и многословен, его работы содержат богатый и важный материал для историка и антиквара. Было бы несправедливо не признать долг благодарности доктору Мазеру за неизмеримую пользу, которую наша страна и весь мир получили от его усилий по введению прививки от оспы в 1721 году. Но работа, о которой сейчас идет речь, являет собой яркий пример безрассудства ума в отсутствие его славных атрибутов. Трезвость суждений соблазняется глупостью, а нравственное достоинство унижается вторжением вымыслов воображения, и человек становится дурочкой своего собственного легковерия. Он в полной мере принял учение о демонах и сверхъестественных договорах между сатаной и ведьмами и был фатально

ослеплен против самых явных навязываний, которые практиковались в отношении него самого. Но этот выдающийся божественный деятель не был уникален в своей склонности к фанатичным и догматическим принципам и доктринам; они полностью совпадали с привычками мышления тех времен, в которые он жил. Его современники, управлявшие государственными делами, и те, кто был призван принимать решения в судебных процессах, очевидно, впитали в себя те же грубые нелепости; а в нашей природе есть необъяснимое нежелание отказываться от заблуждений, какими бы абсурдными они ни были. Его публикация изобилует романтическими и смехотворными историями, которые он неразумно выдает за существенные факты. Проницательный ответ был дан ему Р. Калефом, бостонским купцом, что привело к спору между двумя авторами по поводу предмета их расследования.

Ниже приводится сокращенное изложение судебного процесса над Б. Бишопом, С. Мартином, Э. Хау и М. Кэрриером из книги доктора Мазера "Чудеса невидимого мира".

Суд, по-видимому, полагался в качестве доказательств главным образом на показания обвинителей и инциденты, продемонстрированные в ходе экспериментов со сторонами в их присутствии на процессах. Во всех случаях присутствие обвиняемого производило удивительные эффекты на лиц обвинителей. При взгляде или брошенном glance обвиняемые мгновенно падали, словно в припадке или обмороке, и принимали неестественные и болезненные позы, а прикосновение руки ведьмы немедленно приводило их в чувство. [D] Некоторые жаловались, что фигура или призрак Б. Бишоп, заключенного на суде, щипал, душил и кусал их. Одна свидетельница рассказала, что однажды фигура заключенного выхватила ее из колеса и понесла к реке, угрожая утопить, если она не подпишет дьявольскую книгу, и сказала, что она была причиной смерти нескольких человек, которых она назвала. Еще один свидетель рассказал, что вместе с призраком заключенной виделись призраки, которые кричали: "Ты убила нас". Кроме того, есть свидетельство, что однажды в месте, где, по словам заколдованного человека, стояла фигура этого епископа, появился человек, который закричал, что разорвал ее платье, и платье женщины было найдено впоследствии разорванным в том самом месте, о котором говорилось.

[D] Почему бы не околдовать магистратов, как и других, и спасти жертвы от смерти? Если ведьмы, которым помогает Сатана, властны над законами природы и поступками людей, то как получается, что их враги безнаказанно бегут? Если они обладают силой поднимать бури и топить корабли в море, почему бы им не завалить судью и присяжных руинами падающих домов и не поиздеваться над цепями и веревками, используемыми для их казней? [Назад](#)

Некая Д. Хоббс, признавая себя ведьмой, теперь подвергалась мучениям со стороны призраков за свое признание, и этот епископ искушал ее снова подписать книгу и отрицать то, в чем она призналась, и именно форма этой заключенной хлестала ее железными прутьями, чтобы заставить ее это сделать. Чтобы сделать еще более неоспоримым тот факт, что заключенная в суде была человеком, действительно обвиненным в этом колдовстве, было представлено множество доказательств других колдовств, совершенных ею. Дж. Кук свидетельствовал, что пять или шесть лет назад на него в его комнате напала фигура этой заключенной, которая смотрела на него, ухмылялась, и очень сильно ранила его ударом по голове; в тот же день около полудня та же фигура вошла в его комнату, и яблоко странным образом вылетело из его руки на колени его матери, в шести или восьми футах от него. С. Грей свидетельствовал, что около четырнадцати лет назад он проснулся ночью и увидел, что комната, в которой он лежал, полна света, а между колыбелью и кроватью он отчетливо увидел женщину, которая смотрела на него. Он встал, и она исчезла, хотя все двери были настежь. Он лег в постель, и та же женщина снова напала на него. Ребенок в колыбели издал сильный крик, и женщина исчезла. Ребенка долго не могли успокоить; хотя он был вполне

благополучным и процветающим, но с этого времени стал чахнуть и через несколько месяцев умер в плачевном состоянии. Он был уверен, что именно явление этого епископа беспокоило его. Б. Коман свидетельствовал, что восемь лет назад, когда он лежал без сна в своей постели с горящим светильником, ему явилось явление этого епископа и еще двух, которые пришли и угнетали его, так что он не мог ни сам пошевелиться, ни разбудить кого-либо еще; упомянутый епископ взял его за горло и почти вытащил из постели. На следующую ночь у него остановился его родственник, и когда они вместе беседовали, к ним пришли те же гости, и родственник потерял дар речи и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он положил рядом свой меч, который призраки пытались вырвать у него, но он держал его слишком крепко для них. С. Шаттак засвидетельствовал, что в 1680 году этот епископ часто приходил к нему домой с легкомысленными и глупыми поручениями. Вскоре его старший ребенок начал сильно худеть, и чем чаще она приходила к нему в дом, тем хуже становилось ребенку. Невидимая рука швыряла его на камни, била лицом о стенки дома, а деньги ребенка, кошелек и все остальное, непонятным образом исчезали из запертого ящика, и больше их никто не видел. Ребенка мучили страшные приступы, и в течение нескольких месяцев он только и делал, что плакал и спал, и в конце концов его разум полностью утратился. Среди прочих признаков заколдованности ребенка было то, что в саду была доска, по которой он ходил, и все приглашения мира не могли его с нее согнать. Примерно через семнадцать или восемнадцать лет после этого в дом Шаттака пришел незнакомец, который, увидев ребенка, сказал, что этот бедный ребенок заколдован, а соседка у вас - ведьма. Дж. Лаудер свидетельствовал, что, немного поспорив с Бишоп о ее птицах, он проснулся ночью при свете луны и ясно увидел подобие этой женщины, жестоко угнетавшей его; она держала его, не в силах помочь, до самого дня. Он рассказал ей об этом, но она категорически отрицала это и сильно угрожала ему. Вскоре после этого, находясь дома в Господний день с закрытыми дверями, он увидел, как к нему подошла черная свинья, но вскоре исчезла. Вскоре после этого он увидел, как в окно впрыгнуло черное существо, которое подошло и встало перед ним. Телом оно было похоже на обезьяну, ноги - на птичьи, а лицо - на человеческое. Он был так напуган, что не мог говорить; он попытался прикоснуться к нему рукой, но не смог ничего почувствовать, и оно снова выпрыгнуло из окна. Он ударил по нему, но промахнулся и сломал палку, а рука, которой он наносил удары, вскоре стала инвалидом. Это же существо появилось снова и собиралось налететь на него, но он закричал, и оно отпрыгнуло назад и перелетело через яблоню, стряхнув с нее много яблок. При прыжке оно швырнуло грязь ногами в живот мужчины, отчего тот онемел, и так продолжалось три дня. Уильям Стейси свидетельствовал, что, получив от этого епископа немного денег за работу, он отошел от нее примерно на три версты, но когда стал искать свои деньги, они непонятным образом исчезли; и когда он был примерно в шести верстах от нее с небольшим грузом в телеге, внезапно колесо свалилось в яму на ровной земле, так что он был вынужден позвать на помощь, чтобы извлечь колесо; но при поиске ямы в земле, из-за которой он мог бы потерпеть такое бедствие, ее не оказалось. Вскоре после этого, когда он темной ночью шел к своему сараю, его внезапно подняло с земли и бросило о каменную стену; после этого его снова подняло и бросило вниз с берега. В другой раз, когда этот подсудимый проходил мимо упомянутого епископа, его лошадь с небольшим грузом, пытаясь запрячь, разлетелась на куски, и телега упала, а подсудимый, собираясь поднять мешок кукурузы весом около двух бушелей, не смог поднять его со всей силы. О многих других проделках заключенного этот свидетель готов рассказать. Он искренне верил, что упомянутый епископ был орудием смерти его дочери Присциллы. В довершение всего, говорит доктор, Дж. Блай и У. Блай засвидетельствовали, что, будучи наняты упомянутым епископом для разборки стены подвала старого дома, где она раньше жила, они нашли в отверстиях упомянутой стены несколько кукол, сделанных из тряпок и свиной щетины, с

безголовыми булавками, остриями наружу. И теперь она не могла дать суду никакого разумного или терпимого отчета. Можно было бы привести еще много странных доводов против этой женщины, но в них не было нужды. Но была еще одна очень странная вещь, которая привлекла внимание суда. Когда эта женщина под охраной проходила мимо большого и просторного дома собраний в Салеме, она бросила взгляд в сторону дома, и тут же демон, незаметно войдя в дом собраний, снес его часть; так что, хотя там не было видно ни одного человека, люди, прибежавшие на шум, нашли доску, крепко скрепленную несколькими гвоздями, перенесенную в другую часть дома".

Несомненно, будет признано, что если Бриджит Бишоп действительно была виновна во всех вышеописанных бедствиях, то она была подходящим объектом для виселицы.

СУД НАД СУЗАННОЙ МАРТИН, 29 ИЮНЯ 1692 ГОДА.

Магистрат. "Что с этими людьми?"

Мартин. "Я не знаю".

Магистрат. 'But what do you think ails them?'

Мартин. 'Я не хочу тратить на это свое мнение'.

Магистрат. 'Не думаете ли вы, что они околдованы?'

Мартин. 'Нет, я так не думаю'.

Magistrate. Тогда скажите мне, что вы думаете о них?

Мартин. Нет: мои мысли - мои собственные, когда они внутри, но когда они вне, то их хозяин - другой".

Магистрат. "Их хозяин! Кто же, по-твоему, их хозяин?"

Мартин. "Если они занимаются черным искусством, вы можете знать об этом не хуже меня".

Магистрат. 'Ну, и что ты сделал для этого?'

Мартин. 'Ничего'.

Магистрат. 'Почему, это вы или ваша внешность'.

Мартин. 'I can't help it.'

Магистрат. 'Разве это не твой хозяин? Как получилось, что ваша внешность причинила им вред?'

Мартин. "Откуда мне знать? Тот, кто явился в облике Самуила, прославленного святого, может явиться в любом облике".

Также было отмечено, что если страдальцы подходили к ней, их сбрасывали на землю. Суд счел себя встревоженным этим, чтобы подробнее выяснить разговор заключенного и посмотреть, что могло произойти, чтобы сделать эти обвинения еще более правдоподобными. Джон Аллен засвидетельствовал, что по просьбе этой Мартины он отказался, из-за слабости своих волов, везти камни. Она была недовольна и сказала, что это было бы хорошо, если бы он отказался, потому что его волы никогда больше не будут ему

помогать. Тогда, когда он собирался домой, один из его волов устал, и он был вынужден отвязать его, чтобы довести до дома. Он вывел своих волов вместе со многими другими на берег Солсбери; все они бросились в реку Мерримак, а на следующий день были найдены на Сливовом острове. Затем они с силой, которая казалась совершенно дьявольской, побежали прямо в море, заплывая так далеко, как только их можно было увидеть; и из четырнадцати хороших волов все утонули, кроме одного. Джон Аткинсон засвидетельствовал, что обменял корову с сыном упомянутого Мартина, после чего она зарычала и не желала, чтобы она досталась ему. Когда он пошел принимать корову, то, хотя он подвязал ее и привязал, она, прирученная, так взбесилась, что ее с трудом удалось увести. Она порвала все веревки, которыми была привязана, и, хотя ее привязали к дереву, все же вырвалась и доставила им столько неприятностей, что они не могли приписать их ничему, кроме колдовства. Дж. Кембалл засвидетельствовал, что упомянутый Мартин, испытывая беспричинное отвращение, пригрозил ему, что некая корова никогда больше не будет ему служить, что и произошло, так как вскоре после этого корова была найдена мертвой на земле, причем никакой болезни на ней не было заметно; за этим последовала смерть еще нескольких голов его скота. "Но, - говорит преподобный автор, - у упомянутого Дж. Кембалла было еще одно свидетельство против заключенного, которое было поистине восхитительным. Он просил купить собаку у этой Мартин; но она, не позволив ему выбрать, сказала, что он сам купит собаку у некоего Блаздела, и он отметил там щенка, который ему понравился. Г. Мартин, муж заключенной, спросил его, не хочет ли он взять одного из щенков своей жены, и тот ответил, что нет. Тогда заключенный ответил: "Пока я жив, я дам ему достаточно щенков". Через несколько дней после того, как Кембалл вышел из леса, на северо-западе появилось небольшое черное облако, и Кембалл сразу же почувствовал на себе силу, из-за которой он не мог избежать наезда на пни деревьев, хотя перед ним был широкий, ровный, тележный путь; но хотя он держал на плече свой топор, чтобы не упасть, он не мог удержаться от того, чтобы не перепрыгнуть через них. Когда он спустился под дом собраний, ему показалось маленькое существо, похожее на щенка, темноватого цвета, и оно металось взад-вперед между его ног. Он набрался храбрости и приложил все возможные усилия, чтобы разрубить его топором, но не смог попасть, щенок отпрыгнул от него и, как ему показалось, ушел в землю. Когда он прошел еще немного, перед ним появился черный щенок, больше первого, но такой же черный, как уголь. Его движения были быстрее, чем движения его топора. Он налетел на него и вцепился ему в горло, то в одну сторону, то в другую; сердце его стало отказывать, и он подумал, что собака вырвет ему горло. Но он оправился и воззвал к Богу в своей беде, и она тут же исчезла" - "Однажды эта С. Мартин шла пешком из Эймсбери в Ньюбери в необычное время года, когда никому не разрешалось путешествовать. Она хвасталась и показывала, какая она сухая; не было заметно, чтобы хоть подошвы ее туфель были мокрыми. Когда ей сказали, что другой человек был бы мокрым до колен, она ответила: "Она не желает быть осушенной". Было отмечено, что это свидетельство на суде повергло ее в очень необычное замешательство. Джон Пресси засвидетельствовал, что, будучи однажды вечером в недоумении возле поля Мартина, как зачарованный, он увидел чудесный свет, размером с полбушеля, примерно в двух прудах от дороги. Он ударил по нему палкой и навалился на него со всей силы. Он нанес ему около сорока ударов и почувствовал, что это осязаемая субстанция. Но, уходя от него, он ударился пятками и оказался на земле спиной, скатившись, как ему показалось, в яму, из которой он выбрался, ухватившись за куст, хотя впоследствии никакой ямы в этом месте не обнаружил. Пройдя пять или шесть шагов, он увидел С. Мартина, стоявшего по левую руку от него, как и раньше, но они не обменялись ни словом. В конце концов он вернулся домой крайне расстроенный. На следующий день, как выяснилось, Мартина была в плачевном состоянии из-за болей и ран, которые на нее обрушились". (Сорок сильных ударов убили бы любого, кроме ведьмы). "Далее

свидетельница показала, что, обидев заключенного много лет назад, она сказала, что он никогда не будет преуспевать; в частности, что у него никогда не будет больше двух коров; что хотя он и мог иметь больше двух коров, но никогда не имел их. С того самого дня и по сей день, а именно в течение двадцати лет, он никогда не мог превзойти это число, но какая-то странная вещь все еще мешала ему иметь больше".

СУД НАД ЭЛИЗАБЕТ ХАУ, 30 ИЮНЯ 1692 ГОДА.

'Наиболее примечательные вещи, приписываемые Е. Хау, заключались в том, что страдальцы жаловались на нее как на причину своих бедствий, и они падали, когда она смотрела на них, и поднимались снова от прикосновения ее руки. Было также свидетельство, что ее облик доставлял людям неприятности девять или десять лет назад. Некоторые из нынешних страдальцев свидетельствовали о появлении призраков, которые утверждали, что эта Хоу их убила. Дж. Хоу, брат мужа заключенной, свидетельствовал, что, отказавшись сопровождать ее на осмотр, как она того желала, сразу же заколдовал до смерти несколько своих скотов: они прыгали на три или четыре фута в высоту, пищали, падали и сразу же умирали; а когда он собирался отрезать ухо, рука, в которой держал нож, сильно онемела и болела, и так оставалось несколько дней, и он подозревал заключенную в том, что это произошло. Н. Эббот показала, что необычные и озорные происшествя случались с его скотом всякий раз, когда у него с ней возникали какие-либо разногласия. Однажды, в частности, она пожелала задушить его вола, и через некоторое время этот вол задохнулся с репой в горле. Одна женщина, по какой-то причине рассорившаяся с Хау, была околдована, и та умерла, обвинив ее в том, что она приложила руку к ее смерти. У многих людей бочки с пивом были необъяснимым образом испорчены, испорчены и пролиты, когда они были ей неприятны. Один свидетельствовал, что у них то и дело пропадало большое количество напитка из сосудов, причем так, что они не могли приписать это ничему, кроме колдовства. И еще, что однажды Хау дал ей несколько яблок, а когда она их съела, ее охватил очень странный лабиринт, так что она не знала, что говорит и что делает. Кроме того, было собрано множество показаний о том, что некий Дж. Каммингс отказался одолжить свою кобылу мужу упомянутой Хоу; кобыла была взята через день или два в странном состоянии. Она выглядела израненной и покрытой синяками, как будто бегала по камням, а на месте уздечки были отметины, как будто ее обожгли раскаленной уздечкой. При использовании трубки с табаком для лечения животного из нее вырвалось голубое пламя, которое зацепилось за ее волосы и не только распространилось и сгорело на ней, но и взлетело вверх к крыше сарая и словно подожгло ее, а кобыла умерла очень внезапно. Ф. Лейн был нанят мужем Хау, чтобы достать для него посылку со столбами и рельсами, Лейн нанял Дж. Пирли в помощники. Заключенный сказал Лэйну, что столбы и рельсы не подойдут, потому что Пирли помогал ему, но если бы он достал их один, то они могли бы быть достаточно хорошими. Когда Лэйн получил свои столбы и рельсы, то, взяв их за концы, они, хотя и были хорошими и крепкими, тем не менее непонятным образом отломались, так что Лэйну пришлось достать еще двадцать или тридцать. И эта заключенная, когда ей сообщили об этом, сказала, что она говорила ему об этом раньше, потому что Пирли помогал с ними".

СУД НАД МАРТОЙ КЕРРИ, 2 АВГУСТА 1692 ГОДА.

Значительное число околдованных людей утверждали, что именно Марта Кэрриер или ее облик причиняли им страшные мучения, кусая, щипая, удушая их; бедняг так мучили, что все ожидали их смерти на месте, но при связывании пленницы им становилось легче. Более того, взгляд Кэрриер усыплял страдальцев, а ее прикосновение, если она в это время отводила от них глаза, воскрешало их. Было засвидетельствовано, что на упоминание о том, что у

некоторых шеи были вывернуты почти до круглой формы, она ответила, что это не имеет значения, хотя их шеи были вывернуты полностью. Б. Эббот засвидетельствовал, что заключенная очень рассердилась на него за то, что он заложил землю рядом с участком ее мужа. Она сказала, что будет держать нос Эббота так близко к жернову, как никогда не держали, поскольку его фамилия Эббот. Вскоре после этого у него опухла нога, а потом разболелся бок, и он очень мучился. Это привело к образованию болячки, которую доктор Прескотт смазал. Шесть недель все продолжалось очень плохо, потом появилась еще одна болячка, и наконец третья, что привело его к большим страданиям. Он оказался на пороге смерти, и так оставался до тех пор, пока Кэрриер не был схвачен и унесен констеблем. С того самого дня он начал поправляться и с каждым днем становился все лучше. Эббот страдал не только телом, но и сильно переживал потерю своего скота странным и необъяснимым образом. Некий А. Тутакер свидетельствовал, что Ричард, сын М. Кэрриера, имея с ним какие-то разногласия, оттащил его за волосы от головы; когда он снова поднялся, то собирался ударить Ричарда, но упал спиной на землю и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, пока не сказал Кэрриеру, что сдается, и тогда он увидел, как фигура его матери, заключенной, сошла с его груди. Одна Фостер, признавшая себя ведьмой, свидетельствовала, что видела заключенную на одном из их собраний ведьм, и что дьявол нес их на шесте, но шест сломался, и она повисла на шее Кэрриера, они оба упали, и она получила ушиб при падении. Было приведено множество других доказательств ее озорного поведения, которые я опускаю; последним из них было следующее. Во время суда над осужденной некая С. Шелдон в открытом суде непонятным образом связала ей руки колесной лентой, да так крепко, что без разрезания ее нельзя было ослабить. По словам д-ра Мазера, это сделал призрак, и страдающая утверждала, что он принадлежал заключенному.

В вышеописанных действиях во время памятных событий в Салеме есть нечто такое, что, кажется, превосходит все наши представления о беспристрастной справедливости, христианском милосердии или гуманности. Унизительно для нашей натуры размышлять о том, что на сцене собрали группу самых распутных несчастных, терпели и поощряли их низменные интриги, наблюдали за причудливыми экспериментами и лишь фиктивные доказательства обвинения, полученные для вынесения приговора; в то время как все мольбы о пощаде, на основании невиновности, были бесполезны. Нет ни одного случая, чтобы голос жалости и сострадания прозвучал в защиту беззащитных, невежественных жертв подозрений. Их подвергали варварским уловкам и бессмысленным экспериментам, призванным поощрить мошенничество и надувательство, а затем отправляли на виселицу за последствия. Лучше пусть сбегут десять виновных, чем пострадает один невиновный. К сожалению, в то время в уголовных делах не было адвокатов. Если бы в то время существовал наш нынешний суд и государственная тюрьма, добрым жителям Салема еще долго не досаждали бы ведьмы и заколдованные девушки с их невидимыми веревками и цепями.

Но, созерцая печальные ошибки в суждениях наших предшественников, мы должны из милосердия верить, что если бы их разум не был затуманен суеверным мраком, их потомки не были бы призваны оплакивать неразумие, столь прискорбно показанное на примере. Но мы не приписываем нашим почитаемым отцам ни морального разложения, ни испорченности нравов, ни желания отступить от велений суровой справедливости. Их задача была очень трудной, их путь к исполнению долга был затуманен новыми событиями, а их решения неизбежно подтакивались народным шумом и вульгарными предрассудками. Если, к несчастью, их интеллект и был окрашен суевериями, то это было следствием раннего воспитания, поддерживаемого и подтверждаемого общими настроениями и мнениями, распространяемыми в книгах язычников и папистов.

Магистраты придавали большое значение воздействию ведьминых глаз на страдальцев, но не объясняли, почему те же самые глаза не могли оказать вредоносного воздействия на любого другого человека. Большое внимание уделялось тому обстоятельству, что в ходе судебных процессов страдальцы оживали от прикосновения руки предполагаемой ведьмы, но не от руки любого другого человека; однако можно привести примеры обратного; в одном из судов Англии был проведен эксперимент; глаза страдающей девушки были завязаны, и она, к которой прикоснулась рука другой женщины, выздоровела так же быстро, как если бы ее коснулась обвиняемая ведьма.

Преподобный доктор Инклиз Мазер, в то время президент Гарвардского колледжа, может считаться одним из лучших авторитетов в распространенных доктринах о колдовстве. 19 октября 1692 года он отправился в Салем и побеседовал с восемью признавшимися ведьмами, все из которых свободно и безропотно отказались от своих прежних признаний, заявив, что, делая их, они нарушили истину, будучи вынуждены к этому под давлением угроз и настоятельных просьб, которыми они были так напуганы, что согласились на все, что могло бы спасти их от ужасного положения. Но они с душевной мукой признавались, что совершили великое злодеяние, за которое просили прощения. В своем труде "Случаи совести", опубликованном в 1693 году, доктор Мазер особо упоминает судебные процессы в Салеме. В этой работе он отмечает, что "дар исцеления больных и одержимых был особой милостью и благосклонностью Бога для подтверждения истинности Евангелия, но в то, что такой дар должен быть приложен к прикосновению злых ведьм, как безошибочный признак их вины, поверить нелегко". Если предполагается, что в силу некоего договора с дьяволом ведьмы имеют власть делать такие вещи, то те, кто поощряет их в этой практике, будь то суды или частные лица, должны быть виновны в святотатстве. Обвинители притворялись, что сильно страдают от укусов, и отпечатки на коже точно совпадали с набором зубов обвиняемого, но те, у кого не было таких околдованных глаз, видели, как обвинители кусали себя, а потом жаловались на обвиняемого. Бывало и так, что некоторые жаловались на уколы булавок, воткнутыми в их плоть, - это были их собственные мучители, чтобы осуществить свои злые замыслы. Булавки, использовавшиеся таким образом, до сих пор хранятся в Салеме. Доктор Мазер в цитируемой работе разумно утверждает, что доказательства в преступлении колдовства должны быть такими же ясными, как и в любом другом преступлении, имеющем капитальный характер. Он решительно выступает против использования спектральных доказательств как достаточных для вынесения приговора. Однако он считает свободное и добровольное признание достаточным основанием для осуждения; при этом сам преподобный автор приводит один примечательный случай ложного признания с явной целью добиться собственной смерти в результате жестокого преследования, которому она подверглась только из-за подозрений, и была сожжена на костре. В большинстве случаев в Салеме признания оказывались ложными и обманчивыми, поскольку те, кто их делал, были совершенно не осведомлены о природе колдовства. Наш ученый автор далее отмечает, что если два заслуживающих доверия человека подтвердят под присягой, что видели обвиняемого, *делающего вещи, которые никто, кроме тех, кто знаком с дьяволом, никогда не делал и не может делать, это является достаточным основанием для осуждения*. Именно на этом основании он оправдал осуждение и казнь Джорджа Берроуза, священника; в суде было засвидетельствовано, что его видели поднимающим бочку с патокой или сидром и держащим одной рукой тяжелый мушкет на расстоянии вытянутой руки. Ничто не может быть более софистичным, чем свидетельство такого рода, ибо есть люди, которые могут поднять массивное тело весом в шесть или семьсот фунтов и вытянуть руку короля на расстояние вытянутой руки, если держать ее за самый маленький конец одной рукой, и ни один присяжный в наше время не приговорил бы таких к виселице как волшебников.

Необъяснимо, что тех, кто ради спасения жизни обманывал свою совесть, признавал себя виновным в союзе с дьяволом и совершении ужасных преступлений, щадили и оставляли жить в обществе, а других, полагавшихся на свою невиновность и честно презревших эти заманчивые условия, отправляли на виселицу. На самом деле ложные признания, мошенничество и фальсификация были настолько очевидны, что виселицу с большей справедливостью можно было бы применить к обвинителям, чем к тем, кто действительно пострадал.

Но таково было состояние общественного сознания в то время, что чем экстравагантнее была история, тем с большим доверием к ней относились. Враждебность к колдовству была настолько распространена, что создавала общее предубеждение, не способствующее честному раскрытию истины или беспристрастному изучению фактов и обстоятельств. Несчастные жертвы были лишены защиты, а их полное невежество подвергало их самому жестокому обращению и страданиям. В одном из случаев, как нам кажется, имела место профанация молитвы "Отче наш". Женщина, от которой потребовали повторить ее перед судом, вместо "избавь нас от зла" произнесла "избавь нас от *всякого* зла"; это было расценено как обращение к ее собственному состоянию, и ей было приказано повторить ее еще раз. На втором суде вместо "да святится имя Твое" она выразилась "да будет имя Твое *полым*". Таким образом, из-за того, что она использовала букву "о" вместо "а", было сделано заключение, что она не может произносить молитву "Отче наш", и ее отправили в тюрьму как ведьму.

В книге доктора Мазера "Магналии" приводится следующий случай колдовства.

В 1679 году в дом Уильяма Морса в Ньюбери вселились демоны. Кирпичи, палки и камни часто бросались в дом невидимой рукой, как и многие куски дерева; кошка была брошена в женщину дома, а длинный посох танцевал вверх и вниз в дымоходе, после чего тот же длинный посох был подвешен на веревке и раскачивался туда-сюда, а когда два человека положили его на огонь, чтобы сжечь, они были в состоянии сделать столько, сколько могли сделать своими совместными силами, чтобы удержать его там. Невидимая рука с силой швырнула железную дужку, стул летал по комнате, пока наконец не зажегся на столе, где стояла готовая к употреблению еда, и все бы испортилось, если бы люди с большим трудом не приберегли немного. Невидимая рука переносила сундук с места на место, а двери забаррикадировала; и ключи семьи сняли некоторые из них со связки, к которой они были привязаны, а остальные разлетелись с громким шумом. Некоторое время обитатели дома не могли спокойно спать: пепел бросали в ужин и на голову. Обувь мужчины оставляли внизу, одну из них наполняли пеплом и углями и подбрасывали вслед за ним. Когда они ложились в постель, на них много раз бросали камень весом около трех фунтов. Кроме того, на них бросали ящик и доску, а когда из сундука доставали мешок с хмелем, то невидимая рука била по нему, пока часть хмеля не рассыпалась по полу, куда потом положили мешок и оставили. Эта рука часто била человека несколькими орудиями, и та же рука бросала их добро в огонь; да, когда человек молился, метла ударила его сзади по голове и упала перед его лицом. Когда человек писал, невидимая рука выхватила у него чернильницу, и, не найдя ее нигде, он увидел, как она упала из воздуха в огонь. На плечо ему положили туфлю, и когда он хотел ее схватить, ее выхватили него, нахлобучили на голову и так крепко держали, что невидимая ярость повалила его вместе с ней на пол. С него сорвали шапку, а ночью его дергали за волосы, щипали и царапали; невидимая рука колола его шилами, иглами и шишками, а иногда наносила удары, от которых текла кровь. Когда его жена спустилась в подвал, дверь люка была немедленно закрыта невидимой рукой, а стол принесен и поставлен на дверь. В другой раз, когда он писал, блюдо, прыгнув в кадку, облило его водой

и испортило то, о чем он думал. Шапка соскочила с его головы и снова наделась, а крышка от кастрюли упала в чайник, а затем вместе с ним на огонь. Маленький мальчик, принадлежавший семье, пострадал больше всех: его швыряло с такой скоростью, что можно было опасаться, что у него выбьют мозги. С него срывали постельное белье, трясли кровать, он прыгал вперед и назад. Мужчина взял его, чтобы удержать на стуле, но стул упал в танце, и они оба едва не оказались брошенными в огонь. Эти и еще тысячи подобных неприятностей, постигших мальчика дома, привели его к доктору. Там он вел себя тихо, но, возвращаясь домой, вдруг закричал, что его укололи в спину, где, как ни странно, торчала трехзубая вилка, принадлежавшая доктору, которую видели в его доме после отъезда мальчика. После этого его обидчики нашли его и у доктора, когда, снова закричав, что его укололи в спину, они обнаружили, что в него воткнуто железное веретено; а когда он снова закричал, в него воткнули булавки в бумаге, а также длинную железную, чашеобразную ложку. Его стащили с кровати и бросили под нее, а в спину ему один за другим воткнули все ножи в доме, которые зрители вытащили, только один из них, как показалось зрителям, вышел у него изо рта. Призрак заставлял все его мясо, когда он собирался есть, вылетать изо рта, а вместо этого заставлял его есть пепел, палки и пряжу".

Вышеизложенное имеет все признаки преувеличенного рассказа, и вполне вероятно, что доктор Мазер, в своей любви к чудесному и удивительному, записал эти обстоятельства без должного изучения, а лишь на основании неопределенных слухов среди доверчивых соседей. Та же история содержится в записях суда в Салеме, но со следующими поясняющими обстоятельствами, как я их получил. Случилось так, что некий Калев Пауэлл, умный моряк, подозревал, что мальчик, внук Морзе, живший в семье, был причиной всех бед, и следил за возможностью обнаружить его. Отправившись однажды утром в дом Морса, он увидел через окно, как этот мальчик хитростью бросил ботинок в голову старика. После этого Пауэлл сказал Морзе, что если тот позволит своему мальчику пожить у него некоторое время, то, *по его мнению*, с помощью астрологии и астрономии он сможет разгадать эту тайну. Морзе неохотно согласился, и за время отсутствия мальчика его дом не подвергался никаким посягательствам. Морзе признал это, но, не желая подозревать мальчика, он и его соседи пришли к выводу, что Пауэлл изучал черное искусство и таким образом был причиной всех бед, происходивших в доме Морзе. Пауэлл был задержан и предан суду в Салеме. Показания против него были необычными. Один из них заявил, что слышал, как сказал, что с помощью астрологии и астрономии он сможет узнать причину неприятностей Морзе. Другой свидетельствовал, что слышал, будто Пауэлл изучал черное искусство у некоего Норвуда, знаменитого фокусника за морем. В результате суд постановил, что, хотя положительных доказательств его вины найти не удалось, он дал столько оснований для подозрений, что заслуживает того, чтобы самому нести свой позор и судебные издержки. В другое время жену Морса судили за колдовство и приговорили к повешению, но впоследствии она была оправдана и умерла благочестивой женщиной.

Ниже приводится забавная история, хорошо рассказанная, но взятая из газетного авторитета, газеты "Галактика". Примерно в 1760 году ярость жителей Новой Англии по отношению к подозрительным старухам пошла на убыль, но их верующий страх не был полностью подавлен. В это время в Биллерике произошел случай колдовства под началом преподобного доктора Каммингса, который с большим удовольствием рассказал об этой истории, как о последней, которая произошла в его округе.

Одна пожилая женщина, очень мирного нрава, жила практически одна в доме-ракушке рядом с домом собраний и жилищем священнослужителя. Ее заподозрила в колдовстве семья, жившая на расстоянии двух миль, в западной части города, и они сразу же принесли

обвинение пастору; в те ранние времена он осуществлял не только духовную, но и мирскую власть в приходе; он часто был адвокатом для обеих сторон, был судьей и присяжным, не подчиняясь апелляции. Кроме того, он был миротворцем. Мистер К. обвинил миссис Д. в колдовстве. "Откуда вы знаете, что она ведьма?" - "Потому что она заколдовала мою кобылу". "Откуда вы знаете, что ваша кобыла заколдована?" - "Потому что она не хочет стоять на месте, чтобы ее оседлали, и как только я сажусь, она брыкается и сбрасывает меня". Но почему вы думаете, что миссис Д. заколдовала ее? Нет ответа. "Вы с ней поссорились?" "О нет! Я не ссорилась". "Но в чем дело? Конечно, она не стала бы околдовывать ее просто так. Я везла ей кукурузу на кобыле неделю назад, но не знала, что могла ошибиться с мерой, так что кукурузы не хватило, и вот - "А поскольку кукурузы не хватило, вы подозреваете, что она узнала об этом и так рассердилась, что околдовала вашу кобылу". Да, так и есть, и я хочу, чтобы вы пошли и уложили дьявола". Если вы вырастили дьявола, обманув его в кукурузе, вам лучше уложить его самому. "Да, но я не знаю, как". Тогда иди прямо сейчас и отнеси остатки кукурузы, и постарайся никогда больше не совершать подобных поступков: дьявол всегда занят людьми, которые не выполняют все свои обязанности честно". На этот неожиданный упрек мужчина ускакал домой, так и не донеся кукурузу до полной меры; однако он побоялся отнести ее в дом к старухе, а высыпал на камень у двери. Но кобыла перестала брыкаться, как обычно; тогда мистер К. пришел к священнику, рассказал ему о своем поступке и попросил святой помощи. "Идите домой, - сказал пастор со всей энергией, которой он отличался, - идите домой, не беспокойтесь о ведьмах; я не позволю им причинять зло, уверяю вас, - исполняйте свой долг, чтобы не мучиться совестью, а если ваша кобыла не поддается, выпорите ее, как я свою, - идите, и пусть я больше не слышу о ведьмах". Мистер К. послушался, но он был далеко не уверен, что миссис Д. не была ведьмой, и решил доказать это. Для этого он сварил большую картофелину, которую прямо из кипятка положил под седло заколдованной кобылы. По крайней мере, на этот раз капризы и пинки бедного животного были оправданы, поскольку, когда через несколько часов седло сняли, оказалось, что на нем остался сильный след. Доказать это можно было следующим образом: если старуха заколдовала кобылу, то на ее спине должен был остаться такой же след от ожога. Двух старух уговорили войти в состав комиссии по проверке. Доктора Каммингса попросили быть среди них с Библией под рукой, чтобы предотвратить любой смертельный взрыв из ноздрей Сатаны. От этой обязанности он благоразумно отказался. Его место заняла другая пожилая женщина, а для проведения экзамена был назначен вечер субботы. Это время было выбрано потому, что добрые люди считали, что сатана не будет посещать их в святые часы. Тем временем добрая женщина догадалась, что происходит; и когда они вошли в длинный темный подъезд, их встретила потрясающая вспышка пороха и буксира, а также великолепный грохот жестяных кастрюль. Комитет, разумеется, разбежался, и до церкви на следующий день все в городе знали, что дьявол пришел, весь в синей сере, чтобы спасти свою ученицу, злую миссис Д. Это могло бы стать новой эрой в колдовстве в городе, если бы не уместные замечания пастора по этому поводу; ведь он мог сказать слово по сезону.

Всего несколько лет назад один фермер в Кеннебанке, заметив, что его скот поражен какой-то смертельной болезнью, решил, что он околдован, и направил свое подозрение на бедную вдову, которая стала безумной из-за смерти мужа в море. Он был настолько уверен в ее виновности, что отправился в ее одинокий домик и, запрягая вола, жестоко избивал и издевался над ней. Не по нашим спасительным законам такое зверское преступление может пройти безнаказанно. Виновник был привлечен к ответственности и понес заслуженное наказание.

Семья М'Фарлейн из Пембрука отличалась своеобразием характера и манер. Примерно в 1789 году Сет М'Фарлейн привлек внимание соседей тем, что предположительно находился

под влиянием колдовства. Он стал объектом удивления и сочувствия для одних, любопытства и насмешек для других. Сотни людей время от времени толпились вокруг его дома, с изумлением глядя на его предполагаемые личные страдания, причиненные, как он утверждал, некой старой ведьмой, живущей по соседству. Его просили навестить женщину в ее доме, но не успевал он дойти до двери, как у него отказывали конечности, и он падал на землю. Его тело периодически искажалось и билось в конвульсиях, он произносил самые горькие жалобы на боль и страдания, которые приписывал присутствию карга, хотя она была невидима для всех, кроме него самого. Он обратился к судье Т-ру, чтобы узнать, будет ли он виновен по закону, если убьет ведьму. Судья, видя, как Сет лежит на кровати с дубинкой, размахивая руками, чтобы отогнать ведьму, был готов угодить его капризу, достал пистолет и, зарядив его несколькими сребрениками, велел Сету точно прицелиться, когда ведьма снова появится. Соответственно, Сет направил ружье на дверь, в которую она обычно входила, повесив чепец, и в положенное время выстрелил. Выстрел разнес дверь вдребезги, но хитрая ведьма успела увернуться от него в тот момент, когда он нажал на курок!

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ И ПРЕДСКАЗАНИЯ.

В древние времена, особенно у греков и римлян, приметы и предзнаменования считались очень важными в обычных жизненных заботах; но, зародившись в невежестве и суеверии, они исчезли перед светом философии и мудрости. Но уже в первой половине прошлого века вера в фей, хобгоблинов, ведьм и приметы почти повсеместно преобладала среди суеверной части общества; и даже некоторые представители высшего сословия и состояния в жизни находились под влиянием этих химерических фантазий.

Среди счастливых и несчастливых предзнаменований были следующие.

Полет певчих птиц или способ кормления птиц и кур предвещали добро или зло, в зависимости от конкретных обстоятельств. Чихание предвещало добро или зло, в зависимости от количества людей в это время или места. Если служанка, застилая постель, чихнет, то ни один человек не сможет спать в ней спокойно, если только не вынуть и не сжечь часть соломы или перьев. Ничто не может гарантировать успех человеку, отправляющемуся по важному делу, более эффективно, чем бросить за ним старый башмак, когда он выходит из дома. Если в компании тринадцать человек - чертова дюжина, то с одним из них обязательно случится несчастье. Просыпать соль за столом - очень зловещая примета, а тиканье маленького насекомого, называемого смертными часами, предвещает смерть, а крик в полночь - какое-то ужасное несчастье. Эти и многие другие глупые причуды были остро сатирически описаны Аддисоном в "Зрителе". Найти лошадиный башмак считалось удачей, особенно если он был сохранен и прибит к двери, так как это предотвращало назойливость ведьм. Отсюда, вероятно, и пошла сохранившаяся до наших дней практика прибивать лошадиные башмаки к мачтам судов, чтобы избежать колдовства ведьм. Приметы распространяются на определенные дни в недели. Например, пятница считается неблагоприятным днем для начала любого дела. Редко кому удастся уговорить моряка начать плавание в этот день. Был опубликован рассказ о некоем человеке, который, желая избавиться от этого предрассудка, приказал заготавливать древесину для своего судна в пятницу, закладывать его фундамент, спускать на воду и нанимать команду в пятницу, и, наконец, он приказал отплыть в пятницу. Но примечательно и прискорбно, что ни о судне, ни о команде впоследствии никогда не было слышно. Однако это не является доказательством того, что пятница может принести больше бедствий, чем любой другой день из семи. Мы знаем, что все события находятся под контролем Божественного Провидения, и неразумно

полагать, что фатальность будет сопутствовать начинаниям из-за того, что они были начаты в какой-то один конкретный день.

Этот необыкновенный гений, лорд Байрон, был среди тех, кто предавался суеверному представлению о том, что пятница - несчастливый день. В книге Мура "Жизнь Байрона" можно найти следующее.

Среди суеверий, которым он предпочитал потакать, предполагаемая несчастливость пятницы как дня для начала любой работы, была одной из тех, которым он почти всегда позволял на себя влиять. Вскоре после его приезда в Пизу одна знакомая дама встретила его на дороге из своего дома, когда сама возвращалась туда, и, предположив, что он пришел нанести ей визит, попросила, чтобы он вернулся с ней. "Я не был в вашем доме, - ответил он, - потому что, едва дойдя до двери, вспомнил, что сегодня пятница, и, не желая наносить первый визит в пятницу, повернул назад". О нем даже рассказывают, что однажды он отослал генуэзского портного, который принес ему домой новое пальто в тот же зловещий день. Со всем этим, как ни странно, он отплыл в Грецию в пятницу; и хотя те, кто склонен к суеверным фантазиям, могут считать результат слишком печальным подтверждением предзнаменования, очевидно, что либо влияние суеверия на его собственный разум было незначительным, либо в возбуждении самоотдачи, под которым он теперь действовал, оно было забыто".

В лорде Байроне мы имеем пример фатальных последствий, к которым иногда приводят предрассудки против какой-либо цели или объекта, привитые юношескому уму. Из всех своих предрассудков, по его словам, самым сильным было предубеждение против кровотоечения. Его мать на смертном одре добила от него обещания никогда не соглашаться на кровопускание. Поэтому, оказавшись на смертном одре, он упорно противился операции, вопреки совместным и убедительным уговорам врачей, и она была отложена до тех пор, пока не наступило слишком позднее время, чтобы принести ему желаемое облегчение.

В истории есть один яркий пример успешного предприятия, начатого в пятницу. Именно в этот день Христофор Колумб отплыл из порта Палос в свое первое путешествие за открытиями; и именно в пятницу он высадился на острове, который никогда прежде не видели европейские глаза. Из всех событий, зафиксированных в современной истории, это несравненно самое важное.

Любопытный и меланхоличный случай аберрации интеллекта произошел на борту корабля "Президент", направлявшегося в Чарльстон. Корабль столкнулся с очень тяжелой погодой, и один из матросов заявил своим товарищам, что он убежден, что буря возникла исключительно из-за его порочного образа жизни и что оскорбленное величие небес может быть успокоено только тем, что он немедленно бросится в море. Напрасны были все доводы и все попытки капитана и его офицеров побудить его отказаться от своей цели. Однажды вечером он поднялся на главный такелаж и, сняв часть своего одеяния, бросился головой в глубину. Когда корабль возвращался в этот город, поднялся сильный шторм, который вызвал все суеверия мореплавателей, и раздался всеобщий крик, что корабль пойдет ко дну, если сундук Сэма не будет выброшен за борт. Шотландец был одним из самых фанатичных членов команды, и, опасаясь стихии больше, чем капитан, он тем или иным способом раздобыл сундук бедного Сэма и замуровал его в могиле владельца. Шторм почти сразу же утих; на воде воцарилось спокойствие, и легкий бриз донес ее до устья гавани. Однако здесь ветер стал неблагоприятным, и шквал с суши отбросил их от берега. Недовольство снова дало о себе знать, и был произведен общий обыск, чтобы выяснить, не осталось ли чего-нибудь

принадлежащего самоубийце. После тщательного обыска на форпике был обнаружен старый ботинок, который поспешно принесли в жертву Эолу. Ветер снова утих, и попутный бриз принес их в порт; вся эта сцена, без сомнения, утвердила их в суеверии, которое они лелеяли. -N. Y. J. of Commerce.

На борту корабля, капитан В., ночью возникла необходимость спустить паруса; паруса были спущены, а снасти вытащены, когда матросы поднялись на мачту; но, к удивлению капитана, они вскоре в ужасе спустились вниз, крича, что на верхушке сидит дьявол, которого они узнали по рогам, горящим глазам и страшной бороде. Никакие приказы и угрозы капитана не могли побудить их предпринять еще одну попытку. Все остальные приказы они готовы были выполнить, но встретиться с дьяволом на топе - это уже слишком. Дело становилось все серьезнее, так как топсейл трепетал и дрожал на ветру. Капитан и офицеры отважно решили подняться, но и их в ужасе согнали на палубу. Решено было, будь на то воля судьбы, подождать до утра; когда при свете дня обнаружилось, что на верхушке сидит старый козел и смотрит морякам в лицо своими ослепительными глазами. Оказалось, что козел спал на фалдах, свернувшись в клубок, и таким образом был поднят на вершину без чьего-либо ведома.

Римские католики воспитаны в полном убеждении, что дьявол появляется в телесной форме, а часто и в высоком стиле какой-нибудь великой личности. Я не раз слушал, как честный ирландский католик с серьезным видом рассказывал о том, как после расправы над римскими священниками сатана появился на коне с великолепной свитой и завладел дворцом одного джентльмена в Ирландии. Когда Его Величество завладел дворцом, был послан протестантский священник, чтобы изгнать его в его собственную обитель, но он был принят со смехом и издевкой, как не имеющий никакой власти. Но в конце концов прислали католического священника, который во время резни прятался в пещере, и не успел он войти, как дьявол в испуге взлетел по дымоходу, унося с собой железный горшок с огня, а выходя, снес верхнюю часть трубы. Ирландец нисколько не сомневался в реальности этого происшествия; и добавил, что дымоход до сих пор находится в том же состоянии, и никто не осмеливается его починить.

Некоторые старые моряки восхищаются тем, что находятся в хороших отношениях с дьяволом. Моряки часто рассказывали следующую историю, полностью веря в ее правдивость.

Один моряк продал себя дьяволу с условием, что он будет наслаждаться всеми благами и удовольствиями этой жизни в течение пятидесяти лет, когда он сдастся; но дьявол должен был выполнить любое желание моряка, прежде чем он сдастся. По истечении пятидесяти лет сатана пришел за своим человеком. Моряк признал, что время истекло, но нужно было сделать одну вещь. Сатана должен был выкачать море досуха, но хитрый сын Нептуна так расположил насос, что вода из него снова потекла прямо в море. Дьявол был так разгневан этим хитроумным приемом, что нанес ему огромный удар хвостом и исчез в облаке дыма и серы.

Реформация XVI века, хотя она в значительной степени разрушила оковы, сковывавшие человеческий интеллект, и научила людей мыслить, не искоренила полностью языческие и папистские нелепости даже у самих реформаторов. Что, как не дух фанатизма, могло побудить великого Мартина Лютера серьезно заявить, что он пережил несколько личных встреч с дьяволом в связи с тем, что занимался реформированием злоупотреблений католической церкви, и в частности, что его "сатанинское величество однажды ночью вошло

в его запертую камеру, украдо лесные орехи и расколело их о столб его кровати, к его немалой досаде?".

Преподобный мистер Уитмен в своей гениальной лекции о народных суевериях рассказывает, что "много лет назад в одном из городов этого содружества внезапно пропал человек. Церковь немедленно отправила одного из своих прихожан проконсультироваться с известной гадалкой Молли Питчер. Наведя необходимые справки, она сообщила, что пропавший был убит семьей негров, а его тело затонуло в глубоких водах за их жилищем. На основании этих показаний обвиняемые были немедленно заключены в тюрьму, а пруд тщетно выгребали от берега до берега. За несколько дней до суда убитый вернулся к своим друзьям целым и невредимым". Церковь сделала бы себе больше чести, если бы воспользовалась законными средствами для наказания гадалки в исправительном учреждении за клевету.

Не могу не привести следующие превосходные замечания, сделанные языком моего любезного и ученого друга и корреспондента Томаса Майнера, доктора медицины из Миддлтауна, штат Коннектикут.

То, что демоны когда-либо могли творить чудеса, кажется невероятным; но разум, как и материя, очевидно, подчинялся в древности иным законам, чем в настоящее время. Этот принцип, возможно, поможет удовлетворительно разрешить многие вещи, которые в Писании находятся в неразрешимом недоумении. Бог никогда не *нарушал* и не может нарушить известные законы, но он может изменять их по своему усмотрению. Каждый геолог знает, что он изменил их с момента сотворения мира, ведь ни одним из существующих законов нельзя объяснить органические останки тропических животных и растений в арктических и умеренных регионах. Таким образом, в физическом мире происходили чудеса, или вариации, или приостановки, или дополнения к общим законам природы. Этому учит наука, в частности геология, и это разрушает, а точнее, развязывает гордиев узел в материальном мире. В мире разума аналогия полная; по крайней мере, откровение сообщает нам, что обычные законы разума, да и материи тоже, время от времени изменялись, приостанавливались или получали дополнительные дополнения, как это происходит во всех чудесах, записанных в Писании. Если бы Юм был только современным геологом, он увидел бы тщетность своих рассуждений против возможности чудес, поскольку перед ним были бы факты, доказывающие, что материя временами управлялась законами, сильно отличающимися по виду или по степени, или по обоим, от тех, которые известны сейчас. Аналогия показывает, что так могло быть и с разумом; Писание говорит, что так и было.

Должен признаться, что я очень осторожен в объяснении хоть одного чудесного события, записанного в Писании, поскольку, начав, я не знаю, на чем остановиться; Но если я только признаю этот принцип, что, хотя общие законы материи и разума всегда были одинаковыми, Творец часто, ради великих и мудрых целей, сам отступал от них и позволял, или уполномочивал, или наделял полномочиями других, иногда, в важных случаях, отступать от них (как мы знаем, так было в материальном мире), почти все трудности в интерпретации чудесной части откровения сразу же становятся легко разрешимыми. Возможно, кто-то возразит, что это не решает трудности, связанные с чудесным воздействием плохих людей или других развращенных существ. Но в Откровении упоминаются случаи, когда плохие люди пророчествовали, творили чудеса и другие чудеса, которых Спаситель *никогда не знал*. Истинная наука, где бы она ни применялась, должна уничтожать суеверия и фанатизм, но, как и в случае с геологией, показывая, что чудеса или изменения законов природы имели место, она служит поддержкой настоящей религии и демонстрирует незыблемость ее основ. Философия показывает, что чудеса существовали, а откровение фиксирует время, место и

повод. В конце концов, я бы с большой осторожностью говорил о древних демонических существах, какую бы сторону вопроса мы ни занимали, многое остается загадочным и, возможно, непостижимым для наших нынешних несовершенных способностей.

С большинства точек зрения, мы живем в лучшую эпоху, которую когда-либо видел мир; но мы живем в эпоху волнения. Каждый, почти каждый проект начинается и осуществляется с энтузиазмом. Трудность заключается в том, чтобы не дойти до полного фанатизма. Простой долг или целесообразность, однако, - холодная вещь, и сама по себе она никогда ничего не даст, если не будет сопровождаться некоторым рвением, некоторой пылкостью, некоторой искренностью чувств. Эти последние эмоции должны напоминать ровный, но легкий ветерок; страсть же, особенно если она переходит в фанатизм, подобна урагану и торнадо. Я не знаю ни одного способа обеспечить золотую середину с какими-либо перспективами на успех, кроме как дать подрастающему поколению стабильное образование, основанное на надежном фундаменте морали и религии Евангелия. Нагорная проповедь содержит лучшие правила долга, а тринадцатая глава Первого послания к Коринфянам - лучшее их изложение, которое только можно найти. Великий закон любви, побуждающий поступать с другими так, как мы хотели бы, чтобы они поступали с нами, практически примером милосердия, на котором так настаивает Павел.

На нас, патриотах и филантропах, лежит обязанность, насколько это в наших силах, оградить подрастающее поколение от всех видов суеверий с помощью мощного оплота, заложенного глубоко и рано в сознание наших детей. Именно нашим детям должны быть доверены наш характер, наши приобретения и наши чувства; независимо от того, наделены ли они чистой мудростью, или замутнены недугами мозга, будущие поколения будут знать, как оценить их ценность. Если мы хотим, чтобы потомки наслаждались истинным и постоянным счастьем, пусть их учат культивировать свои интеллектуальные способности и укреплять разум против обманчивых иллюзий и мнимых зол. Спектральные иллюзии могут возникать, пока интеллектуальные способности остаются в полном порядке, примером чему служат случаи Николая и шотландской дамы, о которых рассказывалось в одной из предыдущих частей этой работы. Знаменитый доктор Сэмюэл Джонсон был склонен к суевериям и время от времени страдал от пароксизмов ипохондрических иллюзий. Он рассказывает, что, когда однажды в Оксфорде он поворачивал ключ в своей комнате, он услышал, как его мать (которая была в Личфилде) отчетливо позвала "Сэма". Это заставило его ожидать самых печальных вестей о своей любимой родительнице, но он был полностью и счастливо разочарован.

Пусть нашу молодежь учат, что вся фаланга призраков, явлений, ведьм и волшебников, чар и чародейства, второе зрение, приметы и предзнаменования, астрология и гадания, вульгарные чудеса и вульгарные пророчества должны быть причислены к другим вульгаризмам, законным отпрыскам извращенного воображения, и должны быть осуждены как унижающие человеческое понимание. Тем, кто не верит в их существование, они никогда не помешают. Сопровитесь дьяволу, и он убежит от вас". Твердо сопротивляйтесь вере в колдовство, и вы сможете бросить вызов всем ведьмам, которые когда-либо путешествовали по воздуху или преследовали жилище.

Внушите нашей молодежи, что суеверие и фанатизм пагубны для дела подлинной религии, давая почву для неадекватных представлений о божестве, нелиберальности и немилосердия, религиозного безумия, бурных волнений, фанатичного беспокойства, нереальных или сомнительных обращений, меланхолии, уныния и отчаяния. Эти дурные результаты диаметрально противоположны тому благородному и счастливому характеру, который христианская религия так замечательно призвана формировать и поддерживать.

Мы можем принести большую пользу нашей молодежи, направив ее на правильный курс чтения. В библиотеке, без совета, они находятся в состоянии незнакомца в городе без проводника. Мир почти наводнен книгами; можно выбрать любую, отвечающую всем требованиям и удовлетворяющую любой гений и вкус.

Народное образование сегодня стало почти повсеместно любимым занятием. Учебные семинарии и улучшенные школьные учреждения распространяются все шире и шире, и вскоре они будут распространены по всей стране, а их преимуществами в равной степени будут пользоваться все классы нашей молодежи. За последние несколько лет в Новой Англии было создано множество лицеев, и общественный голос говорит об обильном увеличении их числа; они изобилуют лучшими средствами для возбуждения подражания и распространения общих знаний. Благоприятно для общественного благосостояния, когда наши граждане мудры и трезвомыслящи, патриотичны, целомудренны и добродетельны, ценят свободные институты наших отцов, как богатые блага с небес, а свободу разума - как неоценимую ценность. Пути, ведущие к фонтанам чести и интеллекта, столь же широки и легкодоступны, как и те, что погружают в порок и несчастье, и тем, кто предпочитает первое, не нужно проходить через жизнь, не знакомясь с могущественными чудесами, которые таит в себе мир.

С сожалением приходится констатировать, что в "Словаре важных имен, предметов и терминов, встречающихся в Священном Писании, предназначенном главным образом для молодежи", недавно опубликованном Говардом Малколмом, А. М., можно найти следующее определение.

Ведьма - это женщина, а *волшебник* - мужчина, который, как предполагается, имеет дело с сатаной, если не вступил с ним в официальный договор. То, что такие люди есть среди людей, ясно из Писания; и что они должны быть преданы смерти".

Вряд ли можно поверить в то, что это может быть пунктом в кодексе наставлений для подрастающего поколения в XIX веке. Предполагается, что в наше просвещенное время нашим детям преподают уроки, лучше рассчитанные на то, чтобы привить их нежным умам принципы нравственной мудрости и филантропии. Автор не стал знакомить публику с правилами и знаками, по которым следует определять ведьм и колдунов, и доказательствами, которым они должны быть осуждены. Если бы он жил во времена виселиц, то мог бы стать свидетелем того, с каким остервенением призраки и привидения отправляют ведьм и чародеев на виселицу. Посчастливилось ли автору выяснить, действительно ли грех колдовства, как его понимают в наше время, осуждается в Священном Писании как наказуемый?

Во всех странах совершенствованию литературы, искусств и наук мешали не только суеверия и фанатизм невежд, но и абсурдные указы государей и законодателей, как бы бросавших вызов всем энергиям прогрессивного знания. В XVI веке император Испании Карл V., сам пристрастившийся к самым черным преступлениям, приказал собранию прорицателей обсудить, законно ли с точки зрения совести вскрывать мертвое тело. Во время распространения злокачественной лихорадки в Барселоне мадридский двор написал рецепт, который должен был использоваться, и по приказу его католического величества врачам было приказано придерживаться его во всех случаях и запрещено назначать любое другое средство.

Во времена жестокой нетерпимости Серветус, ученый испанский врач, открыл движение крови через легкие, названное малым кровообращением; после этого он был жестоко

сожжен на костре вместе со своими книгами из-за религиозных разногласий с Джоном Кальвином.

Бессмертный Гарвей, который в 1628 году стал автором самого важного открытия в истории медицины - циркуляции крови, был подвергнут подлой клевете и очернению, в то время как своими благородными усилиями и благочестивым примером дарил миру благословения. "Полагаю, - говорит леди Морган, - в конце прошлого века барон де Люш был казнен в Турине за то, что опубликовал, что Земля движется вокруг Солнца". Шевалье Ла Барр, несовершеннолетний, был казнен во Франции за вменяемое оскорбление, нанесенное распятию.

Но, слава Богу, пыточная дыба и зажженный факел никогда не позорили нашу родную страну; эти ужасные орудия больше не требуются для наказания мнимых преступлений и подавления истины и философских исследований.

Один благочестивый друг и покровитель настоящего писателя, умерший в 1787 году, не имея наследников, завещал все свое имущество, за исключением нескольких наследств, тринадцати конгрегационным обществам в графстве, в котором он жил; проценты с этих средств должны были ежегодно в течение ста лет направляться на покупку определенных религиозных книг, которые должны были распределяться между указанными обществами. По истечении ста лет существующие священнослужители могли выбирать другие религиозные книги, за исключением того, что один год из каждых четырех должны были приобретаться только первые упомянутые книги. Менее чем через двадцать лет, когда указанные книги устаревали, требовалось печатать новые издания только для этой цели, что приводило к большим расходам. Заинтересованные общества стали недовольны тем, что их ограничивали книгами, которые постоянно вытеснялись более новыми изданиями, идущими в ногу с прогрессивным развитием. Все они объединились в ходатайстве перед законодательным органом об отмене завещания, которое было удовлетворено, а имущество продано, а вырученные средства разделены между несколькими заинтересованными обществами.

Перемены и упадок накладывают неизгладимую печать на самые гордые творения человека; все завещания на нелиберальных условиях и человеческие верования, за которые люди могут держаться как за непогрешимые, можно рассматривать как соизмеримые только со всеми земными объектами, не имеющими под собой постоянного фундамента.

МЕДИЦИНСКОЕ ШАРЛАТАНСТВО.

Не будет неуместным добавить несколько страниц о медицинском шарлатанстве и эмпиризме, поскольку на протяжении более полувека писатель время от времени становился свидетелем меланхолических сцен и катастроф среди своих собратьев в результате их гнусной практики. Можно только порадоваться, что благодаря либеральным и прекрасным положениям, принятым нашими законодательными органами, и широчайшим средствам образования, которые предоставляют наши институты, каждый кандидат на медицинскую славу может стать полностью подготовленным к ее достижению. И каждый город или приход может быть обеспечен учеными врачами, заслуживающими доверия народа; и никогда не следует нанимать или поощрять других, поскольку они имеют особые права на общественное покровительство.

Несмотря на то, что во всех медицинских учреждениях Соединенных Штатов приняты самые разумные и энергичные меры для предотвращения зла шарлатанства, существуют невежественные и беспринципные самозванцы, которые ставят наперекор всему обучение и теоретические знания, и практикуют самые гнусные действия и обманы, без зазрения совести играя со здоровьем и жизнями своих собратьев. Таких злодеев слишком часто поощряет невнимательная публика, которая, прельщаясь чудесами и магией, с готовностью поддается на самые грубые нелепости. От одного из таких людей мы имеем следующий анекдот.

Один старый знакомый, хорошо знавший характер знаменитого эмпирика, сказал ему, стоя у двери: "Притхи, доктор, как случилось, что вы, чье происхождение мне так хорошо известно, смогли получить больше практики, чем почти все обычные врачи". "Молю, - говорит шарлатан, - сколько человек прошло мимо нас, пока вы задавали этот вопрос?" "Около двадцати". И сколько из них, по вашему мнению, обладают достаточной долей здравого смысла?" "Возможно, один из двадцати". "Именно так, - говорит доктор, - и этот один относится к обычному врачу, а я и мои собратья подбираем остальных девятнадцать".

А как часто мы видели презренного невежду, вознесенного голосом популярности над уровнем ученого и опытного врача и хвастающегося девятнадцатью двадцатыми частями практики? Нередко наше внимание привлекают притязания пророков и мистических фанатиков, которые объявляют о своей мнимой небесной миссии и лечат своих доверчивых пациентов пузырьками и магическими заклинаниями. Незнакомец по прозвищу Доктор дождевой воды, одурманив сотни слабоумных людей, несколько лет назад исчез, оставив в тайне и свое происхождение, и свой выход. Но самым дерзким самозванцем, которому когда-либо удавалось ввести в заблуждение даже вульгарных людей, был некто Остин из Вермонта, который несколько лет назад объявил себя пророком и притворился, что излечивает все болезни молитвой к небесам, не требуя никакой другой информации о пациенте, кроме нескольких строк с просьбой о молитвах. Такова была доверчивость и вера народа, что к нему посылали письма и гонцов от больных, слепых и калек с расстояния в несколько сотен миль, пока на его руках не скопились тысячи. Один бедняк, которого я знал, так увлекся проповедью пророка, что, собрав письма от нескольких инвалидов всех видов, среди которых был один совершенно слепой, и получив денежные пожертвования, действительно совершил путешествие длиной около двухсот миль, чтобы получить пользу от молитв пророка. Но вскоре он вернулся обратно и не принес своим доверчивым работодателям и себе никакой пользы, кроме убеждения в их глупости и гнусном навязывании современных пророков. Два вышеупомянутых жонглера, надо полагать, не рисковали жизнью, используя ядовитые вещества, поскольку полагались на работу воображения; но есть и более смелые поборники этого ремесла, которые могут в один миг смести вас со сцены. Стране досаждают целая вереница беспринципных невежд, без репутации, которые шастают по улицам, размахивая верным оружием смерти, не заботясь о последствиях. Но их наказание отложено до дня возмездия. Мне хорошо запомнился следующий моральный урок одного благочестивого врача. Если пациент умрет по вашему умышленному невежеству, опрометчивости или небрежности, его кровь потребует от ваших рук". Насколько же большей должна быть ответственность тех, кто применяет самые активные и даже ядовитые вещества, не имея ни малейшего представления о человеческой конституции и природе лекарства. Для таких людей характерно браться за лечение неизлечимых болезней, возвеличивая бородавку до рака, простую язву до распространяющегося омертвения, и вправлять кости там, где нет ни сустава, ни перелома. Хотя случаи смерти от их практики очень часты, если случается хоть одно исцеление, оно

объявляется почти чудесным, а беззаконники по-прежнему безнаказанно ищут свою жертву, и никто не рассказывает о тысячах их жертв, скрытых в безмолвной могиле!

Именно из такого же эмпирического источника раздражает общественность отвратительная демонстрация шарлатанских и *патентованных лекарств*, которые через газеты нагло вбрасываются на всеобщее обозрение. Создается впечатление, что множество невежественных самозванцев объединились во враждебном отношении к профессии медика, желая лишить ее достоинства и пользы, а ее характер разложить в пух и прах. Мир наводнен нострумами, узурпировавшими власть не только лечить все болезни нашей природы, но и фактически укреплять человеческую конституцию и делать ее неуязвимой. В своей показной демонстрации они превозносят один-единственный нострум как средство, способное предотвратить и вылечить целый каталог болезней, как бы противоположны или противоречивы они ни были по своей природе. Они подходят для всех конституций, как состав сапожной чернобурки применим к *ботинкам или туфлям каждого человека*. Таким образом, нам любезно предлагают за несколько долларов приобрести у этих самозванных докторов то здоровье и долголетие, которое не в силах подарить даже благоразумная рука науки. Изобретатели и продавцы этих притворных специфических средств в большинстве случаев не имеют ни малейшего представления о болезнях, которые они пытаются вылечить; они полагаются как бы на случайный выстрел, и каким бы ни был результат, они уверены в своих огромных прибылях, от двух до четырехсот процентов; предметы, продаваемые за доллар, могут быть доступны за десять центов.

Подобным мошенничеством и надувательством один известный лондонский шарлатан скопил такое огромное состояние, что мог разъезжать по улицам в великолепном снаряжении, вызывая всеобщее легкоеверие. Но общественность может быть уверена, что с тех пор, как произошли значительные улучшения в химической науке, большая часть патентованных лекарств была проанализирована, и оказалось, что они состоят из старых статей, которые врачи исключили из своих медицинских материалов, чтобы дать место более ценным и эффективным средствам. Здесь, таким образом, находится безграничный источник безрассудства и мошенничества, но я хочу, чтобы было понятно, что эти замечания не должны распространяться на всех без исключения патентообладателей медицинских композиций, ибо все они не одинаково достойны порицания. Действительно, есть лишь немногие из них, которые ученые медики готовы признать полезными для общества. Но такое безразборное применение во всех случаях и обстоятельствах должно быть самым решительным образом осуждено. Если бы ежегодная сумма денег, потраченных на бесполезные нострумы, была обнародована, она вызвала бы изумление, а если бы были обнародованы бесчисленные разочарования в их созидательной силе, общественное негодование и презрение были бы уделом изобретателей и продавцов патентованных нострумов.

Нет более провоцирующего абсурда в применении к экономии здоровья, чем идея *весенних лекарств, семейных лекарств и т.д.*, и каждый человек должен четко понимать, что такие лекарства, назначаемые здоровым людям в качестве профилактики болезней, а также те, которые назначаются без умелого учета текущего состояния системы, абсолютно опасны для здоровья и жизни. То же самое можно сказать и о практике кровопускания в весенний период.

Те, кто придерживается нелепой идеи, что отдельные люди наделены сверхъестественными дарами и знаниями и становятся искусными врачами без образования или обучения, проявляют жалкое легкоеверие, равное лишь умозрению тех, кто верит в призраков и привидений, преследующих жилища мертвых. Сейчас мы с глубочайшим интересом

наблюдаем за стремительными шагами интеллекта, идущего в ногу с прогрессом света и истины, ожидая того политического и нравственного тысячелетия, когда знания будут востребованы больше, чем богатство, а чары добродетели будут цениться больше, чем чары порока; когда предрассудки, суеверия и разнузданность будут сведены на нет среди всех слоев человечества, а праведность возвысит нашу нацию.

Воистину "линии упали к нам в приятных местах, и мы имеем хорошее наследие". Но было бы несправедливо оглядываться на древность и сравнивать красоты сегодняшнего дня с уродствами древних времен; приписывать себе исключительное совершенство и лишать наших предков их реальных достоинств и заслуг; ведь мы не знаем, в какой период их жизни мудрость и добродетель были малопочтенными. Давайте с религиозной благодарностью поразмыслим над теми значительными привилегиями и благами, которые завещали нам наши отцы. Во всех их действиях прослеживается ревностная забота о том, чтобы передать потомкам славное наследство. Подобно ангелам света, они просвещали умы своих детей, придавая большое значение религиозным институтам, семинариям и свободным школам. Если в какой-либо форме они и закрепили бы в наших умах принципы гражданской и религиозной свободы, патриотизма, филантропии, нравственной прямоты и общественной добродетели. Но "наши отцы, где они?". Давайте же с усердной верностью следовать за ними в каждом добром слове и деле, чтобы наши дети в духе благодарности и любви могли повторить восклицание "наши отцы, где они?". Нам выпала славная честь жить в эпоху, когда элементы нашей земной обители подчиняются самым грандиозным операциям. Творения рук человеческих кажутся наделенными разумом; раскаленный пар покоряет мощь самого быстрого коня, а возможности передвижения по земле и морям напоминают воздушные полеты пернатых. Но, о ужас, смерть торжествует над хрупкой природой человека; наша жизнь - всего лишь продолжающееся чудо, которое может быть поддержано только рукой того всемогущего существа, которого мы почитаем как "бывшего наших тел и отца наших духов". Все должны склониться перед ужасным призывом и покинуть эту земную обитель; последние остатки смертности отправляются в безмолвную гробницу, чтобы смешаться с родительским прахом.

Примечание транскриптора

Варианты написания сохранены в печатном виде.

Исправлены незначительные пунктуационные ошибки.

Внесены следующие изменения:

Стр. 4 - **повтор** "для" удален - ... наши отцы вознеслись в регионы, подготовленные для их приема, ...

Стр. 37-**было** изменено на где-... она спросила, почему я так часто звонил ей и где я был; ...

Стр. 76-демоноики изменено на демоноики - "Демоноики, - говорит Кенрик, - это люди с расстройством ...".

Стр. 179-**быть** изменено на он-... чтобы подвергнуть его опасности при падении, он не мог не сойти с дороги...

Стр. 184-безотчетно исправлено на безотчетно - ... все же безотчетно оборвалось, ...

Стр. 201-**женщины** изменено на женщины- Его место заняла другая старуха, ...